

Государственное бюджетное учреждение культуры
Владимирской области
«Муромский историко-художественный музей»

СООБЩЕНИЯ
МУРОМСКОГО МУЗЕЯ
2018, 2019
(Материалы отчетных конференций)

Выкса
2020

УДК 9 (С Мур)
ББК 63.3 (2 Мур)
С63

Под редакцией Ю. М. Смирнова

С63 Сообщения Муромского музея — 2018, 2019:
Материалы отчетных конференции МИХМ / Под ред.
Ю. М. Смирнова. — Выкса: Издательство ИКСА, 2020. —
250 с.: 81 ил., 4 табл. — Библиограф.: 327 назв.

ISBN 978-5-6042525-7-4

В сборнике представлены материалы отчетных конференций Муромского историко-художественного музея, в которых освещаются различные аспекты истории Мурома и деятельности МИХМ. Сборник рассчитан на круг читателей, интересующихся локальной историей.

УДК 9 (С Мур)
ББК 63.3 (2 Мур)
ISBN

© Муромский историко-художественный музей, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

<i>О. А. Сухова</i> Пятилетка Золотарева в Муромском музее	4
<i>Л. И. Глуценко, Е. А. Сузуева</i> «Маленькие куколки»	30
<i>А. С. Мохова</i> Оружие, канувшее в историю: боевой молот — клевец из коллекции Муромского музея	38
<i>Е. А. Васильченко</i> Обзор материалов по краеведению, хранящихся в музейных коллекциях МИХМ	49
<i>А. А. Горская</i> Путешествия на пароходах по Оке в конце XIX — начале XX вв.	62
<i>В. Е. Ершов</i> Характеристика землепользования в Муромском уезде в первой трети XVII века	73
<i>Г. А. Пудов</i> Сундучная мастерская Н. С. Тебекиной. Материалы к истории	88
<i>Л. И. Глуценко</i> Рекомендации школьникам и студентам средних специальных учебных заведений по организации и осуществлению краевед- ческих исследований	99

<i>Ю. М. Смирнов</i> Вооружение муромского служилого города 1649 года	117
<i>Т. Б. Купряшина</i> Ранние иностранные гравюры с изображением Муромца	129
<i>В. Е. Ершов</i> История землевладения муромских монастырей в Муромском уезде в XVI — первой половине XVII веков.....	145
<i>А. С. Мохова</i> Кружево арабских надписей (описание и перевод текста на щите из коллекции МИХМ)	157
<i>Л. И. Глущенко</i> Описание комплекса документов семьи Патырминых из фондов Муромского музея.....	171
<i>О. А. Сухова</i> Комплекс предметов из наследия иконописцев Патырминых в собрании Муромского музея.....	177
<i>Ю. М. Смирнов, Н. Д. Антонова</i> Две графини одного фотографа (бытовая мифология в биографии Н. Сажина)	215
<i>Ю. М. Смирнов, Е. А. Васильченко</i> Запретные плоды просвещения (о нелегальной литературе в Муроме начала XX века)	232

ПЯТИЛЕТКА ЗОЛОТАРЕВА В МУРОМСКОМ МУЗЕЕ

Всего лишь одну пятилетку — 1966-1971 гг. — директором Муромского музея проработал Александр Анатольевич Золотарев (1917-1986), но оставил яркий и своеобразный след в его истории. Он был коренным муромцем: дед преподавал гимнастику в Муромском реальном училище, а отец служил в городском отделении Российской Главной палаты мер и весов¹.

Александр младший увлекся краеведением со школьной скамьи и семнадцатилетним юношей лет недолго — с июля 1935 до апреля 1936 — заведовал в Муромском музее культурно-историческим отделом. Потом уехал учиться, окончил пединститут, позднее — аспирантуру в Горьковском университете.

Ил. 1. А. А. Золотарев с сотрудницами музея и гостями на берегу Оки. 1968 г. Слева от него В. П. Горбатова; справа — О. А. Луккина. МИХМ

Как он сам признавался, «круг моих интересов очень широк, но главный интерес — история культуры Муромской земли, включая и искусство, в частности, и архитектуру (по образованию я — историк-филолог)»².

А. А. Золотарев смолоду был весьма оригинальной личностью. По воспоминаниям муромского журналиста и краеведа В. И. Богатова, сына одного из директоров музея, «Александра Анатольевича отличала от его сверстников какая-то чопорность что ли. Даже летом на пляж он приходил в черном костюме, при белой манишке, галстукке и съёмными манжетами, ему чужды были наши спортивные интересы, хотя женился он на одной из лучших муромских спортсменок Марине Доморацкой... И вторая его жена была спортивная комсомолка»³.

С 1943 г. до конца войны Александр Анатольевич оказался на штабной работе в Москве. «Стечение обстоятельств

Ил. 2. Сотрудники Палаты мер и весов. Муром. 1909 г. Анат. А. Золотарев — отец А. А. Золотарева — стоит справа. МИХМ

Ил. 3. Палата мер и весов. Муром. 1927 г. Анат. А. Золотарев — отец А. А. Золотарева — за столом слева. МИХМ (не более), — как писал он одному из коллег-краеведов. — Об этом часто говорят так: „Отсиделись”... Не сказал бы этого: Москва умела подбирать работоспособные толковые кадры (сужу об этом по моим товарищам по службе, а не по себе, конечно); но зато мы и работали там так, что именно там воспиталась та закваска, которую теперь... не приемлет новое поколение: требовалась исключительная аккуратность, быстрота, оперативность, точность, инициатива умная, взаимовыручка, полное взаимодоверие и глубокое внутреннее сознание ответственности за дело, за себя, за товарищей, за людей, судьбы которых стояли за нашими практическими делами. „Восьмичасового” рабочего дня мы не знали в годы войны, а 24-х часовой с возможностью лишь „прикорнуть”, „передремать” на своем рабочем стуле бывал очень часто»⁴.

Вернувшись в Муром, Золотарев преподавал в Муром-

Ил. 4. А. А. Золотарев. 1940-е гг. (?)

ском пединституте, продолжая серьезно заниматься краеведением, куда входил и его интерес к местным художникам. В 1966 г. стал директором Муромского музея. Это был очередной «трудный период» в истории музея. На пятилетку Золотарева пришелся капитальный ремонт здания, подобный стихийному бедствию: сворачивание всех экспозиций, отсутствие фондохранилищ, ночные

дежурства во внутренних помещениях. Были, конечно, и приятные памятные моменты. Именно Александр Анатольевич принимал здесь, в его родном доме, Владимира Козьмича Зворыкина — изобретателя телевидения, «русского американца». Событие это, надо сказать, для 1967 г., в городе, куда запрещали въезд иностранцам, было неординарным.

Первый год директорства Золотарева из-за халатности подрядчика, производившего капитальный ремонт, ознаменовался страшным прорывом отопительной системы 20 декабря 1966 г. Пострадал ряд ценных экспонатов, в том числе в комнате, где была представлена сцена продажи крепостной крестьянки, которую особенно любили муромцы⁵. В глазах общественности вся вина ложилась на нового директора, будто по собственной инициативе начавшего ремонт и самовольно разрушившего старую экспозицию. По замечанию В. И. Богатова, она сложилась

к тридцатым годам и просуществовала до середины шестидесятых — «„до капитального ремонта”, затеянного директором Александром Анатольевичем Золотаревым, после которого она так и не была восстановлена в полном объеме»⁶. Между тем, со времени хрущевской «оттепели» та экспозиция была безнадежно устаревшей и физически, и идеологически, и, конечно, не могла слепо воспроизводиться вновь.

Если в 1966 г. все отделы музея еще функционировали полностью, то в 1967 г. — только половина, а с 23 января 1968 г. работали лишь временные выставки, создававшиеся уже при Золотареве. Для туристов наиболее привлекательной была выставка русского искусства XV-XIX вв.

И до Мурома докатился разразившийся в годы оттепели экскурсионный бум. Значительно увеличилось количество экскурсий по городу с заходом в музей. В Муроме их водили практически одни музейщики. Музей заключил договоры с Московским экскурсионным бюро Всесоюзного совета по туризму и с Муромским филиалом Владимирского бюро путешествий. Директор музея, все сотрудники и их юные помощники-школьники встречали туристические теплоходы и водили по городу многочисленные экскурсии, чтобы заработать хоть какие-то средства для нужд музея. В отзывах туристов нередко звучало удивление высоким уровнем экскурсий и ценностью экспонатов: «Восхищена экспозицией музея и любовным рассказом о нем зав. музеем Золотарева А. А. Побольше бы таких энтузиастов-собирателей и хранителей русских ценностей. Сойдя с парохода, никак не ожидала такой интересной и содержательной экскурсии... Александрова Татьяна Капитоновна. Москва. 4. 9. 69»⁷.

Самой же важной задачей, поставленной директору музея городским и областным начальством, было создание после

Ил. 5. «Продажа крепостной». Фрагмент экспозиции музея 1950-х гг. МИХМ

ремонта новых, идеологически и научно выдержанных экспозиций — от отдела природы до развитого социализма. «В ближайшие годы Муромский краеведческий музей должен стать опорным в области. В связи с этим Управление культуры придает большое значение структурно-экспозиционному плану, разрабатываемому в настоящее время научным коллективом музея»⁸, — писал Золотареву К. Е. Кудрявцев, заместитель начальника владимирского Управления культуры. Действительно, все малочисленные музейные сотрудники были задействованы в написании структурных и тематико-экспозиционных планов, которые постоянно подвергались критике и переработке. Золотарев отвечал Кудрявцеву: «Не задержу и план отдела истории дореволюционного периода. О сроке я помню, и работаю днями и ночами, много экскурсий по городу,

О. А. Сухова. Пятилетка Золотарева в Муромском музее

в частности, москвичей из среды ученых. Приходится водить всем, спецсредства крайне необходимы»⁹.

Рабочий день у него самого и его сотрудников не был строго нормированным, бывало, самое интересное начиналось после официальных часов. Музейщики гурьбой, с печатной машинкой, подшивками газет и другими материалами, зачастую и с гостями Золотарева, направлялись к нему домой, где после ужина каждый получал задание по определенной теме краеведения. Иногда под утро самые стойкие по инициативе директора шли слушать соловьев к храму Козьмы и Демьяна. Бог весть, когда попадали домой, благо жили все неподалеку. На следующий день в том же порядке с той же машинкой, подшивками и папками двигались на работу.

Несмотря на все трудности и суету, исследовательская работа всячески инициировалась и внедрялась в музей, за каждым закреплялись определенные краеведческие направления. Поражает обширная научная переписка, накопившаяся за эту

Ил. 6. А. А. Золотарев на музейном мероприятии. 1968 г. МИХМ

пятилетку. Когда только директор находил время вникать и профессионально отвечать на запросы и просьбы о консультациях. Например, не без его участия вышел в издательстве «Искусство» иллюстрированный альбом «Муром» со вступительной статьей С. И. Масленицына (1971)¹⁰. В состав Ученого совета по приглашению Золотарева входил создатель музея и первый его директор В. И. Жадин, известный ученый-гидробиолог, а также другие столичные и областные исследователи, которые реально в нем участвовали¹¹.

При музее были организованы и действовали историко-революционная и историко-краеведческая секции, а также секции истории реки Оки и водного транспорта, декоративно-прикладного искусства. В краеведческой работе Золотарев старался задействовать как можно больше людей, буквально – от пионеров до пенсионеров; активно работал с учителями, школьниками, художниками, самодеятельными мастерами.

Сам он въедался в любой материал, касающийся истории и

Ил. 7. А. А. Золотарев монтирует выставку с А. А. Сиротинской и В. П. Горбатовой. 1968 г. МИХМ

Ил. 8. А. А. Золотарев ведет экскурсию туристам. 1969 г. МИХМ культуры Мурома — от калача и местного пряника до жизни и творчества художника Целебровского и муромских гуслиаров или посещения Мурома знаменитым оперным певцом Леонидом Собиновым; от уникального храма Козьмы и Демьяна, местного фольклора и жития Петра и Февронии до подробностей революции 1905 г. и деятельности партии РСДРП в городе, погружая во все это своих юных, да и пожилых помощников.

Он любил молодежь, у него тогда в сотрудниках перебывало немало вчерашних старшеклассников, среди них О. Сиротинская (Лукина) — в 1971 г. сменившая его на посту директора; А. Сиротинская, искусствовед, сейчас сотрудник музея; А. Поликарпова (Аносовская) — известный музейный работник в Ярославле; А. Халин — ныне заведующий кафедрой истории государства и права Нижегородского института управления; С. Лёвин — успешный художник, живущий

Ил. 9. А. А. Золотарев с гостей из министерства и с матерью – М. Н. Золотаревой, в саду своего дома. 1968 г. МИХМ

в Израиле; О. Курапова (Сухова) — из помощниц-старшеклассниц, уже более сорока лет работает в Муромском музее; О. Ратунина, филолог по образованию, до сих пор сотрудничает с музеем и водит экскурсии по Мурому.

Да и другие теперешние работники музея, кто был знаком с А. А. Золотаревым, могут назвать его своим наставником в профессии, в которой не только необходимо знать и любить местную историю, но тщательно изучать артефакты и источники, иметь широкий кругозор и применять, как принято говорить сейчас, комплексный метод в исследованиях. В свою директорскую пятилетку он уделял молодежи много времени. Могли вместе отправиться на музейном автобусе по прозвищу «Бантик» на целый день в бывший Борисоглебский монастырь. Там изучали сохранившиеся и разрушенные храмы, читали надписи на могильных плитах XVII столетия. Его обучающие

О. А. Сухова. Пятилетка Золотарева в Муромском музее

экскурсии у любимого им храма Козьмы и Демьяна, где можно было зайти внутрь и рассмотреть архитектурные приемы середины XVI в., либо на территории Воскресенского монастыря, где он с пристрастием допрашивал юных слушателей, в каком стиле исполнен пышный портал собора XVII в., растягивались на много часов.

В своем директорском кабинете он не только разрешал, а буквально заставлял краеведов-школьников пользоваться словарем Брокгауза и Ефрона, говоря современным языком — учил находить информацию. А. А. Золотарев настойчиво направлял их на подготовку для поступления в вузы и заставлял своих воспитанников серьезно отчитываться о шагах в этом направлении. Надо сказать, относился он ревниво к их знакомствам и занятиям, по его мнению, отвлекавшим от дела. Кроме проведения экскурсий по городу, помощники-старшеклассники переносили экспонаты, участвовали в монтаже выставок,

Ил. 10. Юные экскурсоводы у музейного автобуса. 1969 г. О. Ратунина — 1-я слева, О. Курапова (Сухова) — 3-я слева. Из архива А. А. Сиротинской

дежурили в музейных залах и в Николе-Набережном храме, где хранилась коллекция деревянной скульптуры и планировалось создание отделов, посвященных убранству храма и истории реки Оки.

В 1966 г., когда еще работали старые экспозиции, устраивались и временные. Кроме трех вернисажей местных художников, в том числе — персонального к 65-летию А. В. Морозова, была создана и необычная выставка — с условным наименованием «Кабинет Онегина» (официальным — «Черты дворянского быта первой половины XIX в.»), которую показывали исключительно школьникам. Позже в помощь школе была устроена вторая — по «Грозе» А. Н. Островского — «Черты купеческого быта второй половины XIX века». Ее гвоздем стал портрет муромской купчихи Сорокиной-Усовой, образ которой, как тогда казалось, идеально соотносился с Кабанихой. Шестиклассникам подготовили презентацию экспонатов и материалов, посвященных русским былинам¹².

«Повезло» Золотареву с выпавшими на его музейную

Ил. 11. Юные экскурсоводы изучают древнюю архитектуру в с. Борис-Глеб. 1969 г. Из архива А. А. Сиротинской

пятилетку юбилеями, важными в системе тогдашних идеологических установок. Каждому из них следовало посвятить «трудовой подарок»: подогнать по срокам сдачу помещений из ремонта, устроить тематические выставки и разнообразные мероприятия. В 1967 в честь 50-летия Советской власти выставлялись и муромские художники, и фотолюбители¹³.

В 1968 г., когда уже все основные экспозиции были свернуты, прошло особенно много временных. На общем и местном материале были построены вернисажи к юбилею Вооруженных сил СССР и комсомола. В честь той же даты проведена презентация фотолюбителей «Наш современник». Организована первая персональная выставка молодого живописца О. Измайлова, «посвященная героическим детям Вьетнама», сбор средств от которой поступил им в помощь; демонстрировалась «Природа Муромского края в творчестве А. А. Морозова»¹⁴.

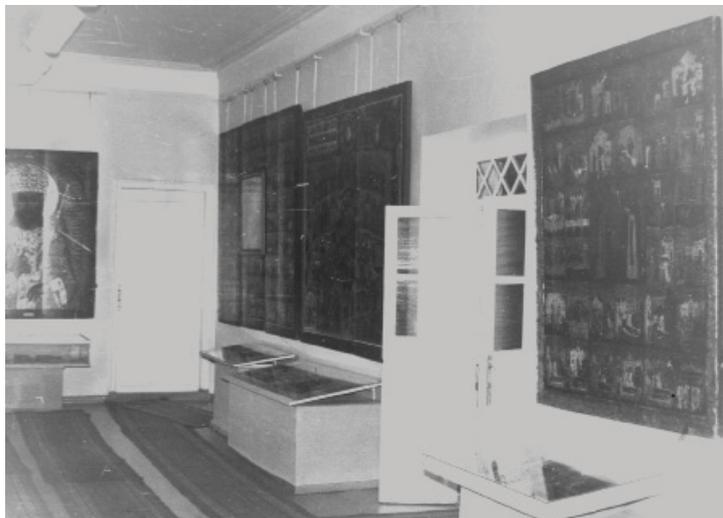
К декабрю совместно с художником М. К. Лёвиным музейщики подготовили вернисаж юных художников Мурома, который продлился все новогодние каникулы 1969 г., и в котором принимали участие некоторые будущие сотрудники нашего музея (Т. Купряшина, И. Сухов). По настоянию А. А. Золотарева для изучения местных традиций изобразительного искусства и их пропаганды тщательно готовились и по возможности издавались каталоги со вступительными статьями художественных выставок, даже детских, проходивших в музее¹⁵.

В том же 1968 г. с июля по октябрь экспонировалось «Русское искусство XV-XIX веков из фондов музея». Как следует из отчета, экскурсионный текст «разрабатывался всем коллективом; обсуждались со стороны методики и содержания экскурсии, проводимые разными экскурсоводами в поисках

наиболее удачного варианта»¹⁶. В ту пору практиковалось усвоение экскурсий новичками «с голоса» знающих и опытных коллег, что в нашем музее сохранялось вплоть до восьмидесятых. Оно того стоило, особенно если вел ее сам А. А. Золотарев — эрудит и энциклопедист, обладатель поставленного голоса завораживающего тембра.

1969 г. начался с одной детской выставки и закончился другим вернисажем юных художников, перешедшим на новогодние каникулы. Еще школьников привлекала небольшая экспозиция, посвященная герою Советского Союза Н. Ф. Гастелло, чья юность прошла в Муроме. В ней были представлены документы, фотографии, мемориальные вещи и... скульптура мальчика с самолетиком в руках работы наивного мастера, олицетворявшая мечту о небе всех мальчишек предвоенного поколения. В своих отзывах дети писали: «Посетив ваш музей, многим понравилось все. Мальчикам больше понравилась комната Гастелло. 3. 06. 69»¹⁷.

Весной 1969 г. при музее была организована секция декоративно-прикладного искусства, ядром которой стала группа молодых художников, друзей музея — Е. Архиреев, Ю. Ерхов, О. Измайлов. В ноябре прошла выставка современного народного искусства местного края. Лучшие работы попали на областной вернисаж, где первое место заняли муромцы, чьи работы — наборы пряничных досок, разработанные художниками вместе с А. А. Золотаревым, отправились в Москву уже в 1970 г. В опубликованной в местной газете статье «Стремление к красоте» о работе секции и выставок прикладного искусства Золотарев в дуэте с В. П. Силиным, директором третьей школы, призывал городские и сельские школы заняться собиранием и изучением деревянной резьбы края, которую «с успехом можно проводить во время туристических походов»¹⁸.

Ил. 12. Иконы в экспозиции музея. 1968 г. МИХМ

На рубеже 1969-1970 гг. проходила юбилейная персональная выставка М. К. Лёвина, большого друга музея и лично директора. Корреспондент Н. Богатенкова в статье «Моя родная старина. Заметки с выставки» в «Муромском рабочем» от 30 декабря 1969 г. возмущалась, что вернисаж работает уже две недели, но нет ни аннотаций, ни каталога (он вышел позже — в 1970 г.) и даже официального открытия не было. «Что же это такое? Что случилось...?», — вопрошала газетчица. И констатировала, что «предоставили для выставки одни только стены... впечатление такое, что выставка организовывалась наспех...»¹⁹. На самом-то деле музейщики серьезно и задолго готовились к этому вернисажу. В нашем архиве хранится папка материалов с документами, списками работ, афишами, каталогами, посвященными юбилейной выставке М. К. Лёвина²⁰. Как это часто бывает, кропотливая подготовка осталась неведомой для прессы и посетителей. Неизвестно, по какой причине не было

Ил. 13. Народное искусство на выставке в музее. 1968 г. МИХМ

официального открытия. Между тем, выставку посетило около шести тысяч горожан, было проведено торжественное закрытие, на котором прозвучали отзывы коллег и речи от начальства с вручением грамоты художнику²¹.

Все мероприятия 1970 г. в СССР посвящались 100-летию В. И. Ленина: и детская художественная выставка, открывшая год, и взрослых художников, и фотолюбителей. Летом, как и в предыдущие туристические сезоны, разворачивалась выставка икон, русской живописи и прикладного искусства. Тематико-экспозиционный план выставки древнерусского и народного искусства, тогда было модно такое соединение в одной музейной экспозиции, был разработан в 1968 г. и в какой-то мере воплощался в этих сезонных вернисажах. Поистине, ноу-хау Золотарева были его выставки для школьников, что было признано и одобрено комиссией ЦК КПСС,

посетившей музей в декабре 1967 г. «Организация выставок в помощь школе, при изучении произведений литературы, явилась в Муромском музее новым делом», что отмечено в «Кратких сведениях» о работе музея в 1966-1968 гг.²²

В условиях ремонта особой заботы требовали коллекции музея, ценность которых очень хорошо осознавал Александр Анатольевич. Как знаток древнерусской культуры и искусства, он организовывал профилактику и реставрацию икон, которой занимался владимирский специалист А. П. Некрасов. Из его мастерской в 1970 г. была отправлена в ГосНИИР самая древняя икона Муромского музея — «Николай Чудотворец» XIII-XIV вв., работа с которой завершилась лишь в 2004 г., и с тех пор она постоянно находится в экспозиции. В 1967-1968 гг. в ВХНРЦ им. И. Э. Грабаря находилась уникальная муромская икона «Петр и Феврония с житием» конца XVI — первой трети XVII в. По окончании реставрации она была помещена в экспозицию. А. А. Золотарев уделял большое внимание состоянию древних икон, находившихся в действующем Благовещенском соборе. Над некоторыми из них трудился А. П. Некрасов, а по инициативе директора они даже были включены в инвентарь музея. Потом пришлось эти произведения, находящиеся в храме, списывать через министерство²³.

Вместе с хранителем музея С. В. Тагуновым он приложил немало усилий к тому, чтобы вернулись одиннадцать икон Муромского музея, выданные «на реставрацию» в Музей имени Андрея Рублева в 1964 г. Но тогда это не удалось, и А. А. Золотарев, человек острого ума, прекрасно понимал, что предстоит нешуточная борьба за их возврат, так как лучшие из произведений уже вошли в каталоги чужого музея и выставляются за границей без ведома Муромского. В 1974 г. вернули только одну, через тридцать лет еще четыре, через несколько

лет три, и, наконец, три последних и самых ценных вернулись домой в 2016 г. — через полвека после законных требований Золотарева²⁴.

Однако, обеспечить достойное хранение всех экспонатов в условиях проходящего в тот период ремонта музейного здания и катастрофической нехватки помещений было очень сложно. Трагически закончилась история с перемещением коллекции деревянной церковной скульптуры в храм Николы-Набережного. После увольнения А. А. Золотарева с поста директора ставка сторожа, следившего за этим церковным зданием, была снята. Проникновения хулиганов внутрь наносили урон резьбе иконостаса и экспонатам, которые вновь пришлось эвакуировать. Последнее запечатлелось в памяти горожан, рождая легенды и предания. Говорят, скульптура Христа, брошенная безобразниками в реку, быстро уплывала по течению Оки, но сотрудникам музея все же удалось догнать ее, выловить и спасти.

Несмотря на все сложности, прекратить собирательскую работу в музее было невозможно. Пятилетка Золотарева ознаменовалась записью 3547 единиц хранения в книгу поступлений музея²⁵. В основном это были фотографии, причем не старые, а пересъемка памятников архитектуры, картин художников, экспонатов музея, что по-своему ценно, но не совсем достойно основного фонда. Часть из них позже была списана.

Среди интересных приобретений комплекс, связанный с местным художником П. И. Целебровским — живописные и графические работы, фотонегативы, личные вещи, в том числе гусли, — который, как следует из отчета, обнаружил и доставил в музей Сергей Нуждин, ученик третьей школы. Другому ученику — Алексею Халину, десятикласснику двенадцатой школы из помощников музея, было поручено разра-

Ил. 14. В «Кабинете Онегина» (в «расписной комнате»): А. Халин — 2-й слева; А. Сиротинская — 3-я слева; А. Поликарпова — справа. 1969 г. Из архива А. А. Сиротинской

батывать тему по жизни и творчеству Целебровского, помогая А. А. Золотареву и В. П. Горбатовой. Планировалась выставка, посвященная 110-летию юбилею П. И. Целебровского (1959-1921) в декабре 1968 г.²⁶ Ученики других школ постоянно пополняли своими находками нумизматические коллекции, а ребята четвертой школы «открыли документы Экземплярского». Поступил большой комплекс документов, наград, мемориальных вещей известного муромского врача С. А. Дементьева. Как показали разведочные выезды, «попадало еще очень много разнообразного и подчас весьма ценного материала». Так, музеем были приобретены крестьянские сарафаны XIX — начала XX в. «прекрасной сохранности»²⁷.

Из фондовой документации той поры следует, что такой незаурядный экспонат, как пулемет «Максим», получил учет-

Ил. 15. Выставка муромских художников в музее. 1968 г. МИХМ

ную запись в инвентаре в связи с 50-летием Октябрьской революции. Когда на самом деле он поступил в музей, пока не выявлено, но именно в тот юбилейный период он был в нем официально «прописан». Известно также, что директор А. А. Золотарев лично по доверенности (16. 09. 67) выдавал его на мероприятие в ГК ВЛКСМ Мурома²⁸. Особенно этот пулемет запомнился муромцам, посещавшим «советский отдел» музея школьниками в семидесятые-восьмидесятые, где он стоял в разделе экспозиции, посвященной гражданской войне.

Александр Анатольевич Золотарев, человек чрезвычайно острого ума, был неуживчивым, беспокойным для начальства, где бы он ни служил. Из Муромского музея его «ушли» летом 1971 г., переложив все тяготы на хрупкие плечи его же ученицы – Ольги Лукиной, двадцатипятилетней выпускницы МГУ. Свой недолгий музейный эпизод он воспринимал так: «В 1966 г. уговорили принять должность директора Муромского музея. Мучился в этой должности до прошлого (1971. – О. С.) года,

но так как, строго говоря, музеи начальству нужны лишь на словах, то, понятно, с оным я не поладил и, говоря словами Пушкина, „Был за то повешен им”²⁹. Александр Сергеевич вел Анатолия Александровича по жизни с детских лет; в одном из школьных спектаклей конца двадцатых годов он даже играл роль Саши Пушкина³⁰.

Удивительное дело, что после А. А. Золотарева не осталось никаких публикаций, кроме нескольких газетных статей; не получилось у него выстроить и так необходимую тогда фундаментальную экспозицию. В общем, не удалась деятельность, так сказать, наглядная и для всех очевидная. Но в музее очень много невидимой работы, которую ни начальство, ни общество не замечает и не понимает. Вся она делалась под его руководством малым коллективом в эту тяжелую пятилетку капитального ремонта. Самое главное, что осталось от этого музейного периода — это непосредственная преемственность от того поколения следующему. Несомненно, обладая огромной эрудицией, а также каким-то особым магнетизмом, А. А. Золотарев воздействовал на молодежь, направляя наиболее восприимчивых на выбор профессий, связанных с историей, краеведением. Его музейная эра была лишь пятилеткой, но именно А. А. Золотарев является наставником следующего все еще действующего поколения сотрудников нашего музея.

После Муромского музея Александр Анатольевич создал интересный музей истории ткачества при фабрике «Красный Луч» и заведовал им. Потом организовывал школьный музей А. Н. Некрасова в селе Алешунине, бывшем во владении поэта. Золотарев состоял в дружбе с его внучатым племянником, писателем Н. К. Некрасовым. Консультации А. А. Золотарева Николай Константинович использовал в своей книге о знаменитом предке: «По их следам, по их дорогам» (1975)³¹.

В городе было известно, что у Золотарева сложные отношения с редактором муромской газеты Д. П. Пудковым, и его статьи печатались редко, вылеживались в редакции долго и чаще всего шли в номер, когда редактор уезжал в командировку. Только в соавторстве с директором музея О. А. Лукиной ему удалось опубликовать целую «сагу» к 75-летию Муромской организации РСДРП в двенадцати номерах газеты «Муромский рабочий» за 1978-1979 гг.³² На этом-то этапе и застал нашего «районного Пимена» Андрей Вознесенский, работавший над поэмой «Андрей Полисадов» (1980) о своем муромском пращуре. Поэт жил у краеведа на Воровского 30, где «в доме шаткие половицы», и беседовал с ним за полночь. Не удивительно, что такая яркая личность попала на страницы муромской поэмы А. А. Вознесенского, где поразительно точно обрисован его образ:

Мудр хозяин, почти бесплотен,
лет ему за несколько сотен.

Губы едкие сжаты ниточкой.
Его карий взгляд над оправой,
что похожа на чайное ситечко,
собеседника пробуравит.

Пимен нынешний — не отшельник,
я б назвал его Пимен-общественник³³.

Александр Анатольевич Золотарев музей не забывал, и порой заглядывал потолковать с сотрудниками. Он курил папироску, смотрел острым взором, поражал оригинальным мышлением. Вот так же сидели после недавних похорон художника Е. П. Архиреева (1986), который был его младшим приятелем. Александр Анатольевич печально заметил: «Ушел, нарушив очередь». А через несколько месяцев он сам последовал за ним — «разобраться с этим беспорядком». Гроб стоял в комнате со старинной обстановкой, рядом с ним молодая

жена Валентина и стойкий маленький сын, одетый как мальчик из девятнадцатого века. А в почетном карауле сменялись пионеры в парадной форме с красными галстуками на груди.

¹ Записка А. А. Золотарева уполномоченному Обллита А. В. Рубцову от 19. 3. 1967 г. Машинопись // ВА МИХМ – Ф. 3. – Оп. 6. – №19.

² Книга приказов Муромского музея 1930-х гг. // ВА МИХМ – Ф. 2. Оп. – 4. – № 6. – Л. 31, 33; удостоверение от 16. 6. 37 г. // Там же, между л. 48 об. и л. 49; Из письма А. А. Золотарева Н. В. Артемову, без даты (1973-?) // Рукописный фонд музея «Саровская пустынь». Фонд Н. В. Артемова. – Л. 141.

³ Богатов В. И. Заметки очевидца (воспоминания о Муромском краеведческом музее) // НА МИХМ. – Ф. 8. – Оп. 3. – Ед. хр. 24. – С. 8.

⁴ Из письма А. А. Золотарева Н. В. Артемову от 21. 04.1973 г. – Л. 147.

⁵ Протокол производственного совещания научных и технических сотрудников Муромского краеведческого музея № 4 от 20 дек. 1966 г. с повесткой дня: «Об аварии водяного отопления, происшедшей в музее 20 дек. с. г.»; акт от 27 дек. 1966 г. // Отопительная система, документы и вся переписка по ней. Начато 15 окт. 1966 г. – ВА МИХМ. – Ф. 4. – Оп. 6. – № 1 – № 14. – Л. 1, 5, 6.

⁶ Богатов В. И. Заметки очевидца (воспоминания о Муромском краеведческом музее) – С. 3.

⁷ Отзывы о экскурсиях, выставках, экспозициях Муромского городского краеведческого музея 1960-х гг.// ВА МИХМ. – Ф. 11. – Оп. 1. – № 37, 16 – Карточка № 504.

⁸ Письмо К. Е. Кудрявцева А. А. Золотареву от 28 марта 1968 г. // Научная переписка Муромского музея 1968 г. – ВА МИХМ. – Ф. 3. – Оп. 6. – Ед. хр. 7. – Л. 58.

⁹ Письмо А. А. Золотарева К. Е. Кудрявцеву от 16. 06. 1968 г. Исх. № 223 // Там же. – Л. 44.

¹⁰ Например, см.: Научная переписка 1968 г. // ВА МИХМ. – Ф. 3. – Оп. 6. – Ед. хр. 7; Научная переписка 1969 г. // ВА МИХМ. – Ф. 3. – Оп. 6. – № 26; Переписка с разными организациями 1970 г. // ВА МИХМ. – Ф. 3. – Оп. 3. – № 12; Письма А. А. Золотарева в областное Управление культуры и директору издательства «Искусство» от 4. 8. 1969 г. и от 12. 10. 1969 г. // Научная переписка 1969 г. В них А. А. Золотарев объясняет свою позицию по альбому «Муром»; крити-

кует поверхностный подход к материалу его автора С. И. Масленицына, с которым он специально встречался в Москве по вопросам этого издания.

¹¹ Переписка с В. И. Жадиным // Научная переписка 1969 г. ВА МИХМ. – Ф. 3. – Оп. – 3. № 12. – Л. 5; письмо-поздравление В. И. Жадину от коллектива Муромского музея с 50-летием музея и приглашением его в Ученый Совет; Письма В. М. Анисимова и канд. искусствовед. Лисицыной А. А. Золотареву с благодарностью за приглашение в Ученый Совет музея от 4. 1. 1969 г. и 21. 1. 1969 г. // Переписка с разными организациями 1969 г. ВА МИХМ. – Ф. 3. – Оп. 3. – № 15.

¹² Краткие сведения о работе музея с 1966 по 30 авг. 1968 г. // ВА МИХМ. – Ф. 2. – Оп. 4. – № 3. – Л. 6-8.

¹³ Там же. – Л. 7.

¹⁴ Отчет о работе Муромского краеведческого музея за 1968 г. // ВА МИХМ. – Ф. 2. – Оп. 4.– Ед. хр. 14. – Л. 7-8.

¹⁵ Юные художники Муромы и Муромского р-на. Каталог выставки / сост. – О. А. Сиротинская, А. В. Поликарпова, М. К. Лёвин / Муром, 1969 // ВА МИХМ. – Ф. 8. – Оп. 2. – № 27.

¹⁶ Отчет о работе Муромского краеведческого музея за 1968 г. – Л. 7-8.

¹⁷ Отзывы о экскурсиях, выставках, экспозициях Муромского городского краеведческого музея 1960-х гг. // Карточка № 471.

¹⁸ Золотарев А. А., Силин В. П. Стремление к красоте // Муромский рабочий. – 1970. – 3 апр.

¹⁹ Богатенкова Н. Моя родная старина. Заметки с выставки // Муромский рабочий. – 1969. – 30 дек.

²⁰ Материалы для каталога М. К. Лёвина // НА МИХМ. – Ф. 7. – Оп. 1. – Ед. хр. 18 а. См. подробнее: Сухова О. А., Смирнов Ю. М. Муромский художник Михаил Константинович Лёвин. К 100-летию юбилею (1918-1985) // Сообщения Муромского музея-2017. – Владимир, 2018.

²¹ Хлебов Г. Выставка закрылась // Муромский рабочий. – 1970. – 21 февр.

²² Краткие сведения о работе музея с 1966 по 30 авг. 1968 г. – Л. 8.

²³ См.: Сухова О. А. и др. Иконы Муромы – М., 2004. Кат. 1, 17. Иконы из Благовещенского собора были записаны в Книгу поступлений Муромского музея (том № 46) // НА МИХМ. – № 12. – Л. 228об.-229; 237об.-239; 245об.-246; 249об.-250. Иконы из Благовещенского монастыря опубликованы: см. там же. Ил. 12-14; 16-18; 21; 23-25. С. 21-23, 26-28, 31, 35, 38, 39; об этом см. также: Сухова О. А. Коллекция икон; история формирования, изучения и реставрация // Музеи и культурное наследие регионов. Художественные музеи России. – СПб., 2009 – Вып. 4. – С. – 18-19.

О. А. Сухова. Пятилетка Золотарева в Муромском музее

²⁴ Муромские иконы, находившиеся в музее им. Андрея Рублева, см.: Сухова О. А. и др. Иконы Мурома. — Ил. 3, 5, 6, 9, 10, 11. С. 9-20; Кат. 7, 8, 12, 14.

²⁵ Книга поступлений Муромского музея (тома № 46, 47) // НА МИХМ — № 12, 13.— Л. 83об., 26; Л. 1-48.

²⁶ Краткие сведения о работе музея с 1966 по 30 авг. 1968 г. — Л. 8.

²⁷ Там же. — Л. 16.

²⁸ Акт на временную выдачу пулемета и доверенность хранятся в секторе учета МИХМ. Благодарю хранителя коллекции оружия МИХМ А. Мохову за эти сведения. Пулемет записан за № 34 801 в старой Книге поступлений Муромского музея (том № 46) Л. 90 об.-91; в действующую Книгу поступлений (том № 1) записан 15 октября 1981 г. под № 131.

²⁹ Из письма А. А. Золотарева Н. В. Артемову, без даты — 1973 (?).— Л. 141.

³⁰ Зеест (Данковская) И. В. Биография В. В. Зееста / Василий Васильевич Зеест (1882-1962) // НА МИХМ. — Ф. 8. — Оп. 2. — Ед. хр. 9.

³¹ Некрасов Н. К. «По их следам, по их дорогам». — Ярославль, 1975.

³² Золотарев А. Передовой отряд // Муромский рабочий — 1978. — 27 мая; он же, Лукина О. Истоки большого пути // Там же. — 1978. — 15 июл.; они же. Накануне создания // Там же — 1978. — 16 сент.; они же. Накануне события // Там же — 1978. — 19 сент.; Золотарев А. Встреча с Козиным // Там же. — 1978. — 13 окт.; он же. О. Лукина. В годы первой русской революции // Там же. — 1978. — 27 окт.; они же. В годы первой русской революции // Там же. — 1978. — 31 окт., 2 нояб. 14 нояб.; они же. На новом подъеме // Там же. — 1979. — 13 февр., 16 февр.; они же. От февраля к Октябрю // Там же. — 1979. — 29 апр.

³³ Вознесенский А. А. Андрей Полисадов // Вознесенский А. Иверский свет. Стихи и поэмы. — Тбилиси, 1984. — С. 74; о А. А. Вознесенском в Муроме и А. А. Золотарева см: Сухова О. А. «Завитая пожарская чаша»: Андрей Вознесенский в пространстве Муромского музея // Андрей Вознесенский. Мозаика воспоминаний. — Владимир, 2015; она же. Поэт в пространстве музея. А. А. Вознесенский в Муроме // Сообщения Муромского музея (2014). — Владимир, 2015; она же. «Завитая пожарская чаша»: Андрей Вознесенский в пространстве музея // Муром литературный. Гладковские чтения: материалы IV краеведческой конференции. Муром. 1 марта 2015 г. /ЦБС. — Муром, 2015.

«МАЛЕНЬКИЕ КУКОЛКИ»

В собрании игрушек муромского музея есть две фарфоровые куколки, которые находятся сейчас в экспозиции «Город и горожане» в Выставочном центре. И большого, и маленького посетителя они привлекают своей миниатюрностью и изяществом.

Когда-то дом этих игрушек находился совсем в другом месте – селе Степанькове Меленковского района, в семье священника Василия Васильевича Орлова, где было пятеро детей¹.

По легенде куклы принадлежали жене отца Василия – Александре Алексеевне, в девичестве Быстровзоровой.

Ил. 1. Витрина с детскими игрушками в экспозиции «Город и горожане» Муромского музея

Родилась она в 1887 году и, по воспоминаниям родных, сама играла этими куклами в детстве. Затем они достались ее дочерям. Жизнь для семьи священника после революции складывалась не лучшим образом. В 1936 году умерла жена. В сентябре 1937 года сам В. В. Орлов был репрессирован и расстрелян. Пятеро его детей также подверглись гонениям, но, несмотря на тяжесть жизненных обстоятельств, одной из дочерей – Нине – удалось сохранить доро-

Ил. 2. Священник церкви села Степаньково Василий Орлов

Ил. 3. Жена священника Александра Алексеевна (в девичестве Быстровзорова)

гие сердцу вещицы. Это игрушки, те самые куклы — девочка и мальчик с фарфоровыми головками, руками и ногами и тряпичным туловищем.

Первые фарфоровые куклы европейского производства появились в 1830-е годы на фарфоровых заводах по изготовлению посуды. Бытовало мнение, что фарфоровые куклы изначально возникли в Китае, поэтому первых кукол, сделанных на европейских мануфактурах, стали называть «китайскими» или «нанкинскими» (по названию г. Нанкина — бывшей столицы Китая). Из фарфора куклам делали только головы и конечности, туловище оставалось матерчатым или кожаным. Эти куклы были на пике популярности в конце XIX столетия. Ручки и ножки, а также головы, неподвижно соединенные с плечами, вначале делались из глазурованного китайского, а позднее из матового всегда белого, нетонированного и неглазурованного фарфора. С начала 1870 года фарфор для

кукольных голов начинают тонировать в телесный цвет, чтобы достичь большего сходства с кожей человека («bisque» — матовый, неглазурованный фарфор)².

Иногда использовался фарфор более дешевого качества, с шероховатой поверхностью, так называемый «stone bisque». У этих кукол часто были рисованные прически, глаза и закрытые рты.

Фарфоровых кукол разных образцов выпускали многие фабрики в Германии. Чаще всего фарфоровые части делались на одной, а собиралась кукла уже на другой, на кукольной фабрике. «Нанкинские» же куклы делались целиком на фарфоровых фабриках. Тела для них шились из прочной и дешевой хлопковой ткани бежево-коричневатого цвета — нанки — и набивались мелкими опилками. Шили их надомные работники в огромных количествах, ведь швейные машинки были в Германии в обиходе уже с 1855 года.

Ил. 4. Европейский фарфоровый завод по производству посуды и фарфоровых деталей для кукол. 1830-е гг.

В продажу игрушки поступали как одетыми, так и без одежды. Из-за дешевизны пик популярности нанкинской куклы пришелся на конец XIX века. В большом количестве они продавались в Европе, экспортировались в Америку.

Собственное производство фарфоровых кукол в России появилось на рубеже XIX-XX веков. Их изготавливали на заводах А. Шраера и Я. Фингергута, Гудкова и Федосеева (с 1905), Дунаева (д. Митино, Хотьково, Московской губернии; начал выпуск кукол в 1890-х гг.). А. Дунаев модели кукол и кукольных головок разрабатывал совместно с известным художником и историком игрушки Н. Бартрамом или копировал у «Симон и Хальбиг». Часть изделий шла на экспорт, маркировалась клеймами: «Дунаев», «Хотьково», «Дунаев А. С. Хотьково». Стоили все эти куклы весьма дорого.

В небольшом количестве «китайских» кукол изготавливали в самом конце XIX — начале XX веков на заводах «Товарищества производства фарфоровых и фаянсовых изделий М. С. Кузнецова» (Гжель, Московская губ.) и на фабрике Василия Бенуа (Санкт-Петербург, Москва)³.

Почти все «китайские» куклы того времени — и европейские, и американские, и российские — не имели какой-либо маркировки⁴. До сегодняшних дней дошло весьма мало экземпляров, и они считаются редким музейным антиквариатом.

Поскольку наши игрушки находились не в самом лучшем состоянии, было принято решение их отреставрировать.

Приступая к реставрации, кукол осмотрели и выяснили, что на них отсутствует какая-либо маркировка. Девочка высотой 8,4 см, мальчик — 9. Выполнены из следующего материала: голова до плеч, руки до локтей и ноги до коленей — фарфор. Фарфоровые детали отличаются по цвету: голова бледно-розового цвета, руки и ноги — белые, фарфор шероховатый на ощупь.

Ил. 5. Кукла-девочка
до реставрации М-17235/2

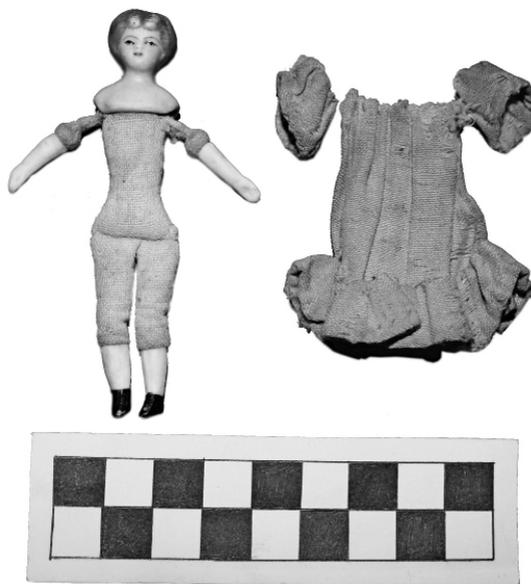
Ил. 6. Кукла-мальчик
до реставрации М-17235/1

Все детали расписаны вручную. На головках кукол лепные прически: у девочки нарисованные светлые волосы с прямым пробором спереди и косичкой сзади, на макушке черный бантик. У мальчика — светлые короткие волнистые волосы.

На ножках у кукол черная обувь с небольшими каблучками: туфельки у девочки, полусапожки у мальчика. Фарфоровые детали рук и ног прикреплены к ткани при помощи клея, как и туловище к голове — плечам.

Туловище, часть рук и ног — х/б ткань кремового цвета. Все детали туловища сшиты по отдельности машинным швом х/б нитями белого цвета и набиты чесаной шерстью (кроме рук). Затем руки и ноги, вероятно, пришивали к туловищу вручную белыми х/б нитями швом «в прикреп».

Кукла-девочка одета в розовое платье прямого покроя, с воланом по краю подола, рукава — фонарики. Кукла-мальчик одета в штаны-шаровары, сшитые вручную из бархата черного

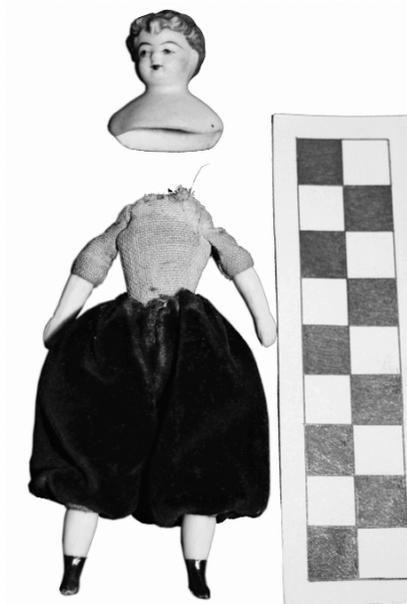

Ил. 7. Снятие одежды с кукол

цвета и рубашку из шелка серо-голубого цвета в клетку с ремнем поверх нее.

При более тщательном осмотре кукол выяснилось, что состояние сохранности фарфоровых деталей хорошее, сколов нет, но они сильно загрязнены. Одежда оказалась в более ветхом состоянии: сильные загрязнения, много сквозных утрат и сечений на платье и рубашке (на сгибах, складках), ткани местами сильно выцвели (от многолетней эксплуатации).

Перед реставрацией был проведен демонтаж одежды от кукол и полный демонтаж самой одежды, также демонтаж некоторых частей игрушек. Затем сделаны пробы на определение текучести красителей: сначала дистиллированной водой (краситель устойчив) и 3 % раствором СМС «Прогресс» (значительно течет). В результате было принято решение проводить

Ил. 8. Отделение фарфоровой головки от мягкого туловища куклы-мальчика

нных в густой пене желчного мыла методом прокатывания с последующим промыванием дистиллированной водой и устранением излишней влаги.

Механическая очистка деталей из фарфора (голова, руки, ноги) проводилась ватными микротампами, смоченными в водном растворе с добавлением 3 % раствора СМС «Прогресс». После этого была проведена промывка дистиллированной водой с последующей обработкой водно-спиртовым раствором (70 % : 30 %) для устранения лишней влаги.

Приступая к реставрации одежды, сначала определились с выбором дублировочного материала и техникой исполнения. Были выбраны реставрационный газ и газовые нити, предварительно окрашенные в цвет памятника (розовый и синий) специ-

водную очистку одежды 3 % раствором СМС «Прогресс» с добавлением 3 % раствора уксусной кислоты (5 мл/л) для закрепления красителей. После общей водной очистки одежда подверглась многократной промывке дистиллированной водой и просушке на фильтровальной бумаге с последующей ее заменой.

Туловище кукол очищалось полусухим методом при помощи ватных микротампонов, смочен-

Ил. 9. Кукла-девочка
после реставрации

Ил. 10. Кукла-мальчик
после реставрации

ально подобранными красителями. Эти процессы реставрации позволили восполнить утраты, укрепить разрывы и сечения.

К сожалению, в отсутствии статистического ряда для сравнения, невозможно сделать однозначный вывод о месте производства кукол. Однако некоторые детали позволяют предположить, что это могла быть и Россия конца XIX — начала XX веков.

¹ Акт о приеме предметов на ответственное хранение № 20 от 18.11.1996 г.

² Ранние немецкие куклы из фарфора // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://tantelina.livejournal.com/?skip=30>.

³ См.: Голдовский Б. Большая иллюстрированная энциклопедия «Художественные куклы». — М., 2009. — С. 86, 162.

⁴ История возникновения фарфоровых кукол // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://vilingstore.net/Farforovye-kukly-Istoriya-vozniknoveniya-i175499>; Маленькие фарфоровые куклы с телами из ткани // <https://elfi-doll.livejournal.com/87240.html>.

ОРУЖИЕ, КАНУВШЕЕ В ИСТОРИЮ: БОЕВОЙ МОЛОТ – КЛЕВЕЦ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ МУРОМСКОГО МУЗЕЯ

В 1946 году в фонды Муромского музея поступил экспонат, проданный за 70 руб. муромлянкой Е. Н. Зерновой. Этот предмет, принадлежавший ее квартиранту, военному, который тот привез из Венгрии после Второй мировой войны как трофей и расплатился им за комнату, оказался клевцом (чеканом) и пополнил коллекцию оружия¹.

Клевец (чекан). М-34 О-55 СВ164. (Ил. 1).

Производство: Западная Европа, нач. XIX в.

Размер: длина общая – 34 см.

Материал: сталь, серебро, рог.

Описание: Острая часть прямоугольной формы с сужением к окончанию, обух в виде молота квадратной формы. Прорезь для рукояти круглая. Костяная рукоять черного цвета с литы-

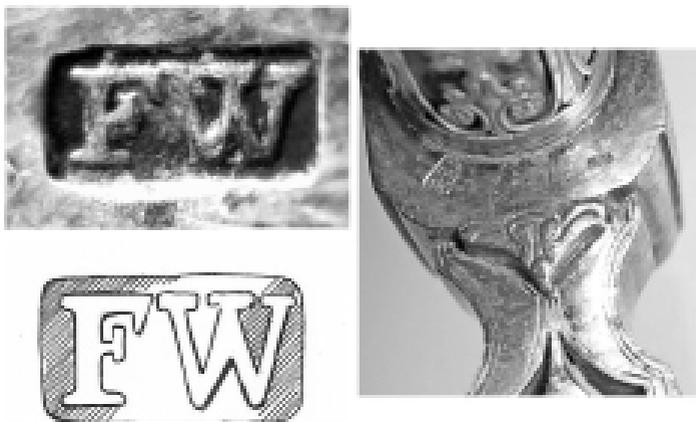
Ил. 1. Клевец (чекан). Западная Европа, н. XIX в. МИХМ.
М-34 О-55 СВ 164

Ил. 2. Клевец (чекан). а) обух клевица; б) острие клевица «клюв»;
в) фрагмент рукояти клевица с декоративными накладками. МИХМ.
М-34 О-55 СВ 164

ми серебряными накладками, украшенными рельефным растительным орнаментом, крепится при помощи шляпки в верхней части клевица. Крепление декорировано изображением цветка. На внутренней части молота с одной стороны ближе к ручке два клейма (Ил. 2).

Клеймо № 1 трапециевидной формы с кругом внутри; одна часть разделена перекрестием, в другой части — число 15, ниже — 1816. Такое клеймо, введенное патентом Карла IV в 1737 г., ставили в Вене на пятнадцатилотовое серебро в XVIII и XIX веках. Серебро помечено знаком производителя и официальной меткой офиса (контрольная отметка). За сходство с колесом знак называется «Radlrunze» (Ил. 3). С 1784 г., сначала только для Вены, а потом и для других городов Австро-

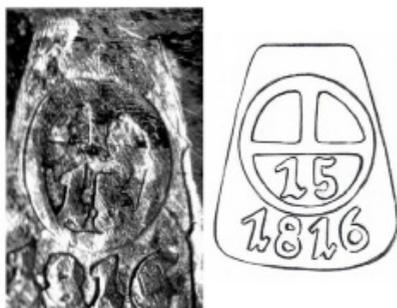
Ил. 3. Клевец (чекан). Клеймо № 1 – FW – клеймо мастера.
М-34 О-55 СВ 164

Венгерской империи, введен государственный контроль пробы. С 1806 года анализ серебра выполнялся австрийским монетным двором в его аналитических кабинетах².

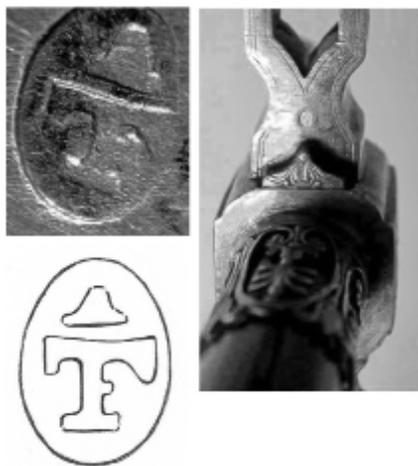
Лотовая система проб — одна из ранних систем измерения чистоты серебряного сплава, в соответствии с которой содержание серебра в сплаве измерялось по числу лотов в 16 лотах (одной марке) пробируемого состава³. Наш экспонат по клейму является 15-ти лотовым серебром, что в современной метрической системе измерения соответствует 937,5 пробе, в каратной системе — 23 каратам. Дата 1816 — год установки пробы.

Клеймо № 2 прямоугольной формы. Внутри две латинские буквы FW — клеймо мастера (Ил. 4).

С другой стороны внутренней части молота клеймо № 3 овальной формы, внутри латинская буква F (Ил. 5). Это знак руководителя пробирной палаты в Дании Фредерика Фабрициуса (время работы в пробирной палате 1787-1823 гг.). Руководители пробирной палаты менялись чрезвычайно редко. Некоторые так долго занимали эту должность, что их имена ста-

Ил. 4. Клевец (чекан). Клеймо № 2 — цифра 15 — знак 15 лотового серебра, ниже — цифры 1816 — год опробировки серебра. За сходство с колесом знак называется «Radprunze». М-34 О-55 СВ 164

Ил. 5. Клевец (чекан). Клеймо № 3 овальной формы с латинской буквой F — клеймо руководителя пробирной палаты в Дании Фредерика Фабрициуса (1787-1823гг.). М-34 О-55 СВ 164

ли почти нарицательными и бытуют в среде знатоков датского серебра как синонимы определенной культурной эпохи. Клеймо начальника пробирной палаты гарантировало пробу серебра не ниже установленного стандарта. Все изделия с клеймом в виде буквы «F», которое применялось с 1749 по 1823 и с 1827 по 1831 годы, в широком кругу коллекционеров до сих пор называют «фабрициусским серебром»⁴.

Клевец или чекан (в данном случае клевец происходит от русского «клюв», «чекан» же — старорусский аналог слова топор) — оружие ударно-дробящего действия в форме молота на коротком древке. С усовершенствованием доспеха наконечник молота приобрел более острую форму с боевой частью клювообразного вида,

четырехгранного, трехгранного, круглого или многогранного сечения. Как правило, обух клевца имеет молотообразное навершие. Известен по всему миру с древнейших времен.

Это одна из немногих разновидностей «белого оружия» (т. е. холодного. — А. М.), которой дано вполне современное определение. Так, согласно ГОСТ Р-51215-98 чекан — это контактное короткодревковое ударно-раздробляющее оружие с боевой частью из бойка и клюва, крепящейся к древку проушиной⁵.

Однако существует нюанс. В русской традиции между клевцом и чеканом обычно не делается разницы. В остальных странах разделение все же есть, ибо чекан — это боевой топорик с узким лезвием и молотообразным бойком на обухе. До определенного времени и на Руси эти два типа оружия четко разделялись. Потом разница между понятиями стерлась, и теперь чекан — общий термин для холодного оружия с ударной частью в виде клюва, то есть в современном русском языке чекан и клевец суть синонимы. Вот такая легкая путаница в терминологии⁶.

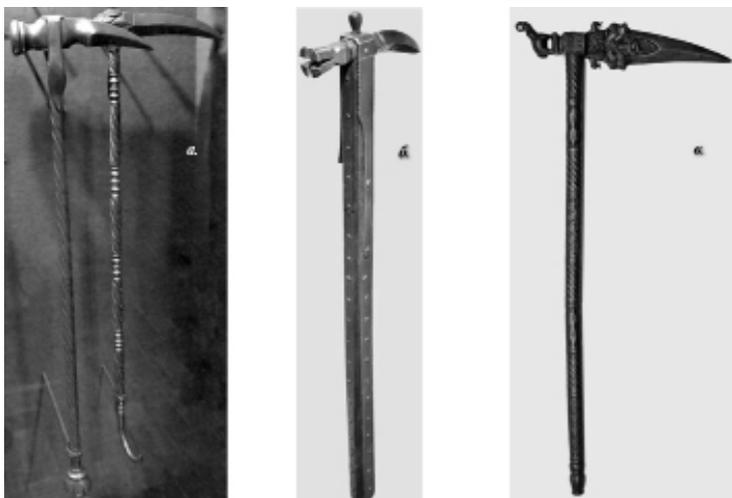
Чаще всего общий вес клевца 1,0-2,0 кг при весе собственно боевой части 0,8-1 кг. Длина вместе с древком-рукоятью 40-60 см, хотя встречаются образцы как меньшего, так и большего размера и веса. Археолог и специалист по оружию А. Н. Кирпичников так описывает чекан: «К специально боевым разновидностям „белого оружия“, прежде всего относятся чеканы, тыльная часть обуха которых снабжена молоточком, другое названия оружия: „клевец“. Это оружие пускали в ход во время затяжного кавалерийского боя, превращавшегося в тесную схватку отдельных групп бойцов, когда длинное древковое оружие мешало борьбе»⁷.

Свое происхождение клевец ведет от типа вооружения, обозначаемого принятым на Западе термином «боевой молот».

Ил. 6. А) английский рыцарь в полных латных доспехах, вооруженный клевцом. 20-30года XV века; б) русский воевода, вооруженный клевцом. XV век; в) польский гусар в полном снаряжении с клевцом. XVII в.

До XI века им пользовались главным образом германцы. С течением времени германцы переняли у соседних народов и научились использовать другие, более искусно созданные виды оружия, но от молота они полностью никогда не отказывались, напротив, с XIII века наступает «золотой век» для молота. Рыцарство долго пренебрегало презренным оружием горожан, торговцев и грубых крестьян, но суровая необходимость не оставила выбора. Так получилось, что к середине XV века боевой молот повсюду применяли в кавалерии, и его стали называть кавалерийским молотом. Если до этого всадник обходился лишь мечом и копьем, пехотинец — луком, арбалетом, копьем и мечом, то против тяжелооруженного противника такого оружия оказалось недостаточно. Ударом же клевца (чекана) с заостренной, но не заточенной боевой частью за счет набранной инерции (Ил. 6) можно было проломить доспех,

Ил. 7. А) польский «наджак». XVI-XVII вв.; б) германский клевец «кавалерийский молот». XVI в.; в) индийский zaghna (клевец) «Клюв вороны». XVII в.

плоской стороной — глушить противника, ломать ему кости, перебивать ноги лошадям. Форма обуха могла быть самой разной — квадратной, круглой, шипастой, пирамидальной, конусной, с какой-либо фигуркой или монограммой. Последние два вида предназначены, чтобы оставить отпечаток на поверженном противнике как напоминание о поражении (Ил. 7). Однако им невероятно сложно было парировать удары, поэтому в бою клевец использовался исключительно со щитом⁸. Довольно редко клевец закреплялся на длинном древке, такое оружие было, как правило, швейцарского происхождения и называлось «люцернский молот».

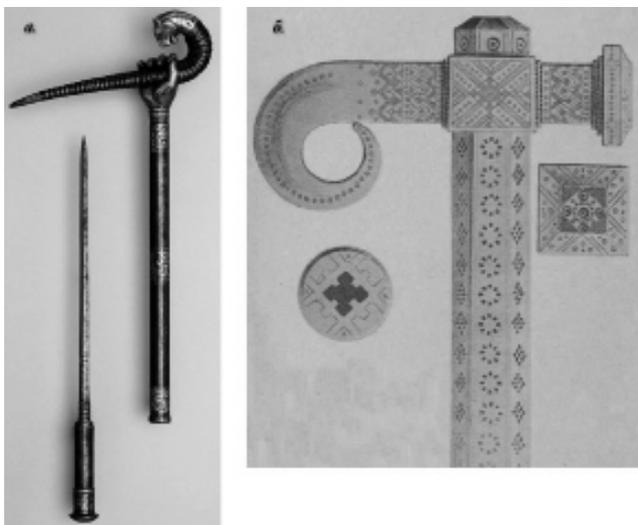
Этот тип холодного оружия был чрезвычайно широко распространен, что видно хотя бы по перечню названий. На Украине оно называлось клевец, келеп, чекан; в Венгрии — фокош или валашки; в Западной Европе — рыцарские или

А. С. Мохова. Боевой молот — клевец из коллекции Муромского музея

кавалерийские молоты; в Испании и Франции — вороний клюв, клюв сокола — в Италии, клюв попугая или попугай — в Германии; в Польше — наджак или надзьяк. Татары звали его кулюк-балта, иранцы — загнал (вороний клюв), табар, афганцы — лохар.

Немцы и французы возили клевец на передней луке седла, итальянцы носили на поясе, поэтому итальянский кавалерийский молот всегда имел поясной крюк. На Руси клевец (чекан) брали в поход и возили на седле, помещая наконечником в петлю, прикрепленную к пуговке, обшитой сафьяном и вышитой золотом или серебром⁹.

В Польше в XVII-XVIII вв. постоянно издавались законы, запрещающие ношение наджаков (клевцов) гражданским населением и шляхтой как слишком опасные. В книге «Описание обычаев» ксендз Енджи Китович писал об этом: «Шляхтич, когда выходил из дому, прикреплял к боку саблю, брал в руки обух. Выглядел он так: толстое древко, высотой от земли по пояс человеку, на конце, рукою удерживаемом, цилиндрический набалдашник — продолговатый серебряный, посеребренный или вообще латунный; на другом конце этого же древка крепко насажен молот железный, латунный, а то и серебряный, с одного конца подобный сапожническому молотку, другой же конец, если был плоско-раскован как топорик, то именовался чеканом, если выглядел как клюв, крупный, несколько загнутый, то назывался (клевцом) наджаком. Наджаком (клевцом) же наносили раны часто смертельные, не видев крови, а потому — не видя ее — не сразу опоминались, ударяли все сильнее и сильнее и — не рана кожу — ломали ребра и крушили кости. Шляхтичи, ходившие с этим оружием, более всего ими лишали здоровья своих подданных, а иногда и жизни¹⁰. Поэтому на больших съездах, сеймах, трибуналах не позволительно

Ил. 8. Модификация клевцов в период XVII-XIX вв.

а) байраджи — «посох факира» — со стилетом внутри. Индия. XVIII в.; б) обух. Польша XVII-XVIII вв.

было показываться с наджаком»¹¹. Со временем клевец модифицировался, превратился в гражданское оружие самообороны шляхты, получив название обушок или обух. В период XVII-XIX вв. появляется комбинированное оружие: в рукояти клевцов и боевых молотов помещают шпаги, рапиры, ножи (Ил. 8).

Появление огнестрельного оружия постепенно делает ненужным тяжелый латный доспех, вместе с ним уходят и клевцы (чеканы) как предмет вооружения армии, сохранившись в XVII в. в Польше, России и в венгерских войсках до введения штыка. В это время в Венгрии его используют в виде своего рода трости и часто берут с собой в странствиях для защиты от разбойников. В дальнейшем он стал атрибутом парадной формы и знаком отличия военачальников и знати (Германия, Италия, России и др.), поэтому богато украшался и считался символом власти. На Востоке, с его приверженностью к ста-

А. С. Мохова. Боевой молот — клевец из коллекции Муромского музея

рым воинским традициям, клевец и схожие с ним типы оружия использовались дольше, чем в Европе, причем, как в среде профессиональных воинов, так и среди гражданского населения. Клевцы получили широкое распространение в XVII-XIX вв. в индо-персидском регионе и прилегающих областях¹².

Молот, как, впрочем, и другие виды холодного оружия, в разные исторические периоды имел большое символическое значение. Он весьма широко представлен в мифологии различных народов мира. Боевой молот — это настоящая квинт-эссенция напора, натиска, мощи и грубой силы, непобедимой и всекрушающей. С другой стороны, это не только атрибут войны, но и символ труда, творчества.

Клевец (чекан) М-34 О-55 СВ 164 из коллекции Муромского музея при проведенной атрибуции предмета — не боевое оружие, а скорее, оружие статусное, сделанное на заказ как атрибут парадной формы и знак отличия военачальника или человека из знати Западной Европы первой трети XIX в.

Ил. 9. Поединок рыцарей, сражающиеся клевцами

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что пришедший из древности клевец (чекан) ярко и молниеносно вошел в историю как оружие германцев, просуществовавшее до XI века, а позже, с усовершенствованием латного доспеха, стал оружием рыцарей. В XIII-XV веках наступает «золотой век» для боевого молота: его повсюду применяли в кавалерии и называли кавалерийским молотом. Дальнейшие модификации и преобразования клевца происходят в XVII-XIX вв., и он превращается в статусное оружие военачальников и знатных вельмож, королевских и царских особ. Неплохой итог для оружия, ушедшего в историю!

¹ Клевец (чекан) М-34 О-55 СВ164. См.: Акты поступлений за 1946 г. МИХМ.

² Австрийские серебряные клейма и контроль пробы в Галиции 1786 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.historymania.com.

³ Лот и марка – единицы массы, равные, соответственно, 233,855 и 14,616 граммам, т. е. лот – 1/16 марки. См.: Лотовая проба серебра // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [ttp://www.bee-gold.com](http://www.bee-gold.com).

⁴ Клейма руководителей пробирной палаты Дании [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.silverroom.ru>

⁵ ГОСТ Р 51215-98. Оружие холодное. Термины и определения // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru>.

⁶ Югринов П. Малая энциклопедия холодного оружия. – М., 2010. – С. 101.

⁷ Цит. по.: Там же. – С. 101.

⁸ Винклер П. П. фон. Оружие. – М., 1992. – С. 85.

⁹ Там же. – С. 87.

¹⁰ Недаром старая польская поговорка говорит про клевец: боевая часть на врага; обратная (пятка) на вора; боковая часть для приятеля; рукоять для холопов.

¹¹ Енджей Китович «Описание обычаев и нравов при Августе III» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tforum.info>.

¹² В. Бехайм «Энциклопедия оружия» (Руководство по оружейведению. Оружейное дело в его историческом развитии от начала средних веков до конца XVIII в.) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://Annales.info>.

ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ ПО КРАЕВЕДЕНИЮ, ХРАНЯЩИХСЯ В МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЯХ МИХМ

Материалы по краеведению — наиболее востребованная часть книжного собрания Муромского музея. Работы по истории и развитию местного края активно используются и вводятся в научный оборот как исследователями из других учреждений, так и сотрудниками музея.

Данная статья посвящена обзору краеведческой литературы, собранной за столетнее существование Муромского музея. В настоящее время книжное собрание состоит из четырех частей: три музейные коллекции и библиотека. Остановимся только на музейном фонде. Материалы по краеведению хранятся в коллекциях редкой рукописной (КРР) и редкой печатной (светской) книги (КРП).

Литературу по местному краю из КРР можно разделить на четыре блока.

Первый блок — Синодики. Их изучали О. А. Сухова¹, А. А. Сиротинская². В справочнике по православию Синодик толкуется как «особая памятная книжка, куда вписываются имена живых и мертвых, поминаемые священником во время богослужения — на литургиях и панихидах»³. Более широкое определение Синодикам дал С. П. Гордеев при анализе книг, находящихся в коллекции Владимиро-Суздальского музея-заповедника⁴.

У нас хранятся Синодики Благовещенского (М-2230 и М-2233), Троицкого (М-2231) монастырей, Синодик Богородицкого собора (М-2232), Синодик села Окулова

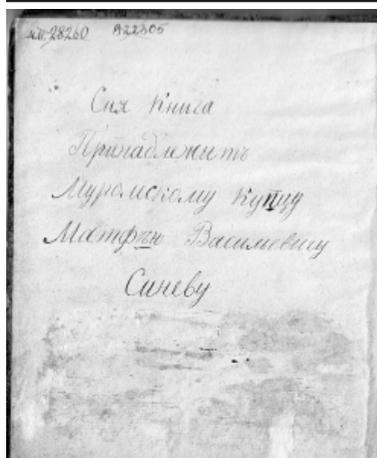
(М-22 628). По названиям можно определить, откуда рукописи поступили в музей. После закрытия церквей и монастырей эти книги первоначально попадали в музейную библиотеку, как и литература, поступающая из других источников. В 1936 году был образован научный архив, куда стали переводить некоторые рукописи и документы. В начале 1950-х годов, согласно распоряжению Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР от 17 августа 1949 года, начал осуществляться перевод наиболее древних и редких книг с библиотечного учета на музейный. Издания переводили с формулировкой «как представляющие музейную ценность». В 1950-м году Синодики были переведены в основной музейный фонд.

Второй блок — это так называемые Муромские сборники, рассказывающие о святых и святынях края. Сборники изучали О. А. Сухова, Ю. М. Смирнов. Результаты исследований вылились как в отдельные работы, так и в совместные книги⁵.

Рассмотрим подробнее сборник начала XIX века, написанный на голубой бумаге (М-2299). Здесь собраны Сказание об Унженском кресте, Сказание о Василии Рязанском, Жития благоверных князей Константина, Михаила и Федора; Петра

Ил. 1. Титульный лист Синодика Благовещенского монастыря. Рукопись, 1713. М-2233

Ил. 2. Владельческая запись на Муромском сборнике («Сказание о явлении чудотворного креста Господня в Муромских пределах»). Рукопись, нач. XIX века. М-2299

и Февронии. На форзаце рукописная владельческая запись муромского купца Матфея Васильевича Синева. В конце приклеены письма, адресованные Матфею (Матвеем) Васильевичу и Николаю Никифоровичу Синевым. Фамилия Синевых известна в Муроме еще с начала XVII века. В Сотной с писцовых книг г. Муром 1623/24 г. указан Третьяк Иванов сын Синева, торговец солью⁶. В XVII — начале XVIII веков представители этой фамилии селились в приходе Козьмодемьянской церкви⁷. Матфей Васильевич Синева жил в последней трети XVIII — первой трети XIX веков. Николай Никифорович — его внук. Письма, адресованные Н. Н. Синева, датированы 1859-1860 годами. В инвентарь музейной библиотеки книга была записана в 1930 году. В 1950-м году переведена на музейный учет.

С Синевыми связан еще один Муромский сборник (М-2298) с рукописными текстами об Унженском кресте, о благоверных князьях Константине, Михаиле и Федоре; Петре и Февронии. На форзаце книги рукописная запись: «Верно списано с древней книги, принадлежащей Синевым». В 1951 году сборник был переведен из библиотечного в музейный фонд.

Один из подобных сборников (М-2303) принадлежал Николаю Павловичу Андринову. В него он в 1896 году переписал

сывал Повесть о водворении христианства в Муроме, Сказание о Василии Рязанском, Повесть о благоверных князе Петре и княгине Февронии. Как следует из инвентаря, эту книгу он передал в музейную библиотеку бесплатно. Н. П. Андри́н, антиквар, член-корреспондент Московского нумизматического общества, член Муромского научного общества, некоторое время работал в музее. Скорее всего, тогда и подарил книгу музейной библиотеке. В 1950-м году ее перевели на музейный учет.

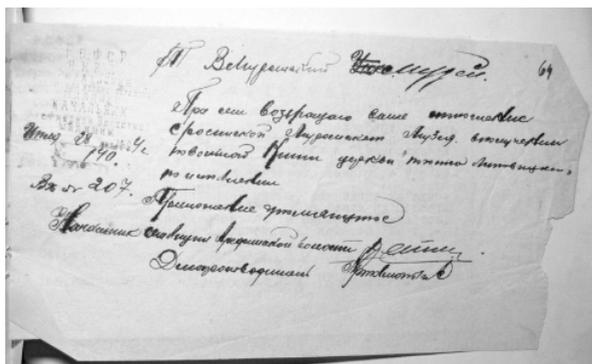
Третий блок охватывает церковно-приходские летописи (ЦПЛ) и материалы о церквях и священнослужителях

ЦПЛ подробно исследовала и описала А. А. Анучкина⁸. В музее хранятся летописи церквей: Предтеченской (М-2217), Сретенской (М-2216), села Панфилова (М-2218), Липовицкого погоста. На последней остановимся подробнее, т. к. история ее появления в музее довольно интересна. «Повольная летопись о погосте Липовицком», составленная дьяконом Иоанном

Ил. 3. Владельческие записи на Муромском сборнике («Повесть о водворении христианства в Муроме»). Рукопись, 1896. М-2303

Ландышевым в 1893 году, представляет собой конволют, где помимо рукописного текста с традиционным для ЦПЛ описанием прихода есть множество дополнительных сведений, вплоть до садоводства; фото автора в самодельном паспорту; письма, адресованные Ландышеву; Свидетельство № 5336 с благословением Синода⁹. В конце книги пришиты два небольших по размеру листка бумаги, из которых становится понятна история появления рукописи в музейной библиотеке. На одном листе — на бланке Муромского уездно-городского исполнительного комитета — обращение в милицию секретариата УИК с предложением принять меры к розыску ценной рукописи, «находящейся в архиве церкви погоста Липовец Арфинской волости», для того чтобы доставить книгу в Муромский музей. Причем музеем уже были предприняты шаги к поиску книги: выяснено, что летопись была взята из погоста председателем бывшего Варезского УИК тов. Жижиним. Датирован документ 11 июля 1924 года. Другой лист (на бланке Муромской уездно-городской милиции) содержит рапорт начальника милиции

Ил. 4. Рапорт начальника милиции Арфинской волости от 28 июля 1924 г. Из книги: Ландышев И. «Повольная летопись погоста Липовицкогго». Конволют, 1893. М-2288

Арефинской волости о том, что книга найдена и доставлена в музей. Датирован документ 28 июля 1924 года. Из этих же источников следует, что заниматься делом было поручено милиционеру Николаеву. Таким образом, за две с половиной недели июля 1924 года «Повольная летопись...» была обнаружена и привезена в библиотеку музея, затем в 1936 году перешла в архив, а в 1951 году заняла свое место в основном фонде.

Четвертый блок включает материалы по истории и развитию Мурома и уезда. Например, «Книга лицевых счетов на окладные, страховые и мирские сборы домохозяев села Борисоглеба Чаадаевской волости 1915 года» (М-2222); «Список Муромской Уездной Земской Управы о торгово-промышленных заведениях на 1918 г.» (М-2223); «Планы участков, находящихся на выгонной земле города Мурома и состоящих в арендном пользовании разных лиц» (М-2226). Планы участков были составлены в 1881 году землемером Н. Г. Добрынкиным.

С Николаем Гавриловичем связана еще одна рукопись, относящаяся к этому блоку, — список с Писцовой книги г. Мурома 1636/37 г., составленной Б. Д. Бартеневым (М-2225)¹⁰. Владельческие книжные знаки говорят о том, что рукопись принадлежала Н. Г. Добрынкину. В конце книги приклеено письмо П. С. Уваровой 1901 года, адресованное Василию Ивановичу Холмогорову, товарищу председателя Археографической комиссии МАО. В письме Прасковья Сергеевна подчеркивает, что для издания древности Мурома лучшим источником является опись 1636 года, список которой из библиотеки Добрынкина она прилагает. П. С. Уварова и Н. Г. Добрынкин более четверти века поддерживали добрые отношения, в фонде ОПИ ГИМ хранится их переписка за 10 лет (1892-1902). Поэтому, конечно, она могла попро-

силь книгу из собрания Добрынкина. К нам рукопись попала, скорее всего, в январе 1919 года, когда сын Добрынкина Владимир Николаевич, сотрудник музея, передал коллекции отца Муромскому музею. В 1952 г. книга была переведена с библиотечного на музейный учет.

К четвертому блоку относятся и два дневника: А. К. Зворыкиной и М. В. Мельникова. Первый интересен больше внешним видом — в синем коленкоровом переплете с тисненым золотом названием «Дневник», снабжен маленьким замочком, который запирается маленьким ключиком. К сожалению, внутри почти все листы вырезаны.

Второй дневник (М-2244) своей информативностью заслуживает пристального изучения и отдельной статьи. Написан он на листах приходно-расходной книги, состоит из двух частей. Первая — приходно-расходная книга Спасской лавки в Москве Михаила Васильевича Мельникова за 1905-1920 годы, вторая — дневник погоды за 1923-1935 годы, который вел Михаил Васильевич. Среди ежедневных, порой очень подробных, записей о температуре и осадках в нашем городе встречаются сведения бытового характера. В апреле 1935 года М. В. Мельников умер. В начале сентября того же года (судя по инвентарным записям) книга поступает в музейную библиотеку, потом — в архив, в 1952 году — на музейный учет.

К материалам по краеведению из коллекции редкой печатной книги (КРП) постоянно обращаются сотрудники музея и сторонние исследователи. Краеведческие издания из КРП занесены в электронную музейную базу — КАМИС. Всю литературу по истории и развитию нашего края из коллекции печатной книги, как и рукописи, можно разделить на несколько блоков.

Первый блок вмещает все работы, касающиеся Владимирской губернии и области, к которым относился

и относится наш город. Здесь можно найти сведения об истории края в целом и отдельных его частей; материалы о фабриках и заводах, церковных древностях; перечень дворянских родов и описание флоры и т. д. и т. п. Неизменной популярностью пользуются у исследователей издания, выпускавшиеся Владимирским губернским статистическим комитетом.

Одна из таких книг происходит из собрания Н. Г. Добрынкина, который был действительным членом Владимирского губернского статистического комитета. Это переплетенные в один том выпуски за 1871 и 1873 годы «Трудов Владимирского губернского статистического комитета» (М-1595). В выпуске 1871 года напечатана статья о нравах и обычаях деревни Корниловки Муромского уезда, написанная женой Николая Гавриловича Екатериной Павловной Добрынкиной. В выпуске за 1873 год есть очерки «Домашний быт крестьян заречной стороны Муромского уезда» и «Крестьянская свадьба в Муромском уезде» того же автора. В музейную библиотеку книга поступила от сына Н. Г. Добрынкина, а в 1950 году переведена на музейный учет.

Первым статистическим сборником по губернии, изданным новой властью, стал «Справочник-календарь по Владимирской губернии на 1923 год» (Владимир, 1923; М-1602). Его цель: «Дать хозяйственным и административным органам губернии, с одной стороны, картину народного хозяйства губернии, с другой,

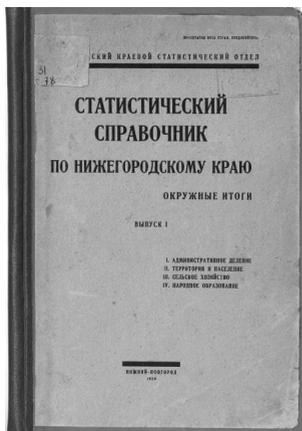

Ил. 5. Журнал «Наше хозяйство». – Владимир, 1921. – № 3-4. М-1624

Е. А. Васильченко. Обзор материалов по краеведению

все те справочного характера сведения, которые необходимы в текущей работе всем учреждениям и организациям и отдельным должностным лицам»¹¹. Предполагалось издавать такой справочник ежегодно. Книга попала в музейную библиотеку, в 1950-м году вошла в основной фонд. Сборник вышел стараниями ГубЭКОСО (Губернское Экономическое Собрание. — Е. В.), ежемесячным органом которого являлся журнал «Наше хозяйство».

Выходил журнал в 1921-30 годах и был посвящен отражению и анализу хозяйственной жизни губернии. С 1922 года являлся обязательным для подписки всем советским, хозяйственным, кооперативным и прочим организациям. По мере выпуска поступал сначала в музейную библиотеку, в 1950-е годы его перевели на музейный учет. У нас есть полные комплекты за 1921, 1922, 1923 годы, неполный комплект за 1924 год и некоторые номера за 1925, 1926, 1927 и 1929 года.

Ил. 6. Статистический справочник по Нижегородскому краю. — Н.-Новгород, 1929. — Вып. 1. М-1571

Второй блок включает в себе труды по Нижегородскому краю. Часть Муромского уезда до начала 20-х годов XX века находилась на территории современной Нижегородской области. Сам город и район по административному делению 1929 года вошел в состав Нижегородского края, в 1936 году преобразованного в Горьковскую область. Практически все издания этого блока попали сначала в музейную библиотеку, т. к. ее работникам вменялось в обязанность «следить за вопросами райониро-

вания и немедленно принять меры по сбору литературы и др. печатных материалов по той области, к которой будет причислен г. Муром»¹². Затем – были переведены на музейный учет. Хронологические рамки изданий – 1929-1936 годы. К этому же блоку относится сборник докладов Нижегородскому губернскому земскому собранию по отделению народного образования за 1907-1913 года.

В третьем блоке сосредоточены работы по городу и уезду. Это труды по истории нашего края, материалы о строительстве железнодорожного моста через Оку, о монастырях и церквях, о святых и святынях Муромской земли, книги, связанные со знаменитыми уроженцами и жителями города.

Два издания – Н. П. Травчетов «Подболотский могильник близ города Мурома» (Владимир, 1910, М-22294) и Н. Г. Добрынкин «Следы пребывания доисторического человека в пределах Муромского уезда Владимирской губернии (Владимир, 1896, М-21599) – происходят из собрания А. Ф. Жадина. Долгое время они хранились в библиотеке, а в 2010-2011 годах были переданы на музейный учет.

Одна из работ Владимира Николаевича Добрынкина посвящена муромскому Богородицкому собору (Владимир, 1915, М-21600), старостой которого он являлся. Дома у него хранилась «ценная историко-археологическая библиотека», на которую он получил охранную грамоту в 1919 году¹³. В 1935 году Добрынкин был репрессирован. Возможно, эту книгу он передал в музей еще в период своей работы в нем. Вплоть до 2010 года она находилась в музейной библиотеке, а потом заняла свое место в коллекции редких книг.

На Пленуме Выксунского укома РКП были утверждены «Тезисы доклада о создании Приокского округа (или губернии) с административным центром в г. Муроме» (Выкса,

Ил. 8. «Самолет» — пароходство по всей Волге от Твери до Астрахани и Каспийскому морю. — Н.-Новгород, 1916. М-16350

«Товаро-пассажирское пароходство по рр. Оке, Москве и Клязьме, Н-в А. В. Качкова» (Касимов, 1912); «Движение легко-почтово-пассажирских пароходов общества „Самолет“ по всей Волге ежедневно» (Н.-Новгород, 1912). В них можно почерпнуть сведения различного характера, в т. ч. и о движении пароходов по Оке с остановкой в Муроме. На конволюте есть штемпельный экслибрис: «Библиотека Михаила Александровича Качалова». Пока никаких сведений о нем раздобыть не удалось.

Есть в коллекции и произведения современных авторов. Например, в 2011 году вышла книга Леонида Парфенова «Зворыкин Муромец» (М-22537). Издание с дарственной надписью сотрудникам музея от автора заняло достойное место рядом с мемуарами известной в Муроме учительницы

1922, М-1563). Сами тезисы 15 августа 1922 года присланы для обсуждения в Муромский уисполком. Вероятно, в это время они попадают на хранение сначала в библиотеку музея, а после 1950 года — в его книжную коллекцию.

В 1994 году у жителя города был закуплен конволют о движении пароходов (М-16350). Под одним переплетом собраны три книги: «„Самолет“ — пароходство по всей Волге от Твери до Астрахани и Каспийскому морю» (Н.-Новгород, 1916);

и общественной деятельницы Ирины Леонидовны Кротовой и воспоминаниями о первом в постсоветскую эпоху мэре города Петре Алексеевиче Каурове.

Таким образом, тематический состав краеведческих разделов двух музейных книжных коллекций отражает все стороны жизни нашего края. Фонд редкой печатной книги представлен изданиями второй половины XIX – начала XXI веков. Коллекции постоянно пополняются. Материалы по краеведению представляют большой интерес и активно используются исследователями в их работе.

¹ Сухова О. А. Синодики как источники по исторической демографии (на примере муромских рукописных синодиков конца XVII – начала XVIII в.) // Историческая демография. – М.-Сыктывкар, 2012. – № 2 (10); например, для книги об Иулиании Лазаревской. См.: Сухова О. А., Смирнов Ю. М. Иулиания Лазаревская, Муромская. – М., 2012.

² Сиротинская А. А. Сидор Лопатин – устроитель Георгиевской церкви в Муроме // Уваровские чтения – VI. – Муром, 2006. – С. 221-226.

³ Православие от А до Я. Словарь-справочник. – М., 2009. – С. 728.

⁴ Гордеев С. П. Коллекция Синодиков XVII-XX веков из фондов Владимиро-Суздальского музея-заповедника // Материалы исследований. Сборник № 13. Научно-практическая конференция (27-28 ноября 2006 г.). – Владимир, 2007. – С. 176-178.

⁵ Например, Смирнов Ю. М. Христианство и язычество в «Повести о Петре и Февронии Муромских» // Рождественские чтения – VII. – Ковров, 2000. – С. 42-45; он же. Повесть о благоверной девице Февронии, христианском и языческом менталитете и о реабилитации муромских «святогонов» // Уваровские чтения – IV. – Муром, 2002. – С. 75-81; он же. Мифологические мотивы в «Повести о Петре и Февронии Муромских» Ермолая-Еразма // Макариевские чтения: Материалы XVI Российской научной конференции памяти Святого Макария. – Можайск, 2009. – С. 225-230; он же. Вероятность реконструкции и реконструкция вероятности (об историко-краеведческих стереотипах в изучении Муромма) // Уваровские чтения – VII. – Муром, 2011. – С. 308-319; Сухова О. А. Икона святых благоверных князей Константина, Михаила и Федора Муромских. Александр Казанцев. 1714 год. – М., 2006; она же.

Е. А. Васильченко. Обзор материалов по краеведению

Благодарные святые Петр и Феврония Муромские: Житие в иконе. — М., 2009; она же. «Святые семейства». Особенности почитания Муромских чудотворцев // Уваровские чтения — VII. — Муром, 2011. — С. 88-99; Сухова О. А., Смирнов Ю. М. Петр и Феврония Муромские. — М., 2008.

⁶ Сотная с писцовых книг г. Мурома 1623/24 г. — Владимир, 2010. — С. 114.

⁷ Документы по истории Муромского посада первой четверти XVIII в. — Владимир, 2011. — С. 142.

⁸ Анучкина А. А. Муромские историки-любители из среды духовенства. (Вторая половина XIX — начало XX вв.) // Уваровские чтения — V. — Муром, 2003. — С. 169-174.

⁹ Подробный анализ летописи см. в дипломной работе М. В. Кочкиной «Из истории погостов Муромского уезда (погост Муська и погост Липовицкий)». — Н.-Новгород, 1994. — Машинопись // НА МИХМ. Б/н.- С. 12.

¹⁰ Оригинал хранится в Российской Национальной библиотеке.

¹¹ Справочник-календарь по Владимирской губернии на 1923 год. — Владимир, 1923. — С. 3.

¹² План работы Муромского музея на 1928/29 г. // НА МИХМ.

¹³ Протоколы Совета Музея // НА МИХМ.

ПУТЕШЕСТВИЯ НА ПАРОХОДАХ ПО ОКЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

История парового судоходства на Оке начинается с 1845 года. По сообщению краеведа Н. Г. Добрынкина, первым судном, прошедшим мимо Мурома, был буксирный пароход «Касимов» касимовского купца Д. С. Баркова¹.

Прибытие парохода в город было заметным событием общественной жизни, горожане считали его достойным отметки в дневнике. Купец В. М. Емельянов записал: «В 1856 году в Муроме был 1-й раз пароход под названием „Скороход“, шел на Выксу принять клад, народа собралось до 5000 человек, набрав пассажиров человек 12 прокатил и, ставши на мель, возвратился обратно через 24 часа».²

Вскоре муромские купцы обзавелись собственными судами. В 1859 г. в свой первый рейс из Мурома в Нижний Новгород отправился буксирный пароход «Илья Муромец», построенный в Выксе по заказу купца Г. Д. Зворыкина, «и шел целую неделю»³.

В 1869 г. линию по Оке открыло Общество «Самолет». Его пассажирские пароходы «Нимфа», «Нереида» и «Ундина» проделывали путь от Мурома до Нижнего Новгорода за двое суток⁴. На скорости хода сказывались непогода и отсутствие судоходной обстановки в то время — бакенов и вех, указывающих фарватер, береговых знаков. Лоцманы, которых набирали из крестьян прибрежных селений, зачастую были единственным способом безопасно пройти по реке, избежав мелей.

Хотя существовало расписание движения пароходов, оно нередко нарушалось из-за разных причин, прежде всего, погод-

А. А. Горская. Путешествия на пароходах в конце XIX — начале XX вв.

ных. Особенно сильно непогода сказывалась в начале и конце навигации, когда на реке был лед. Пароходы могли даже пропускать остановки из-за невозможности подойти к берегу. В таком случае пассажиров отправляли на лодках, а если и это было невозможно сделать, то высаживали на ближайшей остановке. Передки были случаи поломок колес парохода, которые приходилось устранять во время рейса.

В 1872 г. по верхней Оке между Касимовым и Рязанью начал ходить пассажирский пароход «Дмитрий Донской», принадлежавший крестьянину села Ерахтур Касимовского уезда Рязанской губернии А. В. Качкову и его компаньону из Елатьмы А. П. Самгину. Вскоре ими был приобретен второй пароход — «Касимов». В 1873 г. открылись ежедневные рейсы Рязань-Касимов, а вскоре их пароходы стали ходить до Нижнего Новгорода⁵. В 1881 г. А. В. Качков выкупил пароходы и пристани компании «Самолет», и последняя перестала работать на Оке.

Монополия Качкова пошатнулась в 1886 году, когда Н. Ф. Гладков, «торгующий бакалейным товаром и имеющий в Муроме один из лучших магазинов»⁶, открыл компанию «Легкопассажирские пароходы Н. Ф. Гладкова и К^о». Сначала он пустил один пароход от местечка Ватажки до Нижнего Новгорода, в следующую навигацию пустил еще два парохода и установил сообщение четыре раза в неделю. Пароходы Гладкова назывались по-простому: «Первый», «Второй» и «Третий».

Остальные пароходчики попытались задушить конкурента ценой, понизив ее вполтину. Гладков также понизил цену. Соперники не сдавались: еще одна неприятность ждала Гладкова в Нижнем Новгороде.

Чтобы при понижении уровня воды пароходы могли подойти к пристаням, пароходства строили деревянные мост-

ки. Гладков, чья пристань располагалась рядом с пристанью конкурентов, предложил им строить мостки совместно, но те отказались. Тогда Гладков договорился с другими соседями по берегу — купцами Башкировыми. Помосты оказались рядом и пассажиры стали пользоваться обоими, не разбирая, где чей. Конкуренты поставили посередине своего кассу и двух матросов, но, в конце концов, возник скандал и губернатор распорядился кассу убрать.

Предприятие Гладкова разорилось, когда он решил «построить 5-й пароход, пассажирский, роскошно отделанный для прогулок богатых людей нашего города (по-нынешнему — туристов), рассчитывая, наверное, на большие барыши. Но... „пути Господни неисповедимы!“ Не знаю подробностей и не у кого теперь спросить об этом — получилось так, что пароход „не пошел“ (кажется, опрокинулся при спуске на воду), деньги, затраченные на постройку его, пропали и четыре парохода пришлось продать за долги»⁷, — вспоминала о своем деде Н. П. Вошинина-Киселева.

В 1889 году было учреждено «Товарищество по реке Оке», которое объединило А. В. Качкова, А. П. Самгина, А. Я. Бородачева, К. К. Штейерта, Н. В. Кленова и муромского купца Н. В. Зворыкина. К концу 1890-х гг. товарищество прекратило существование.

В 1902 году Качков учредил пароходство «Потомственного почетного гражданина А. В. Качкова». 13 декабря 1904 г. он скончался, и предприятие перешло к сыновьям Ивану и Василию под названием «Товаро-пассажирское пароходство на Оке, Москве и Клязьме В. А. Качкова и наследников». В 1906 году они открыли буксирное пароходство между Москвой и Нижним Новгородом и товарно-пассажирское от Рязани до Москвы, а с 1911 года пошли по Клязьме. Предприятие активно раз-

А. А. Горская. Путешествия на пароходах в конце XIX — начале XX вв.

визалось: в 1916 году в пароходстве работали уже 10 пароходов американского типа, 2 полуамериканского, 1 товарный, 4 буксирных, 25 пассажирских дебаркадеров, около 20 баркасов и барок, был оборудован затон в Касимове, имелись собственные склады в Москве на Комиссариатской набережной⁸.

Американским типом пароходов называли двухпалубные суда, более удобные для пассажиров. Сначала пароходы, ходившие по Оке, были однопалубными. Первый и второй класс помещались в трюме, а для пассажиров третьего класса предназначалась прикрытая сверху тентом, а с боков — парусиновыми шторками кормовая часть палубы. Котлы работали на дровах, в холодное время года отапливались только помещения первого класса, а для освещения применяли керосин и минеральное масло. Пароходчики постепенно перестраивали свои пароходы по американскому типу, чтобы повысить их комфортность и свой доход от перевозки пассажиров.

На пароходе полуамериканского типа «Густав Струве», принадлежавшего К. К. Штейерту, в 1896 году совершил поездку житель Муромы Б. В. Жадин и оставил описание судна: «Когда я вступил в коридор первого класса, я был поражен представившимся моему взору видом. Передо мною тянулся длинный красивый коридор, мягко освещенный через иллюминатор, устроенный в потолке по всей длине коридора, яркими лучами заходящего солнца. Окна иллюминатора были красиво задрапированы белыми шторами, подобранным в гирлянды. Благодаря этим шторам в коридоре был мягкий, несколько затемненный свет. На полу коридора тянулась мягкая пушистая дорожка-ковер, вследствие чего шаги проходивших людей были неслышны. Стены коридора были обиты красивой светлой клеенкой с широкими раскладками и наличниками из красного дерева. В каюты, которых по обеим сторонам коридора тянулся целый ряд, вели полированные, также

из красного дерева, двери, над верхом которых были вставлены белые матовые стекла с ярко-красными буквами, обозначающими назначение помещений и номера кают».⁹

В конце коридора располагалась дверь в салон первого класса, задрапированная малиновым плюшем. Такие же плюшевые занавески висели на окнах салона, отделка диванов тоже была выполнена из малинового плюша. В салоне стояло пианино черного дерева и большой обеденный стол, покрытый белоснежной скатертью, украшенный горшками с декоративными цветами. С потолка свешивалась бронзовая электрическая люстра с пятью лампочками. В то время электричество было еще в диковинку и встречалось еще не во всех домах горожан. Так, у самого автора воспоминаний Б. В. Жадина дома электричества еще не было и он пишет, что увидел его там впервые.

Пассажирам третьего класса вход в первый и второй класс воспрещался. Правда, учащиеся и офицеры на действительной службе имели право посещать общие помещения классом выше своего билета, но на членов семьи офицеров эта льгота не распространялась. Пассажиры могли развлечь себя музицированием, оно разрешалось с 9 утра до 10 часов вечера, чтением газет и журналов, на некоторых пароходах были библиотеки. Азартные игры запрещались.

Горячие блюда в буфетах продавали с 8 утра и до 11 часов ночи. Меню было довольно обширным и включало в себя горячие блюда из речной рыбы, мяса, холодные закуски, спиртные напитки. Публикации в газете «Муромский край» в 1914 году неоднократно отмечали нетрезвое поведение пассажиров, которые злоупотребляли спиртными напитками сами и угощали команды пароходов. Так, за пьянство кассир парохода «Дедушка Крылов» Качковых М. М. Воеводкин был переведен на пароход «Проворный» с понижением¹⁰.

А. А. Горская. Путешествия на пароходах в конце XIX – начале XX вв.

Еще одними пароходовладельцами начала XX века года были муромские купцы-компаньоны и однофамильцы Константин Николаевич и Кузьма Алексеевич Зворыкины. Контора пароходства в зимнее время находилась в доме К. А. Зворыкина на улице Никольской (современная Первомайская, 4). Штат был немногочисленным: в него входили бухгалтер и двое конторщиков.

Конкуренция между пароходчиками поддерживалась капитанами кораблей. Нередко они старались обогнать друг друга, чтобы прийти к пристани первыми и забрать пассажиров, иногда гонки пароходов устраивались из желания показать, чей пароход лучше. Газета «Муромский край» в № 140 от 24 июня 1914 года сообщала в заметке «Гонка пароходов на Оке» о соревновании пароходов «Зворыкин» товарищества Зворыкиных и «Нижний Новгород» Качкова. Пароходы, в конце концов, столкнулись.

Пароходы Зворыкиных «Зворыкин» и «Николай» и многие другие, курсировавшие по Оке суда, были построены в Муроме на заводе инженера-механика П. Ф. Валенкова, основанном в 1887 году. Судостроительная верфь была устроена около села Карачарова¹¹. На заводе Валенкова производился и ремонт машин пароходов, а вот починкой и перестройкой корпусов судов обычно занимались в зимнее время в затомах неподалеку от Мурома, в частности, в Ефановском. «Около входа в затон, внутри его, у западного берега была низкая песчаная отмель, которая, обычно, в случае надобности, служила для подъема судов на устраиваемый на ней стапель. На возвышенном северном берегу были расположены, почерневшие от времени, жилые постройки зимовки, мастерские, кузницы, складские помещения.

Мастерские, кузницы и склады представляли собой одноэтажные мрачного вида строения. Жилое помещение было

бревенчатое двухэтажное. В первом этаже его размещались две большие комнаты, кухня и при ней небольшая комнатка для сторожа. В этих комнатах осенью и весной жили команды пароходов, пришедших в затон, а зимою — жили „караванные матросы” и ремонтные рабочие затона. Во втором этаже была контора затона и большая комната, где, временно, осенью, до отъезда по домам и весной до ухода из затона, жили капитаны пароходов, их помощники и машинисты. Рядом с этой комнатой была комната „караванного капитана”, который жил здесь всю зиму, и кухня с комнаткой для прислуги, обслуживающей осенью и весной приехавших в затон капитанов, а зимою — караванного капитана».¹²

Иногда ремонт парохода происходил там, где его застала поломка. Сын К. А. Эворыкина Владимир писал в воспоминаниях: «Утром я отправился к судну и впервые увидел, как производится ремонт днища в отсутствии сухого дока. Первым делом во льду под поврежденной частью прокладывали траншею. Эта работа занимала обычно несколько недель, ибо лед снимали послойно („вгрызались”, — по выражению рабочих). Сначала делали прорубь, за ночь вода в ней промерзала на несколько сантиметров вглубь, а утром верхний слой свежееобразовавшегося льда вновь кропотливо соскабливали. Когда траншея достигала нужного размера, переходили непосредственно к ремонту. В нашем случае рабочим предстояло заменить стальной лист обшивки размером приблизительно полтора на два метра. Убедившись, что дело движется споро, я вернулся домой и подробно рассказал отцу о ходе этой непростой операции».¹³

Навигацию открывали обычно в марте-апреле, после ледохода. Начинали ее с молебна с водосвятием воды. На судно приглашали священника, обычно из церкви Николы Набережного.

Святой водой окроплялись все помещения и вымпел парохода. Молебны совершались также накануне каждого рейса.

О начале навигации 1906 года на пароходе «Зворыкин» рассказал Б. В. Жадин в автобиографическом рассказе «Первый рейс»: «Перед отправлением в первый рейс все — хозяин пароходов, агент пристани, капитан парохода, его помощники, лоцмана и машинист — по традиции собрались в конторе пристани, чтобы помолиться. Все, как полагается в этом случае, сели. Посидев некоторое время, хозяин встал, а за ним и все присутствующие и стали молиться на висевший в переднем углу конторы образ. Также первым кончил молиться хозяин, а по его примеру и все остальные, и он, пожимая всем руки, начиная с капитана, стал со всеми прощаться, желая „благополучного и счастливого пути“. Затем все члены команды пошли на пароход на свои места, а хозяин, служащие пристани и провожающие расположились на борту „Николая“, у которого мы стояли. В штурвальной рубке появились вахтенные лоцман и штурвальный, которые по заведенному обычаю сначала помолились на восток и затем встали к штурвалу. Провожающие махали отходящему пароходу головными уборами, платками и просто руками. Далее последовал короткий отрывистый свисток: — „молиться“ и по заведенному порядку все члены команды, кроме лоцмана и штурвального, занятых у штурвала, сняв фуражки, стали креститься. Помолившись, капитан взялся за ручку свистка и стал давать „прощальный свисток“»¹⁴.

Путешествие пассажира на пароходе начиналось с пристани, где он должен был приобрести билет у кассира пароходства. В начале XX века в Муроме было несколько пристаней, принадлежащих муромским «Товариществу И. И. Фанталова», «Пароходству Н. Ф. Гладкова и К°», «Товариществу А. В. Качкова» (затем его наследников), пристань А. Щербакова, пристань Зворыкиных.

Обычно они представляли собой небольшие дебаркадеры, не слишком удобные для пассажиров. «Помещения для пассажиров тесны, плохо вентилируются. Особенно ощутительны эти неудобства на второстепенных пристанях. Очень часто из имеющихся двух, почти не отличающихся между собой комнат для пассажиров I и II классов, одна — I-го класса — держится на запоре и отпирается лишь для отдельных лиц, по проекции, а все пассажиры I и II классов теснятся в единственной комнате II класса. На „конторках” часто ощущается недостаток питьевой (переваренной) воды. На больших пристанях, особенно же в Нижнем Новгороде, удобств больше»¹⁵, — сообщалось в «Путеводителе по Волге» 1905 года. Надо думать, что на Оке положение было не лучше.

Стоимость проезда на пароходе была куда ниже, чем по железной дороге, а путешествие занимало почти столько же времени. Дoplыть до Нижнего Новгорода в первом роскошном классе можно было за 3 рубля, тогда как за поездку на поезде всего лишь в третьем классе пришлось бы заплатить 3 рубля 52 копейки. Не удивительно, что пароходы пользовались большой популярностью и далеко не сразу начали сдавать позиции железной дороге.

Стоимость проезда на пароходах из Мурома вниз по реке Оке в 1911 году составляла¹⁶:

Пункт назначения	Монастырек	Жайск	Вареж	Павлово	Горбатов	Нижний Новгород
1 класс	60 коп.	1 руб. 35 коп.	1 руб. 80 коп.	2 руб. 10 коп.	2 руб. 40 коп.	3 руб.
2 класс	40 коп.	90 коп.	1 руб. 25 коп.	1 руб. 65 коп.	1 руб. 80 коп.	2 руб.
3 класс	20 коп.	50 коп.	70 коп.	80 коп.	90 коп.	1 руб.

А. А. Горская. Путешествия на пароходах в конце XIX – начале XX вв.

Стоимость проезда на пароходах из Мурома вверх по реке Оке в 1911 году:

Пункт назначения	Досчатое	Елатьма	Касимов	Спасск	Рязань
1 класс	80 коп.	1 руб. 80 коп.	3 руб.	5 руб.	5 руб. 60 коп.
2 класс	50 коп.	1 руб. 40 коп.	2 руб. 50 коп.	3 руб. 40 коп.	4 руб.
3 класс	30 коп.	1 руб.	1 руб. 60 коп.	2 руб. 60 коп.	3 руб. 10 коп.

Плата за провоз багажа составляла от 10 копеек за груз, от 3 до 10 коп. с пуда: на судах до Нижнего — 3 коп. с пуда, а до Рязани с пуда брали 5-6 коп.¹⁷ Каждый пассажир мог с собой бесплатно провести подушку и саквояж весом не более 1 пуда. Остальные вещи следовало сдать в багаж по квитанции. При этом за сохранность вещей на пароходе пароходство не отвечало и советовало закрывать двери и окна кают.

Во время Первой мировой войны стоимость проезда повысилась. В 1914 году в связи с бакинскими забастовками цены на топливо для пароходов выросли на 5 копеек на пуд. В Нижнем Новгороде стоимость топлива составляла 53 копейки за пуд¹⁸. Чтобы поддержать рабочих, в 1914 году пароходства Качкова и Зворыкина договорились предоставлять скидку в 50 % на проезд членам артелей¹⁹.

В 1916 году цена на путешествие на пароходе²⁰:

Класс	1 класс	2 класс	3 класс
от Нижнего Новгорода до Рязани	9 руб.	7,5 руб.	4,6 руб.
от Нижнего Новгорода до Муром	4,2 руб.	3,1 руб.	1,3 руб.
от Рязани до Муром	7,5 руб.	6,3 руб.	3,9 руб.

- ¹ Добрынкин В. Н. Муром прежде и теперь. – Муром, 1903. – С. 84.
- ² Описание бывших пожаров в г. Муроме и более сильных в прочих городах Российской империи и разных достопамятных событий как в г. Муроме, так и в прочих городах с 1777 г. Составленное бывшим городским головой Владимиром Макаровичем Емельяновым, брандмейстером Иваном Павловичем Стуловым и писарем мещанского общества Николаем Федоровичем Гладковым. – Муром, 1912. – С. 18.
- ³ Там же. – С. 19.
- ⁴ Там же. – С. 25.
- ⁵ Пароходство н-в А. В. Качкова: справочник по р.р. Оке и Москве. – М., 1916. – С.1.
- ⁶ Лаврентьев А. Ока, Волга и Дон // Русское судоходство. – 1887. – № 16-17. – С. 134.
- ⁷ Вошинина-Киселева Н. П. О Муроме. Воспоминания. Научный архив ГБУК ВО МИХМ. – Ф. 8. – Оп. 2. – Ед. хр. 4. – С. 2.
- ⁸ Пароходство н-в А. В. Качкова: справочник по р.р. Оке и Москве. – М., 1916. – С. 2.
- ⁹ Жадин Б. В. Половодье. Весенний шторм. На пароходе. Второй. Густав Струве. На пасхальных каникулах. Рассказы. М-23541. – С. 17.
- ¹⁰ Судоходные вести // Муромский край. – 1914. – № 92. – С. 3.
- ¹¹ 20 лет рабочей организации. гор. Муром, Выкса, Кулебаки. – М., 1923. – С. 11.
- ¹² Жадин Б. В. В затоне на зимовке. Повесть. Рукопись. М-23540. – С. 10-12.
- ¹³ Зворыкин Муромец / Леонид Парфенов; Мемуары изобретателя телевидения. – М., 2011. – С. 70.
- ¹⁴ Жадин Б. В. Первый рейс (из моих воспоминаний). Рассказ. Рукопись. 1956 г. М-23539.
- ¹⁵ Бесчинский А. Путеводитель по Волге. – М., 1905. – С. 15.
- ¹⁶ Краткий справочник по городу Мурому. – Муром, 1911. – С. 11.
- ¹⁷ Там же. – С. 12
- ¹⁸ С Оки // Муромский край. – 1914. – № 136. – С. 3.
- ¹⁹ Судоходные вести // Муромский край. – 1914. – № 101. – С. 11.
- ²⁰ Пароходство н-в А. В. Качкова... – М., 1916. – С. 13-14.

ХАРАКТЕРИСТИКА ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В МУРОМСКОМ УЕЗДЕ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII ВЕКА

1. В русской научной терминологии нет однозначного толкования термина «землепользование». Предлагаются следующие два определения:

А) землепользование как объект права пользования — земельный участок или участки, предоставленные в установленном порядке отдельному землепользователю для определенных целей и ограниченные на местности;

Б) землепользование как деятельность — процесс и порядок пользования землей.

Я предлагаю исходить из определения землепользования как участка земли, находящегося в чем-либо ведении, владении, пользовании, собственности. В этом случае землепользование рассматривается как юридический объект права — владение, собственность или аренда. При этом нас будет интересовать порядок, условия и формы эксплуатации земель — важнейшей части окружающей природной среды, характеризующейся пространством, рельефом, почвенным покровом, растительностью, недрами, водами.

2. В начале XVII столетия определенная часть земель уезда была в дворцовых землях. Эти земли находились в собственности великого князя (царя), передавались по наследству, и доходы с них шли на содержание князя и его семьи (дворца). С развитием государственности внутри них стали выделяться государственные земли, доходы с которых поступали в казну. Из государственных земель

также выделялись поместья служилым людям или жаловались вотчины.

Состав дворцовых земель Муромского уезда в течение первой трети XVII века изменился. Это хорошо видно на примере земель крупной «дворцовой Стародубской волости» на правом берегу реки Оки. В 20-х годах XVII века великий князь Михаил Федорович значительную часть этих государственных земель пожаловал в вотчину боярину Ивану Никитичу Романову и отказал в поместье боярину Михаилу Борисовичу Шеину. При этом на территории вновь образованного Стародубского стана рядом с вотчинами и поместьем остались и дворцовые волостные поселения: Вача, Высоково, Казаково, Новоселки и Яковцево. К сожалению, сегодня не имеется подробной описи всех дворцовых земель в Муромском уезде в первой трети XVII века, но подлинная Писцовая книга поместных и вотчинных земель в станах Муромского уезда 1628-1630 годов, составленная Яковом Козловским и подьячим Романом Прокофьевым, позволила выявить некоторые из них. Например, в ней упоминаются жеребьи села Молотиц¹, полсельца Ляхов², 3 пустоши, а также мельница у деревни Онцифрово³, описанные на «царя Михаила Федоровича». Вполне возможно, что все эти поселения, погосты и пустоши были лишь частями пока не известных нам дворцовых волостей.

Процесс изменения состава государевых земель в Муромском уезде продолжался в течение всей первой половины XVII века. Уже в апреле 1634 года, после обвинения в измене и казни боярина Михаила Борисовича Шеина⁴, в состав «государевых пашенных земель» вернулся Голенищевский приход, отказанный ранее ему в поместье. Поэтому в списке с «Переписной книги дворов и в них людей города и посада, поместных и вотчинных сел, деревень и дворов

В. Е. Ершов. Характеристика землепользования в Муромском уезде

в станах Муромского уезда 1646 года», составленным Яковом Петровичем Вельяминовым и подьячим Федором Андреевым, мы уже не встречаем эти земли⁵. Изменение состава дворцовых земель прослеживается и в ходе исследования отдельных, отказных, раздельных и обыскных книг поместий и вотчин Муромского уезда 1629-1650 годов. В 1633 году на государя была отписана пустошь Хабарова⁶; в 1636 году — починки Пироговский, Зайчиха, Добрынский, пустоши Тренинская⁷, Пятницкая⁸, Симаково⁹, Волково¹⁰ и Городище¹¹; в 1637 году — 2/3 деревни Чеванино¹², в 1639 году — починок Лапин, пустошь Рожнино¹³, жеребий пустоши Денисьевской¹⁴, в 1647 году — 2/3 деревни Толстикова¹⁵. Часть земель, наоборот, выводилась из дворцовых и отдавалась владельцам. Например, полсельца Бибеево, числящееся в государевых, в 1636 году было отказано муромцу Никифору Петрову сыну Дурасову «в его оклад 450 четвертей в поместье»¹⁶. История двух уже известных нам сел Карачарова и Панфилова — это наглядный пример того, как в течение полувека менялся статус земель. Знакомясь с историей Унженского стана, мы узнали, что бывшие государственные села в начале XVII века за «московское осадное сидение в королевичев приход» были отданы в вотчины боярину Юрию Яншевичу Сулешеву и его брату князю Василию Яншевичу Сулешеву¹⁷. На рубеже 1646-1647 годов оба села ненадолго были обратно отписаны в дворцовые, но уже в марте 1647 года «село Панфилово и село Карачарово с деревнями отписывал государь в вотчину боярину князю Якову Черкасскому»¹⁸.

Особой частью дворцовых землевладений являлись погосты, находящиеся на «государя и великого князя Михаила Федоровича Всея Русской земле». В Муромском уезде в конце 20-х годов XVII века было несколько таких погостов. Наибольшее их количество находилось в Дубровском стане: Мускат на речке

Ушне, Покровский на речке Теше, Васильевский на речке Колпи, Ильинской в Кубове, Горлицкой на реке Теше, Старые Котлицы на речке Ворозиме, Новосельский на озерке, Невадьевской на пруде, Железничинский и Раменской¹⁹. В Унженском стане на государевой земле стояли погосты: Воскресенский на горах, Фроловский на речке Черной, архистратига Михаила на речке Унже и Василия Великого²⁰; в Куземском стане — погосты Георгиевский и Иоанна Предтечи²¹.

3. Основная часть земель Муромского уезда в начале XVII века находилась в вотчинах и поместьях, делами которых ведал образованный в XVI веке Поместный приказ. При этом вотчинами как личными постоянными наследственными владениями владелец мог распоряжаться на праве полной собственности (продавать, дарить, закладывать, завещать). В конце 20-х годов XVII века в вотчинах находилось более половины всех земель Муромского уезда. При этом свыше 50 % всех светских вотчинных землевладений представляли наследственные, родовые; около 25 % — выслуженные и оставшиеся 20 % — купленные. Владельцы вотчин были обязаны предоставлять в распоряжение царя определенное количество вооруженных воинов. Значительная часть земель, более 36 % от всех вотчинных земель уезда, была в монастырских и церковных вотчинах. Образованные из земель подаренных, отданных в виде различных вкладов, купленных, захваченных и присоединенных свободных государственных, эти крупные землевладения создавали государству большие затруднения в обеспечении землей служилого класса. Очевидно поэтому, после принятых государем мер с целью остановки дальнейшего земельного обогащения монастырей, в конце XVI века в Муромском уезде приостанавливается рост монастырских и церковных вотчин. В период конца XVI — первой трети XVII веков извест-

В. Е. Ершов. Характеристика землепользования в Муромском уезде

но всего об одном случае продажи в уезде земли монастырю. В 1624 году Агрепина, жена Александра Ивановича Ершова, дочь князя Федора Семеновича Гагарина, отдала в Троице-Сергиев монастырь сельцо ее мужа Ершово. С монастыря Агрепиной было взято 300 рублей для уплаты ее долга²².

Начиная с XVI века в Муромском уезде, наряду с вотчинами, получает распространение поместное землевладение. В условиях развития «служилого государства» на Руси растет состав «служилого города» Мурома и увеличивается количество земель, с которых «кормятся» служилые люди, то есть поместные. Напоминаем, что поместье являлось временным земельным владением и предоставлялось государственным служилым людям (вместе с живущими на ней крестьянами) на определенных условиях на срок службы. Когда служилый человек по каким-либо причинам оставлял службу, то поместный земельный участок передавался другому лицу. По заведенному порядку первым в ряду претендентов стоял старший сын, при этом на момент отказа земель он мог быть еще недорослем. Если не было старшего сына, поместье могло отойти брату. В отсутствии служилых родственников земли отказывались в поместный оклад другим детям боярским. Но если прежний владелец уходил со службы по причине увечья или у него остались вдова, дочери, то из поместных земель отделялась часть на «прожиток» ему самому, вдове или дочерям. При этом поместные земли можно было менять. Таков порядок отказа поместных земель в начале XVII века привел к частой смене помещиков Муромского уезда и изменения состава поместных землевладений. В конце 20-х годов XVII в поместьях находилось более 40 % земель уезда. Среди помещиков были 1 боярин, 8 князей, 5 стольников и окольничих, 5 стряпчих и дьяков, более 40 дворян, более 120 жильцов и детей боярских; более 30 вдов, девок и недорослей. За период конца

XVI – первой трети XVII века около 40 % поместных земель отошли в другие служилые рода.

О. А. Шватченко считает, что поместья были характерны для массы провинциальных фамилий, в то время как вотчинная система была основой могущества и высокого социально-политического статуса родословных фамилий в России. Насаждение поместной системы при Иване IV формировало для некоторых провинциальных дворян более высокий социальный статус, но переоценивать его нет никаких оснований²³.

4. При исследовании истории землевладения в станах уезда было установлено, что в фонде вотчинных и поместных землевладений происходил интенсивный процесс изменения состава владений, смены землевладельцев. Были случаи, когда менялся вид землепользования – вотчинного на поместный. Например, окольному князю Григорию Константиновичу Волконскому в 1629 году был отказан в поместье жеребий села Клин, до того числящийся в вотчине за Федором Пановым²⁴. Другими примерами перевода вотчины в поместье являлись отказ в середине 20-х годов XVII века Федору Мешкову сыну Плещееву в поместья жеребий села Гришина и 4 пустоши, бывших ранее за ним же в вотчине²⁵; дача в 1629 году стольнику Богдану Иванову сыну Бельского в поместье жеребия села Гришина с пустошами, ранее числившимися в вотчине Льва Микулина²⁶.

В учебном пособии «Россия в Средние века и Новое время» М. С. Черкасова определяет две составляющие феодальной собственности на землю:

1) специфическая форма земельной монополии феодалов в сочетании с хозяйственной самостоятельностью крестьян-земледельцев;

2) личная зависимость последних от номинальных собственников их наделов.

В теоретическом плане соотношение поземельных прав между феодалами и крестьянами обычно представляется как собственность на землю для первых и владение землей для вторых. Ссылаясь на Л. В. Милова, она отмечает, что в конкретно-историческом плане соотношение категорий «собственность» и «владение» не столь строго, оно подвижно. Объем владельческих прав на землю феодально-зависимого крестьянства обуславливался данной стадией развития феодальных отношений, степенью и формами эксплуатации и личной несвободы, рядом других обстоятельств. Поэтому объем этот мог сближаться с фактической собственностью крестьянина на землю, неполной собственностью, но мог быть идентичен и понятию простого землепользования²⁷.

5. Крестьянские землевладения, то есть земли, находящиеся в собственности крестьян, в первой трети XVII века в Муромском уезде не выявлены, но были определены основные виды крестьянского землепользования. Наиболее распространенной была обработка крестьянами пашни паханной, перелугу и поросшей лесом пашни того землевладения, к которому они были приписаны. Писцовые книги являлись сводным документом хозяйственного описания или, как их еще называли, поземельные описи. Они служили основанием для податного земельного обложения — сошного письма. Именно Писцовые книги определяли размер повинности — тягло, которую несло податное население, в том числе крестьяне за пользование землей. Таким образом, реформы местного управления 1550-х гг. ликвидировали и наместников, и иммунитеты, но не ликвидировали судебнополитическую власть землевладельцев по отношению к крестьянам. Материальной основой светского вотчинного суда по-прежнему оставалась феодальная земельная собственность²⁸.

М. С. Черкасова указывает на возможное влияние государственной налоговой системы в России на ренту, когда рост денежных платежей на государство не оставлял частному вотчиннику другого пути увеличения собственных доходов, кроме насаждения барщины у себя в имении. Денежные поборы в пользу государства обуславливали необходимость появления крестьянина на рынке. Начиная с конца XVI века, после отмены «тарханных» грамот, в вотчинах и поместьях были самые разнообразные сочетания повинностей. Все исследователи отмечают широкую распространенность в XVI-XVII вв. отработочной ренты, прежде всего в форме полевой барщины. Стимулом к расширению барщины служила и правительственная политика, о которой говорилось выше, а именно обеление государством господской пашни. Во второй половине XVI в. такие меры вызывались задачами хозяйственного возрождения запустевших земель²⁹.

Основной окладной единицей тяглого населения в первой трети XVII века была соха. Сохой стали называть определенное количество распаханной земли. Соха делилась на четверти примерно равные $2731,35 \text{ м}^2 = 0,273135 \text{ га}$. До начала XVII века крестьянин, живший и работавший на земле служилого человека, как и крестьянин, живший на своей земле или государственной, платили одинаково с каждой четверти распаханной земли, или «живущей», как называли ее в те времена. Но в начале XVII века под «живущей четвертью» стали понимать не настоящую четверть распаханной служилой земли, а по несколько целых крестьянских дворов, из которых каждый распахивал не одну четверть. В начале XVII века был принят указ о количестве крестьянских и бобыльских домов, причитающихся на «живущую четверть» поместной, вотчиной и монастырской земли в разных уездах. Он гласил,

что «во Владимире, Суздале, Муроме за помещиками и вотчинники положить в живущую пашню по 8 дворов крестьянских и по 4 двора бобыльских, всего по 12 дворов в четверть. А в митрополичьих и монастырских вотчинах по 6 крестьянских и по 3 бобыльских в четверть»³⁰.

6. Другим видом землепользования была «отдача в оброк». Под оброком понимали аренду свободных земель, лесов и лугов и т. д. Объектами аренды были дворцовые, церковные земли и земли светских феодалов. При этом иногда в оброк отдавалось целое поселение. В случае аренды дворцовых земель оброк, называемый в данном случае — подать, платился в казну. Так, беспашенные бобыли, живущие в слободке у села Пурока, бывшей в вотчине боярина Ивана Никитича Романова, платили боярину в виде оброка со двора 3 гривны³¹. Ему также платили оброк крестьяне деревни Юрьевец, державшие мельницу на речке Куземе³². Так, в оброке за крестьянами Ларкой Григорьевым и Колобком Кондрашовым было пашни паханной 121 четверти без полуосмины и перелогу 7 четвертей против деревни Жайск, находящиеся в поместье за боярином Михаилом Борисовичем Шеиным³³. В начале XVII века деревня Водяная была поочередно «на оброке за... Мурзой Никитиным» а «после того... на оброке... за крестьянином Климом Ермолаевым»³⁴; пустошь Савино была на оброке за крестьянином Кузьмой Романовым³⁵, пустошь Былинно — за крестьянином Иваном Рыбниковым³⁶, деревни Адино — за крестьянином Петрушкою Степановым с товарищами³⁷. Всего у боярина князя Бориса Михайловича Лыкова за крестьянами на оброке было 12 пустошей³⁸. Луга за рекой Окой напротив Шиморского острова у озера Коловлева были отданы в аренду крестьянину Ротаю Косувнину с товарищами, «а оброк с тех лугов платят в Муроме земским старостам»³⁹.

В селе Арефино на погосте Николая Чудотворца стоял 31 двор беспашенных бобылей. Оброк с тех дворов они «платили Никольским попам со двора по гривне за год». Там же на церковной земле были 27 лавок, 3 харчевни, 9 шалашей, 20 полков, «а торгуют в них приезжие с разных городов один день в неделю и оброки с тех лавок и шалашей платят с давних пор попам по 18 рублей в год»⁴⁰.

Иногда в качестве арендаторов земли выступали не крестьяне, а те же помещики. Так, служилому человеку Булату Федорову сыну Репьева в поместье сверх дачи и оклада «были написаны перехожие пашни». И с той пашни он обязан был платить оброк в приказ Большого прихода⁴¹. Пустошь Афонина была на оброке за дьяком Иваном Григорьевым⁴². За попами погоста архистратига Михаила на речке Унже по грамоте Большого Приказа «на оброке без перекупки пустошь, что была деревнею Кубенская на речке на Унже строжапустела. А оброку им с той пустоши Кубенской платить по 5 алтын на год»⁴³. Попы, проживающие на Козьмодемьянском погосте, имели в приписанных к погосту дворцовых пустошах паханые земли и платили оброк в Приказ Казанского двора по два рубля, 16 алтын и 4 деньги⁴⁴. Как видим, основная форма выплаты оброка была денежная. Но иногда арендная плата измерялась натуральным продуктом. Например, за аренду бортовых угодий в Вишском лесу «в длину на 3 версты поперек на версту оброку платить 6 пудов с пол пудом меду»⁴⁵.

7. Кроме оброка, в уезде имела место такая форма пользования государственной собственностью, то есть объектов, находящихся на дворцовой земле, как откуп. В селе Суравцово на речке Ушне «кабак на откупе за... крестьянином Ивашком Марковым и откуп платит на Москву в государеву казну в новой чети»⁴⁶. Другой кабак в селе Святцы на речке Ушне «на госу-

даря кабак держат на откупе... крестьянин Ивашко Федосьев откупные деньги платить на Москве в новой чети»⁴⁷. «В селе в Павлове кабак в откупе за Муромского уезду Стародуба Вотцкого крестьянином Семейкою Софоновым с Семенова дня нынешнего года по Семен же день 1621 года, а откупных денег на нынешний 1620 год против 1619 года помечено взять прежнего откупа 841 рубль и 21 алтын 4 деньги, да новые надати 20 рублей и с новой надати пошлыны. Всего 862 рубля 21 алтын 4 деньги. А платить те день половину 1 марта, а вторую к 1 июля. И взяты те деньги в 1620 году в Нижнем Новгороде сполна»⁴⁸.

8. Ранее уже упоминались такие поселения, как слободы. В начале XVII века слободы или свободы являлись свободными поселениями. Их население имело льготы, привилегии, занималось, как правило, одним занятием — земледелием. В Муромском уезде в конце 20-х годов XVII века было несколько слобод. Первая находилась у села Чеадаева. В ней стояло 14 дворов монастырских детеньшей, 13 крестьянских и 25 бобыльских дворов. Наличие у слободы 100 четвертей крестьянской и 75 четвертей монастырской пашни паханной позволяет определить, что основным занятием жителей слободы было земледелие. Хотя некоторые из живущих здесь бобылей занимались разным ремеслом, обеспечивающим жизнь и быт жителей слободы и села. Другая слобода стояла у села Дуброва⁴⁹. В ней было 5 дворов монастырских дьячков и 50 четвертей пашни паханной⁵⁰. Обе слободы располагались на вотчинной земле Троице-Сергиева монастыря. Следующая слобода стояла на земле Никольского Бутылицкого монастыря. В ней было 9 бобыльских дворов и 35 четвертей пашни паханной⁵¹. Очевидно, жителей этих слобод подвергали посошному обложению. У села Пурока на реке Оке в вотчине боярина Ивана Никитича Романова также была слобода, в ней 14 дво-

ров беспашенных бобылей и «оброк платят боярину Ивану Никитичу со двора по гривне»⁵².

9. При описи Муромского уезда в 1628-1630 годах выявлены порожние (порожние) земли. Эти земли на момент описи были свободными, то есть никому не принадлежали. В писцово́й книге сказало: «В порожних землях старые и новые пустоши, чьи в поместьях и вотчинах бывали... запустели от морозного поветрия»⁵³. Например, в Дубровском стане в порожних землях были жеребий полдеревни живущей, 32 пустоши, в 3-х пустошах по половине, $2/3$ пустоши, в 3 пустошах по трети, да 2 пустошах по жеребию. Пашни паханной, перелогом и поросшей лесом средней земли 764 четверти с осминою⁵⁴. В Куземском стане в порожних землях числилось $1/3$ сельца, 40 пустошей без жеребья, в 5-ти пустошах по половине. Всего пашни, паханные наездом и перелогу и лесом поросло средние и худые земли добрые с наддачею и в ряд без наддачи 1222 четверти⁵⁵.

По указам 1572/73 и 1587 гг. порожние поместные земли в Московском уезде могли продаваться в вотчины. По мнению М. С. Черкасовой так начался процесс становления выслуженной вотчины в России. В условиях хозяйственного кризиса 1560-1580-х гг. правительство тем самым стремилось к возрождению, реактивации заброшенных земель⁵⁶. В Муромском уезде эти порожние земли также становятся своеобразным резервом, из которого в поместья отказываются земли служилым людям и детям боярским. Так, Максиму Репьеву по отдельной выписи Муромского губного старосты в 1622 году даны с порожних земель пустошь с половиной пустоши⁵⁷. В 1629 году с порожних земель Григорию Кравкову и Никите Опраксину было отказано по пустоши. Такие сводные земли были сысканы и даны в поместье «по челобитию Владимира

Владимиrowa сына Чиркова в Дубровском стану между речек Большие и Малые Леди... пустоши Малаховская и Заледье»⁵⁸.

10. На основании вышеизложенного можно сделать несколько выводов.

Во-первых, в первой половине XVII века в Муромском уезде имели место разнообразные формы использования земель, но преобладала феодальная собственность.

Во-вторых, процесс землепользования был настолько динамичным, что возникала необходимость постоянного учета землевладений, то есть описи земель, которая и была проведена сначала в 1628-30 годах, а затем в 1646 году.

В-третьих, увеличение поместного и вотчинного землевладения происходило в основном за счет дворянских и порожних земель.

В-четвертых, при отсутствии в уезде крестьянских собственных землевладений, крестьяне часто являлись арендаторами земельных жеребьев.

В-пятых как следствие пересмотра иммунных грамот «у всех тарханщиков» в начале XVII века, в конце 20-х годов того же столетия в уезде были ликвидированы все иммунитеты.

¹ Подлинная писцовая книга поместных и вотчинных земель в станах Муромского уезда. 1628-1630 гг. // РГАДА. — Ф. 1209. — Оп. 1. — К. 284. — Л. 257.

² Там же. — Л. 1403.

³ Там же. — Л. 670.

⁴ Антонов А. И. Воевода Шеин. — М., 2005. — С. 5.

⁵ Список с переписной книги дворов и в них людей города и его посада, и поместных и вотчинных сел, деревень и дворов в станах Муромского уезда 1646 г. // РГАДА. — Ф. 1209. — Оп. 1. — К. 11 834. — Л. 1-1839.

⁶ Отдельные, отказные, раздельные, обыскные... книги поместий и вотчин Муромского уезда. 1622-1678 гг. // Ф. 1209. Поместный приказ. — Оп. 2. Отказные книги. — Д. 11 847. — Л. 489.

- ⁷ Там же. – Л. 530.
- ⁸ Там же. – Л. 523.
- ⁹ Там же. – Л. 533.
- ¹⁰ Там же. – Л. 543.
- ¹¹ Там же. – Л. 489, 567.
- ¹² Там же. – Л. 618.
- ¹³ Там же. – Л. 747.
- ¹⁴ Там же. – Л. 965.
- ¹⁵ Там же. – Л. 1591.
- ¹⁶ Там же. – Л. 507.
- ¹⁷ Подлинная писцовая книга... – К. 285. – Л.1345-1368.
- ¹⁸ Там же. – Оп. 2. – Д. 11 847. – Л. 1556-1586.
- ¹⁹ Там же. – Оп. 1. – К. 284, 285. – Л. 955-963.
- ²⁰ Там же. – Л. 1696-1699.
- ²¹ Там же. – Л. 665-667.
- ²² Шумаков С. А. Обзор «Грамот Коллегии экономии»: Материалы по Владимиру, Гороховцу, Мурому, Суздаю, Юрьев-Польскому и Вологде. – М., 2002. – Вып. 5. – № 126.7813.
- ²³ Черкасова М. С. Россия в Средние века и Новое время: Теоретические проблемы. – Вологда, 2008. – С. 27.
- ²⁴ Подлинная писцовая книга поместных и вотчинных земель в станах Муромского уезда. 1628-1630 гг... – Оп. 1. – К. 284. – Л. 211.
- ²⁵ Там же. – Л. 695.
- ²⁶ Там же. – Л. 696-698.
- ²⁷ Черкасова М. С. Указ. соч. – С. 16.
- ²⁸ Там же. – С. 53.
- ²⁹ Там же. – С. 61.
- ³⁰ Указ о количестве крестьянских и бобыльских домов, причитающихся на «живущую четверть» поместной, вотчиной и монастырской земли в разных уездах // Законодательные акты русского государства второй половины XVI века – первой половины XVII века. – Л., 1986. – № 197.
- ³¹ Подлинная писцовая книга... – Оп. 1. – К. 284. – Л. 3.
- ³² Там же. – Л. 9.
- ³³ Там же. – Л. 126.
- ³⁴ Там же. – Л. 342.
- ³⁵ Там же. – Л. 435.
- ³⁶ Там же. – Л. 434.
- ³⁷ Там же. – Л. 1700.

В. Е. Ершов. Характеристика землепользования в Муромском уезде

- ³⁸ Там же. — Л. 1705.
- ³⁹ Там же. — Л. 1311.
- ⁴⁰ Там же. — Л. 31-33.
- ⁴¹ Там же. — Л. 398-399.
- ⁴² Там же. — Л. 433.
- ⁴³ Там же. — Л. 1694-1696.
- ⁴⁴ Там же. — Л. 114-115.
- ⁴⁵ Там же. — Л. 827.
- ⁴⁶ Там же. — Л. 267.
- ⁴⁷ Там же. — Л. 476.
- ⁴⁸ Приходно-расходные книги Московских приказов 1619-1621 гг. — М., 1983. — С. 455.
- ⁴⁹ Подлинная писцовая книга... — Оп. 1. — К. 284. — Л. 876-878.
- ⁵⁰ Там же. — Л. 840.
- ⁵¹ Там же. — Л. 1685.
- ⁵² Там же. — Л. 3-4.
- ⁵³ Там же. — Л. 966.
- ⁵⁴ Там же. — Л. 988.
- ⁵⁵ Там же. — Л. 689.
- ⁵⁶ Черкасова М. С. Указ. соч. — С. 29.
- ⁵⁷ Подлинная писцовая книга... — Оп. 1. — К. 284. — Л. 380-381.
- ⁵⁸ Отдельные, отказные, отдельные, обыскные... книги... — Оп. 2. — Д. 11 847. — Л. 1503.

СУНДУЧНАЯ МАСТЕРСКАЯ Н. С. ТЕБЕКИНОЙ. МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ

Исследование истории русского сундука, осмысление его роли в культурной и экономической жизни страны началось относительно недавно. В настоящий момент лучше остальных изучены северный и уральский сундучные центры¹.

История муромского сундучного промысла еще не написана, хотя в одной монографии и нескольких статьях освещены некоторые периоды истории производства, рассмотрены основные виды сундуков, приведены сведения о мастерах². На сегодняшний момент остается множество «белых пятен», некоторые принципиальные вопросы могут решаться лишь предположительно. Думается, что одно из самых перспективных направлений работы — исследование конкретных мастерских, в которых делали сундуки. Именно из их историй подобно мозаике складывается общая картина развития промысла. В 2019 году вышла в свет научная статья, посвященная истории муромского сундучного заведения А. И. Желтикова³. В ней рассмотрены основные вехи истории мастерской, проанализированы художественные особенности изделий, в качестве приложения помещены биографические сведения о мастерах, обнаруженные в Государственном архиве Владимирской области. Сегодня это — единственная научная работа⁴ о конкретной муромской сундучной мастерской, хотя сведения о последних встречаются в изобилии в статистической литературе второй половины XIX — начала XX века.

Следующим шагом в изучении истории отдельных сундучных заведений Муромского уезда является предлагаемая статья, посвященная мастерской Надежды Семеновны Тебекиной

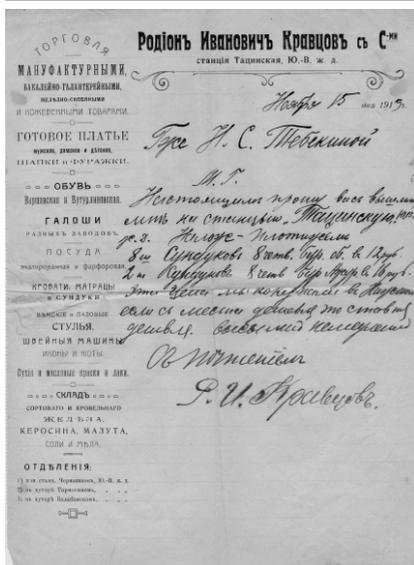
(? — после 1917 года). Надо подчеркнуть, что в ней отражены лишь предварительные результаты работы над темой. В дальнейшем возможны дополнения и изменения.

* * *

«Торгово-промышленное заведение» Н. С. Тебекиной находилось в Варежской волости, в деревне Соловьево⁵. Ранее оно принадлежало Семену Семеновичу Гордееву⁶. Сундуков в заведении Тебекиной делалось на 3000 рублей, работало 14 мастеров (сведения на 1912 год)⁷. На Нижегородской ярмарке мастерская упомянута в 1914-1915 годах, лавка располагалась на Нижегородской улице под номером 31⁸. После революции 1917 года сундуки и материалы заведения были конфискованы в пользу артелей (впрочем, это произошло со многими частными заведениями Муромского уезда)⁹. Исходя из этих данных, можно предположить, что мастерская существовала относительно недолго: период ее активной деятельности ограничивается первой четвертью XX столетия. Несмотря на то, что статистические сведения свидетельствуют о значительной роли заведения Н. С. Тебекиной в общей истории сундучного производства Муромского уезда, они скупы и довольно односторонни.

Тем большую ценность обретают материалы из архива Муромского историко-художественного музея, выявленные недавно¹⁰. Это — письма заказчиков сундуков, адресованные Н. С. Тебекиной. Самое раннее датируется 13 августа 1912 года, оно было написано Н. А. Степановым, хозяином «Магазина мануфактурных, галантерейных и кожевенных товаров в станице Клецкой»¹¹ (ныне в Волгоградской области. — Г. П.). Но в конверт вложено другое письмо, о нем речь ниже.

Следующее послание датируется 23 августа 1912 года¹². Автор его — Владислав Юсифович Калинин из станицы

Ил. 1. Письмо Р. И. Кравцова
Н. С. Тебекиной. МИХМ, Ф.3-07-11

от некого Табая Бурибаева из Старой Бухары¹⁴. Он свидетельствует о том, насколько широка была география экономических связей муромского сундучного промысла, в частности, заведения Н. С. Тебекиной.

Южные регионы России в торговых связях муромчан были также представлены товариществом «Я. И. Токарев и К» из Ростова-на-Дону (располагалось на Московской ул., № 101), специализировавшемся на мебельной и сундучной торговле, а также на продаже множества других товаров, как явствует из бланка письма¹⁵. В последнем четко оговорены виды и количество заказываемых сундуков, например: 45 — мороз по жести, белые; 25 — решетка; 7 — кругом окованные белой жостью, с ножками и т. д. Слева обнаружена приписка: «Брат был в Нижегородской ярмарке. Вы обещались немедленно

Ермаковской (в настоящее время в Ростовской области. — Г. П.). Он заказывает Тебекиной множество сундуков различных видов («бурлак обыкновенный», «ажурный», «полубурлак», «альховый», «решетка альховый») и вносит заказ в 200 р. Автор просит «высылки... не задержать послать поскорее на станцию Тадинская»¹³ (Ил. 1).

Пятым февраля 1913 года датируется еще один почтовый конверт (письмо отсутствует)

послать но к сожалению у него в ярмарке не оказалось чтобы дать задаток»¹⁶. Таким образом, в очередной раз подтверждается, насколько важную роль играла Нижегородская ярмарка не только для непосредственной продажи изделий, но и для заключения договоренностей о последующем сотрудничестве.

Особый интерес представляет письмо от Егора Васильевича Григорьева из Архангельска (датируется 5 октября 1913 года)¹⁷. Он занимался продажей хозяйственных принадлежностей, в т. ч. сундуков. Е. В. Григорьев сетует на недоразумение, повлекшее за собой недостаток у него сундуков для продажи на архангельской ярмарке («всю ярмарку нашу сижу без товара»). Он просит «при первой возможности отправить... следующего товару: сундуков ажурных, золотистой отделки, голубых оттенков... морозу... решетки, шкатулок бурого цвета». Из этого письма следует вывод о значительном разнообразии сундуков, изготавливаемых в заведении Н. С. Тебекиной. Это тем более важно, что на настоящий момент известно крайне мало изделий этой мастерской. Следует также отметить, что Григорьев признается в покупке сундуков у другого муромского сундучника, Трофимова (из-за отсутствия «товара» от Тебекиной)¹⁸. Таким образом становится очевидным, что муромские сундуки перепродавались на других ярмарках, что было, вероятно, одним из путей их широкого распространения по территории России¹⁹.

В другом письме²⁰, от братьев М. и А. Ефимовых с хутора Обливский (ныне в Ростовской области. — Г. П.), подчеркивается: «Товар же нам крайне необходим, так как в нашей местности на Ваш товар в это время сезон и нам много приходится терять оставаясь без товара». Братья также пишут, что сундуки были заказаны еще на Нижегородской ярмарке. В другом письме, от 6 февраля 1914 года, они заказывают новую партию сундуков: «2 тройки сундуков 5/4 мороз, 3 штуки сундуков 7/4 полубур-

лака, 2 штуки сундуков 7/4 с картами (? – Г. П.) бурлак, 2 штуки сундуков мелкая решетка, 2 штуки обыкновенных». Товар у Н. С. Тебекиной покупался братьями Ефимовыми и непосредственно на Нижегородской ярмарке. Отметим, что и это письмо расширяет представление о видах сундуков, делавшихся мастерами Н. С. Тебекиной. Кроме того, оно выявляет причину некоторой стандартности, повторяемости муромских изделий (в рамках определенных типов): высокий спрос на «товар» заставлял сундучников не импровизировать в поисках новых художественных решений, а лишь делать качественно.

Интерес представляет письмо от Степана Левонтьевича Гургенбекова из Тифлиса от 5 декабря 1913 года²¹. Оно позволяет выяснить один из способов налаживания торговых отношений между сундучными производствами. Приведем его почти полностью: «М. Г. Обращаюсь к Вам настоящим письмом и прошу уведомить мне все подробно во первых торгуете ли Вы оптом второе какие бывают сорта сундуков и ящиков (шкатулки) третьи какие цены четверти можно ли зимой тоже отправлять от Вас и какая ближайшая железнодорожная станция у Вас. Пока прошу на вышеупомянутые вопросы мне ответить в точности, а я могу быть у Вас хорошим покупателем. А могу пока до навигации потребовать понемногу и как только будет водянная путь тогда увидите сколько я покажу. Хотя у меня самого тоже есть заведение но на Ваше изделие тоже есть тут требование порядочное так что прошу Вас ответить без задержки». Снизу другим почерком и чернилами записаны виды сундуков и шкатулок, а также цены на них. Шкатулки делались двух видов: десятивершковые и восьмивершковые по 1 р. 30 коп. и 1 р. 10 коп. соответственно. Цены на сундуки колебались в тройках от 2 до 8 рублей, в четверках – от 6 р. 50 коп. до 7 руб.

Следующее по времени письмо (от 10 декабря 1913 года) — от братьев К. и В. Похотиных из г. Кашина Тверской губернии²². Они были владельцами магазина шляп, шапок, перчаток, а также производства валяной и кожаной обуви. Братья заказали ольховые сундуки «с морозом» и «в решетке» (все — разных размеров).

19 декабря 1913 года Н. С. Тебекина получила письмо от А. Д. Дьяконовой из Архангельска²³. Оно интересно тем, что позволяет установить факт торговли Тебекиной сундуками не только орнаментированными, но и «без обделки», то есть «бельем». Ключи также изготавливали муромские мастера, хотя не исключено, что их заказывали отдельно. Так или иначе, они поступали к покупателю в комплекте с сундуками.

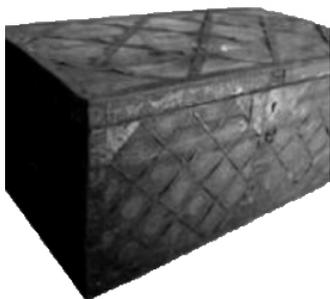
Вероятно, заведение Н. С. Тебекиной в ту пору преуспевало, о чем свидетельствует письмо хозяйке мастерской из Муромского Городского общественного банка (от 12 марта 1914 года)²⁴: «Присланные Вами к учету... два векселя на сумму 400 рублей Банком учтены». Следует отметить, что 400 рублей — сумма по тем временам значительная.

Таким образом, письма, которые получила Н. С. Тебекина от заказчиков, позволили установить: 1) некоторые места сбыта изделий (станции юга России, Архангельск, Тифлис, Кашин, Бухара) — география весьма обширная, к тому же, вероятнее всего, в архиве МИХМ сохранились далеко не все письма; 2) основные виды сундучных изделий и цены на них (ассортимент «товара» оказался весьма разнообразным); 3) некоторые частности общей истории муромского сундучного промысла.

* * *

Технологические приемы, принятые в заведении Н. С. Тебекиной, мало отличались от технологии других центров. Мастера владели широким спектром приемов, от простей-

ших до сложных. Ящики для сундуков делались по большей части из ольхи. Пилами распиливали тесины на доски необходимой величины (если они не закупались на местных лесопильных заводах). Высушенные доски склеивали по две-три, вновь сушили. Доски сколачивали так, чтоб выступ на крае одной приходился в выемку другой. Они соединялись шпонками, предварительно смазанными клеем. Когда были готовы стенки ящика, прикреплялись дно и верхняя часть крышки. Разные технологии использовались при декорировании сундуков. Они украшались не только печатными рисунками, но и листами прочеканенной жести. Инструментами чеканщика были чеканы разного профиля, молоток, деревянная доска, покрытая слоем смеси из смолы и песка (к ней прибивался жестяной лист). Орнаменты на жести были одинаковы, поэтому возможно, что какая-то часть их покупалась специально, например, на Нижегородской ярмарке. Самой эффектной техникой, применявшейся в сундучном промысле, была «морозка» жести. Технология «морожения» железа основана на кристаллизации расплавленной полуды (смеси олова и свинца) при добавлении капель воды, и химической реакции на кристаллизованную полуду смеси серной и азотной кислот.

Ил. 2. Сундук заведения
Н. С. Тебекиной

Как указывалось выше, в настоящее время известно немного сундуков, изготовленных в заведении Н. С. Тебекиной. Рассмотрим для примера два. Первый — небольшой сундук, находящийся ныне в частном собрании (Ил. 2). У него прямые стенки, плоская крышка, ножки отсутствуют. Окрашен в неж-

ный голубой цвет. Декоративная композиция лицевой стенки и крышки разбита на два квадрата. Края сундука и углы «квадратов» украшены листами чеканенной жести золотистого цвета. На боковых стенках прикреплены по одной литой ручке. Поверхности изделия дополнительно покрыты тонкими жестяными полосами, расположенными «в сетку». Между полосами с помощью трафарета белой краской нанесены круглые клейма. Они состоят из точек, слагающихся в круг с надписью внутри него: «фабрики Н. С. Тебекиной».

Подобные сундуки делались и в других заведениях, например, в «фабриках» Н. Я. Трофимова и Я. Г. Моренова. Муромские сундуки различных заведений при отсутствии клейм или этикеток отличить друг от друга крайне сложно (впрочем, это касается не только промысла Владимирской губернии, но и, например, Пермской или Вятской). Мастера использовали одни и те же технологии и материалы. Различие между мастерскими порой заключалось только в объемах и качестве выпускаемой продукции (в большинстве заведений оно было очень высоким).

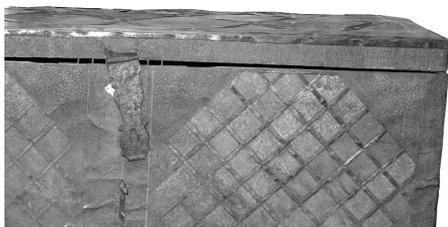
Другой сундук также находится в частном собрании (Ил. 3). Это изделие больших размеров, с чуть покато́й крышкой и пря-

Ил. 3. Сундук заведения Н. С. Тебекиной

Ил. 4. Клеймо заведения
Н. С. Тебекиной

Ил. 4. Один из видов сундуков заведе-
ния Н. С. Тебекиной (деталь)

мыми стенками, поставленное на резные ножки. Лицевая сторона полностью покрыта жестяными листами золотистого цвета (разных оттенков), крышка и боковые — окрашены в зеленый цвет. На боковых стенках — по две литых ручки простой формы. На лицевой стенке, которой совершенно недвусмысленно придана роль «фасада», находится железная петля (вероятно, сундук на протяжении своей истории подвергался ремонту, так как из трех петель осталась только одна, да и та имеет не муромскую форму). Все поверхности дополнительно укреплены тонкими полосами жести черного цвета, между которыми расположены круглые клейма «завода Н. С. Тебекиной адресъ Озябликово» (как на предыдущем изделии, нанесенные краской по трафарету) (Ил. 4). Обстоятельства, в зависимости от которых немного изменились клейма, на данный момент прояснить не удалось. Возможно, особых обстоятельств и не было. По этой причине изменение внешнего вида клейм не может быть датирующим признаком (это касается не только заведения Н. С. Тебекиной, но и других мастерских).

Таким образом, в истории мастерской Надежды Семеновны Тебекиной, одной из крупных во Владимирской губернии на рубеже XIX-XX веков, проявились многие особенности конкретного периода существования местного сун-

дучного промысла. Мастера использовали различные материалы и техники: «мороз» по жести, нанесение краски с помощью трафарета, тиснение, чеканку, прорезь, окрашивание, литье и проч. (Ил. 5). Специальных механизированных приспособлений в ее заведении не было. Основное место сбыта сундуков — Нижегородская ярмарка, хотя, как выяснилось из писем, множество изделий делалось по заказам из других губерний.

¹ См., например: Гилодо А. А., Лобанева Т. А. Русские сундучные изделия с кованой железной отделкой XVII-XVIII вв. // Памятники культуры. Новые открытия. 1989. — М., 1990. — С. 350-365; Гончарова Н. Н. Русские расписные сундуки XVII-XVIII веков в собрании Исторического музея. — М., 2018. Пудов Г. А. Уральские сундуки XVIII-XX веков: история, мастера, произведения. — СПб., 2016.

² Помыслы о вачских промыслах // Автор-составитель и редактор Ф. Лепеев. — Нижний Новгород, 2014. — С. 104-110; Пудов Г. А. Сундучный промысел Муромского уезда Владимирской губернии (II половина XIX — I половина XX века). — СПб., 2017; он же. Муромский сундук в дореволюционный период // Наше Ополье. Краеведческий сборник. — М., 2017. — № 4 (21). — С. 38-46; он же. Из истории сундучного промысла Муромского уезда Владимирской губернии (послереволюционный период) // Уваровские чтения — X. — Муром, 2018. — С. 345-349.

³ Пудов Г. А. Материалы о сундучном заведении А. И. Желтикова (Владимирская губерния, Муромский уезд, 2-я половина XIX в. — 1-я половина XX в.) // Наше Ополье. — М., 2019. — № 1 (25). — С. 39-47.

⁴ В статье А. С. П. об артели в Муромском уезде (см.: А. С. П. Артель кустарей-сундучников в Муромском уезде // Владимирская газета. — 1902. — № 20. — С. 3) речь идет об артели, а не о частной мастерской. Кроме того, хотя в работе собраны ценные сведения, она относится к области журналистики, а не науки.

⁵ В деревне Соловьево было несколько хозяев сундучных заведений с фамилией «Тебекин», живших приблизительно в одно время: Алексей Михайлович, Иван Михайлович, Михаил Михайлович, Василий Алексеевич. Все они торговали на Нижегородской ярмарке, а последнему из них, кроме торговли на ярмарке, поступали заказы с юга России (МИХМ. — Ф. 30-07-10; Ф. 30-07-14).

- ⁶ По сведениям на 1903 год, сундучное заведение С. С. Гордеева было довольно крупным: годовое производство на 10 200 р., число рабочих — 25 (см.: Список фабрик и заводов европейской России. — СПб., 1903. — С. 184).
- ⁷ Список фабрик и заводов Российской империи. — СПб., 1912. — С. 144.
- ⁸ Справочник Нижегородской ярмарки на 1914 год. — Нижний Новгород, 1914. — С. 208; Справочник Нижегородской ярмарки на 1915 год. — Нижний Новгород, 1915. — С. 208.
- ⁹ ГАВО. — Ф. 511. — Оп. 1. — Д. 441. — Л. 40, 152, 155.
- ¹⁰ Благодарю за сотрудничество Л. И. Глущенко — сотрудницу МИХМ.
- ¹¹ МИХМ. — Ф. 30-07-6.
- ¹² МИХМ. — Ф. 30-07-02.
- ¹³ На ст. Тацинская просит также выслать сундуки некто Р. И. Кравцов, сделавший Тебекиной небольшой заказ (МИХМ. — Ф. 30-07-11). Кравцов занимался торговлей разными товарами (стулья, лаки, краски, шапки, фуражки и проч.). Вероятно, он перепродавал и сундуки.
- ¹⁴ МИХМ. — Ф. 30-07-13.
- ¹⁵ МИХМ. — Ф. 30-07-8.
- ¹⁶ Во всех цитируемых фрагментах писем сохранены авторские орфография и пунктуация.
- ¹⁷ МИХМ. — Ф. 30-07-9.
- ¹⁸ Автору настоящей статьи известно два Трофимовых из деревни Соловьево: Владимир Николаевич (после революции 100 сундуков и различные материалы его заведения были конфискованы в пользу артелей, позднее за них было заплачено: ГАВО. — Ф. 511. — Оп. 1. — Д. 441. — Л. 40, 41, 42, 48-49) и Н. Я. Трофимов (на Нижегородской ярмарке упомянут в 1914-1915 годах, лавка располагалась на Александро-Невской улице, № 148).
- ¹⁹ В подавляющем большинстве музеев России, с коллекциями которых удалось ознакомиться автору настоящей статьи, есть муромские сундуки. Их большая распространенность привела к тому, что они часто изображаются в произведениях живописи и графики, встречаются в художественных фильмах и т. д.
- ²⁰ МИХМ. — Ф. 30-07-05.
- ²¹ МИХМ. — Ф. 30-07-6. Именно оно было вложено в конверт письма от Н. А. Степанова.
- ²² МИХМ. — Ф. 30-07-04.
- ²³ МИХМ. — Ф. 30-07-12.
- ²⁴ МИХМ. — Ф. 30-07-7.

РЕКОМЕНДАЦИИ ШКОЛЬНИКАМ И СТУДЕНТАМ СРЕДНИХ СПЕЦИАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ПО ОРГАНИЗАЦИИ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ КРАЕВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

*Развитие и образование
ни одному человеку не могут быть даны или сообщены.
Всякий, кто желает к ним приблизиться,
должен достигнуть этого собственной деятельностью,
собственным напряжением.
А. Дистервег*

Природа наделила человека великим даром — способностью познавать окружающий мир. И, если тысячелетиями знания собирались человеком буквально по крупицам, то в последние десятилетия они поступают лавинообразно. Соответственно, меняются условия жизни и благополучного существования, резко возрастает необходимость в исследовательской деятельности. Багаж знаний и умений, полученный человеком в ранний период своей жизни, оказывается уже недостаточным, хотя бы потому, что очень быстро возникает множество новых направлений в науке и производстве, появляются и исчезают новые специальности и профессии. К людям, в них занятым, предъявляются и новые требования, и это, в первую очередь, не только умение пользоваться полученной информацией, но и умение овладевать новой. Многие из необходимых в современности деловых качеств, как показали социологические исследования Центра профессионального образования, должны быть заложены в системе начального и среднего

профессионального обучения. Это умение работать в коллективе, ориентироваться на рынке труда; готовность связывать свою карьеру с продолжением образования, менять профиль деятельности и т. п.; навыки самостоятельной работы с информацией, умение принимать решение¹. То есть во главу угла ставятся не узкоспециализированные знания, а сформированность основных типов ключевых компетенций: информационной (способы приема, хранения, оформления и передачи информации); проективной (способы определения целей, ресурсов их достижения, действий, сроков); оценочной (способы сравнения результатов с целями, классификации, абстрагирования, прогнозирования, систематизации, конкретизации); коммуникативной (способы передачи информации и привлечение ресурсов других людей для достижения своих целей)².

В стремительно меняющемся мире исследовательское поведение рассматривается уже не как узкоспециальная деятельность для небольшой профессиональной группы научных работников. Исследовательские потребности стали неотъемлемой характеристикой деловой личности, характеризующей ее профессионализм и компетентность в любой сфере деятельности. И даже шире — они стали стилем жизни современного человека. Это в полной мере касается школьников и студентов, которые в исследовательской деятельности имеют возможность оценить необходимость компетентности и познакомиться с азами профессиональной работы. В некоторых видах занятий их индивидуальность, интеллектуальный и творческий потенциал раскрываются с максимальной полнотой.

Данные рекомендации подготовлены на материале многолетних контактов, консультаций, совместной работы научных сотрудников муромского музея со школами округа Муром, анализа исследовательских работ учащихся.

Современные словари определяют значение слова «исследование» как «процесс выработки новых знаний, один из видов познавательной деятельности»³, который характеризуется объективностью, воспроизводимостью, доказательностью, точностью; имеет два уровня — эмпирический, т. е. полученный через наблюдения, эксперимент и теоретический, принадлежащий к сфере умственной, интеллектуальной деятельности. У процесса научного исследования есть свои этапы и закономерности, логика изложения материала.

ЭТАПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Выбор темы

Является одним из самых ответственных этапов исследовательской работы.

Тема должна быть интересна автору.

Кроме актуальности и значимости при ее выборе важно учитывать также возможность ее выполнения. Достаточно часто учащимся предлагаются темы, в которых отсутствуют объекты исследования.

Пример 1. Тема «Тряпичные куклы в г. Муроме XIX века». Соответственно, предметом исследования должны стать тряпичные куклы этого времени. Однако в историко-художественном музее таких кукол нет, неизвестны они и в частных коллекциях, не было их и у предполагаемого автора работы. За исключением одного-двух кратких упоминаний в мемуарах сведений о них нет. Совершенно очевидно, что автор темы в отсутствие предмета исследования обречен на неудачу и разочарование.

Пример 2. «План города Мурома в XI веке». Эта тема также невыполнима, хотя бы потому, что планы Мурома известны только начиная с XVIII в. Полномасштабные археологические раскопки, на основе материалов которых можно было бы — при наличии достаточно высокой квалификации исследовате-

ля — попытаться реконструировать городской план, в Муроме не проводились. Более осуществимой и перспективной могла быть тема «Описание города Мурома XVI-XVII веков в записках путешественников».

При выборе темы важно оценить степень ее изученности. Для этого стоит обратиться в библиотеку и познакомиться с общей литературой по теме, опубликованными статьями, книгами, поискать в Интернете, чтобы в общих чертах представить себе проблему предстоящего исследования. Определить, на какие работы следует обратить внимание в первую очередь. Вся выявленная литература должна быть занесена в библиографический список, который окажет большую помощь в оформлении научного аппарата работы, т. е. оформления ссылок и составления списка использованной литературы.

Может оказаться, что выбранная тема уже хорошо освещена в научной литературе и шанс сказать новое слово невелик. Тогда стоит или выбрать другую тему, или же остановиться на малоизученном аспекте выбранной темы. При этом нужно оценить обеспеченность источниками и литературой в доступных исследователю архивах, библиотеках, Интернете.

Надо иметь в виду, что темы бывают узкие (конкретные) и широкие. Если тема сформулирована широко, то у автора есть возможность охватить много материала, однако это потребует и времени, и большого объема источников для изучения.

Узкая тема позволяет ярко представить даже небольшой фактический материал, но есть другая опасность — невозможность сделать глубокие выводы по теме. Тема должна быть такой, чтоб работу по ней можно было сделать относительно быстро (1 год, максимум 2 года). Хотя не следует забывать, что изучение любой даже самой глобальной проблематики начинается с разрешения маленьких вопросов. Таким образом,

работу над широкой темой можно разбить на несколько этапов и проводить в течение нескольких лет.

Желательно, чтобы название темы было оригинальным, интригующим, парадоксальным, чтобы в нем был элемент неожиданности, необычности. Например: «Смертельная красота (обзор коллекции оружия)», «Огород чудес» (о кладе, найденном в огороде) и др. Нежелательно брать или «размытые» темы, как, например «Жизнь и судьба медицинских работников в годы ВОВ» или «Героические будни тружеников тыла в годы войны»: из такого названия трудно понять, о чем пойдет речь. Важно, чтобы содержание работы отвечало сформулированной теме исследования, и, поскольку речь идет о краеведческом исследовании, то тема так или иначе должна быть связана с Муромом или Муромским округом.

В ходе работы формулировка темы может корректироваться и уточняться.

2. Определение целей и задач исследования

На этом этапе нужно понять, для чего вы делаете это исследование. Это и будет целью.

Например: по теме «Судьба особняка по ул. Красноармейской 16», можно поставить цель: изучить историю дома № 16 по Красноармейской улице с XIX века до сегодняшнего дня, а можно и актуализировать ее: привлечь внимание общественности с целью возможной реконструкции дома для сохранения его как исторического памятника. Такая постановка более значима.

После определения цели формулируются задачи. Это последовательные шаги, которые обеспечивают достижение поставленной цели. Они должны быть взаимосвязаны, последовательны и отражать общий путь получения результатов.

3. Выдвижение гипотезы

Начиная исследование, вы предполагаете, что получится в конце работы, т. е. выдвигаете гипотезы. Может быть одна гипотеза, может быть несколько, и в ходе изыскания они либо подтверждаются, либо опровергаются, а, соответственно, могут быть изменены.

Например, научный сотрудник музея О. А. Сухова, занималась историей уже упомянутой «огородной» находки. Изучив различные документы, проведя опрос жителей дома, который стоял у этого огорода, и проч., т. е. собрав буквально по фактику доступную информацию, предположила (иными словами — выдвинула гипотезу), что клад принадлежал одному известному муромскому коллекционеру начала XX века. Однако, когда работа была практически завершена, открылись новые обстоятельства, согласно которым коллекция могла принадлежать другому человеку. Гипотеза осталась недоказанной, но в ходе разысканий появилась вторая. Таким образом, результатом исследования неожиданно явился не окончательный вывод, а две гипотезы, которые предполагают продолжение работы.

4. Методы исследования

Они могут быть самыми разными: изучение литературы и документов по теме, результатов деятельности; наблюдения, измерения, опросы (устные и письменные); анкетирование, тестирование, обследование объекта, сравнение и анализ фактов, документов, фотографий, сопоставление и конкретизация, моделирование и др.

5. Сбор информации

В зависимости от темы и объекта исследования источники информации могут быть разными. Например:

письменные — архивные документы: мемуары, летописи, дневники, письма, справки и т. д.;

опубликованные материалы более ранних исследований:
монографии (книги), статьи;

устные — воспоминания, аудиозаписи, беседы, опросы, интервью и др.;

визуальные — фотографии, открытки, фильмы, афиши, наблюдения и пр.;

разнообразные материалы в интернете;

материалы, собранные во время специальных экспедиций;

данные анкетирования, социологических опросов;

ответы на запросы в различные учреждения;

публикации в средствах массовой информации — газетах, журналах и др.

После сбора информации наступает важный и ответственный момент — аналитико-синтезирующий этап: систематизация полученных количественных и качественных данных, их анализ и синтез. Он называется еще:

6. Обобщение полученных результатов

Это заключительный этап исследования. Здесь анализируется весь накопленный материал, при необходимости проводится статистическая обработка, выделяется главное, делаются обобщения, фиксируются результаты проделанной работы, формулируются выводы. Здесь же могут быть представлены таблицы, графики, количественный и качественный анализ, диаграммы и т. п.

В процессе работы над исследованием важно не отходить от темы, следить за соответствием содержания работы заявленной теме. Например: на одну из краеведческих конференций был представлен доклад «Игры детей города Мурома в 1950-60-е годы XX века». Отличная конкретная тема. Однако план к ней выглядел так:

История игр;

Игры прошлого;
Русские народные игры;
Классификация игр;
Значение игры в жизни советского школьника;
Игры наших бабушек и дедушек.

В итоге из десяти листов текста теме соответствовала одна только последняя страница, которая одновременно являлась и выводами.

В конце заключительного этапа составляется текст работы и обязательно неоднократно перечитывается, чтобы выявить нестыковки и противоречия.

Нужно помнить, что нельзя подгонять факты и источники к своей идее. Если факты не подтверждают гипотезу, то нужно пересмотреть ее, уточнить тему исследования, его цели и задачи.

Оформление исследовательской работы

Не менее важным этапом исследовательской работы является оформление результатов поисковой деятельности. Изложение содержания и результатов должно подчиняться определенным правилам, знание которых для учащихся необходимо. Школьник, оформляющий результаты своего исследования, должен 1) сформулировать цели исследования; 2) выделить гипотезу; 3) поставить задачи поиска; 4) сделать обзор исследовательской литературы; 5) сопоставить и проанализировать данные, полученные из различных источников, представить собственные; 6) сформулировать выводы⁴; логически построить текст, знать разные приемы использования цитат и правильно оформить научный аппарат работы⁵, т. е. ссылки на использованный материал и список использованной литературы.

По структуре исследовательская работа включает в себя введение, основную часть (две или три главы, которые при

необходимости делятся на разделы/параграфы), выводы, заключение, список источников и использованной литературы, а также приложения.

Во введении необходимо кратко описать выбранную тему и обосновать актуальность ее исследования, сформулировать проблематику. Затем указываются и обосновываются цели и задачи исследования, его объект (т. е. то, что изучается), предмет (а это уже свойства объекта, которые подвергаются изучению) и используемые методы. Здесь также следует описать, как тема изучалась другими исследователями (провести краткий обзор литературы по проблеме исследования), какие мнения и публикации на ее счет существуют в науке. Отметить, что нового по сравнению с ранее изученным вносит автор работы. Можно указать место и сроки проведения исследования, дать характеристику района исследования.

В основной части работы излагается материал по теме, приводится характеристика информационных источников, решаются задачи, сформулированные во введении. Основная часть может быть разделена на главы, которые соответствуют поставленным задачам. Здесь же описывается методика исследования. Приведенные цитаты из публикаций и документов, фактические сведения и проч. оформляются ссылками.

В конце основной части необходимо привести сделанные выводы, которые подтверждают или опровергают выдвинутую гипотезу. Выводы можно разделить на группы: бесспорно доказанные, предварительные, требующие дальнейшей проверки, и выводы, связанные с прояснением перспектив дальнейшей работы над темой исследования.

Выводы могут давать конкретные ответы на вопрос о том, как решена каждая из поставленных задач. Если же поставленную задачу решить не удалось, или она решена не до кон-

ца, то об этом следует написать в заключении. Такая ситуация не говорит о том, что работа была проведена плохо.

В заключении нужно описать, как выполнены задачи и достигнута ли цель, поставленная во введении, какие результаты получены в ходе исследования и каково их значение. Могут быть отмечены лица, помогавшие в выполнении работы, намечены дальнейшие перспективы работы.

Обязателен список источников и использованной литературы, оформленный в соответствии с правилами составления библиографического описания.

Фактические и числовые данные, имеющие большой объем, а также рисунки, диаграммы, схемы, карты, фотографии и т. д. могут быть внесены в конец работы — в приложения. Все приложения должны быть пронумерованы и озаглавлены, а в тексте работы должны быть сделаны ссылки на них.

Предлагаемый ниже ряд приложений поможет правильно оформить исследовательскую работу. Часть из них составлена в соответствии с «Положением о проведении муниципального конкурса исследовательских краеведческих работ учащихся „Отечество” в округе Муром» и разработана Управлением образования округа Муром (Прил. № 1, 2)⁶.

Приложение 1

Требования к оформлению исследовательской работы

Краеведческие исследовательские работы объемом до 10 страниц компьютерного набора (формат А4, Word for Windows, шрифт Times New Roman, кегль 14, полуторный интервал, все поля — 2 см).

Объем приложений — не более 10 страниц. Исследовательская краеведческая работа должна содержать:

- А) титульный лист с указанием (сверху вниз):
 - названия организации и объединения;
 - темы работы; фамилии и имени (полностью) автора, класс;

Л. И. Глуценко. Рекомендации по организации исследований

– фамилии, имена и отчества (полностью) руководителя и консультанта (если имеются);

– год выполнения работы;

Б) оглавление, перечисляющее разделы работы:

Введение

Основная часть (она может состоять из нескольких разделов или параграфов)

Заключение

Список источников и использованной литературы

Заголовки разделов пишутся симметрично тексту, заголовки подразделов – с красной строки.

Картографический материал должен иметь условные обозначения, масштаб.

Титульный лист в объем не входит, но оценивается (образец см.: ниже).

Время демонстрации видео, DVD, CD фильмов не должно превышать регламент доклада и входит в общий хронометраж. Наглядные материалы должны иллюстрировать содержание доклада, а не представлять собой выдержки из текста сообщения.

Приложение 2

Образец титульного листа окружного конкурса «Отечество»

Управление образования администрации округа Муром

Название образовательного учреждения

Муниципальный конкурс

исследовательских краеведческих работ учащихся «Отечество»

Номинация «.....»

Тема работы

Подготовил:

фамилия, имя, отчество

учащийся

класса

основное место учебы

адрес образовательной организации с индексом

домашний адрес с индексом

контактный телефон

e-mail

Руководитель:

фамилия, имя, отчество

должность
место работы
адрес места работы с индексом
контактный телефон:
e-mail

г. Муром, 2019 год

Приложение 3

Примерное оглавление исследовательской работы

Содержание	
Введение.....	2
1.История купеческого рода Голубевых.....	3-4
1.1.Происхождение купеческой фамилии.....	5-6
1.2.Домовладение купцов Голубевых.....	7
1.3.Торгово-хозяйственная и общественная деятельность детей Д. Л. Голубева.....	8
Выводы.....	9
Заключение.....	10
Источники и литература.....	11
Приложение	

Приложение 4

Методика сбора материала

(На основе инструкции и вопросника по сбору материалов для исследования финно-угорского субстрата средней России А. Альквист. Инструкция весьма полно отражает этнографическую, фольклорную, лингвистическую специфику региона и является хорошей опорой при сборе информации)⁷.

1) Что нужно иметь в виду при поиске информантов?

В зависимости от сбора необходимых сведений и материалов предпочтение отдается местному населению, постоянно проживающему в данной местности. Желательно побеседовать с 3-5 информантами, задавая одни и те же вопросы. Если у информанта очень много ценных сведений, можно встретиться несколько раз, чтоб не утомлять его одной долгой беседой. Хорошую и подробную информацию можно услышать не только от пожилых людей, но иногда и от людей среднего поколения. Немаловажно умение заинтересовать самого информанта в предстоящей беседе. Информацию иногда можно получать, беседуя сразу с несколькими людьми. В этом

Л. И. Глуценко. Рекомендации по организации исследований

случае будет лучше одному беседовать, а другому записывать сообщаемые информантами сведения по очереди. От информантов стоит узнать и о других знатоках своей местности, края. В этом случае вы будете знать, к кому еще можно обратиться с вопросами. По возможности следует заранее предупредить информантов о желании с ними побеседовать, создавая наиболее комфортную обстановку.

2) Как приступить к беседе и записывать ее?

Найдя нужного информанта, следует в общих словах объяснить ему цель собирательской работы и ознакомить с задачами беседы. Это стоит делать как можно более просто, например, ссылаясь на то, что старинные названия местностей, легенды, устные предания забываются, их нужно неотложно собирать, чтоб они остались известными и для будущих поколений. Желательно записывать беседу на электронные носители (диктофон, телефон и т. д.). Кроме этого, собиратель при беседе делает себе в дневник пометки, записывает уточняющие вопросы — ответы.

Запись начинается с фамилии собирателя, даты и места записи, после чего у информанта выясняются его данные: фамилия (у женщин также девичья), имя, отчество, год и место рождения, место жительства, (если необходимо: год начала работы, профессия, должность, наименование и характеристика места работы). Если вы не расслышали или информант не произнес четко какое-либо название, попросите его повторить и запишите точно так, как говорит информант.

3) Как вести беседу и задавать вопросы?

Для того, чтобы беседа получилась интересной и содержательной, следует заранее продумать вопросы, которые вы будете задавать информанту. Если информанты в беседе переходят на отвлеченные темы, их следует очень вежливо направить на то, что интересует вас. Если информант малоактивен, можно задавать наводящие вопросы, поддерживая добродушную беседу. Вопросы должны задаваться в понятной для информанта форме. С каждым информантом беседуют по одним и тем же вопросам. Однако, если информант рассказывает хорошо и по своей инициативе, его не стоит перебивать, а отмечать в дневнике дополнительные вопросы. Ни в коем случае не прерывайте речь информанта, дайте ему высказаться, и только после этого задавайте новый вопрос. На данном этапе часть учащихся может работать парами или индивидуально, самостоятельно решая, какую форму организации работы выбрать.

В процессе сбора материала могут появиться совершенно новые вопросы, которыми можно дополнить имеющийся вопросник. Активный

и наблюдательный собиратель может прийти к большим открытиям!

4) Составление тематического вопросника.

Составление вопросника полностью зависит от темы исследования. Например, если цель исследования — описание дома, памятника культурного наследия, то информантам-жителям этого дома можно задать следующие вопросы:

С какого времени вы живете здесь?

Как вы здесь оказались? (родились здесь, переехали с родителями, в каком году, и пр.)

Кто был вашими соседями?

Сколько семей жило в этом доме?

Что вы знаете об истории этого дома?

Что вы знаете о прежних хозяевах этого дома?

Кто здесь проживал раньше?

Перестраивался ли дом? Сколько раз? В каком году? Что при этом изменилось во внешнем виде дома?

Была ли внутренняя переделка? Что изменилось?

Есть ли у вас фотографии этого дома?

Была ли у этого дома усадьба, огород, сад? Его площадь?

Слыхали ли вы какие-либо легенды о вашем доме?

5) Ведение полевого дневника.

Вся собранная на телефон или диктофон информация фиксируется в полевых дневниках — рабочих тетрадях. Лучше это делать сразу после беседы, когда вся услышанная информация еще свежа в памяти. Все, что вызывает сомнения у собирателя, должно быть отмечено в дневнике, а при необходимости проверено у других информантов. В каждой тетради полевого дневника должны быть записаны фамилия, имя, отчество собирателя, его адрес. Перед сведениями, полученными от каждого информанта, должны быть указаны его полные данные, а также населенный пункт или адрес, где проходил сбор и дата.

Приложение 5

Работа с письменными источниками

Работа с письменными источниками может строиться по следующему плану:

1. Поиск необходимой литературы;
2. Знакомство с видами библиотечных каталогов;
3. Работа с текстом;

4. Характеристики отбора информации;

5. Фиксация отобранного материала.

Разберем подробнее, что включает в себя каждый пункт.

Поиск необходимой литературы

Для того, чтоб найти интересующий вас материал, следует:

- а) работать с библиотечными каталогами;
- б) просмотреть библиографические справочники;
- в) можно поискать литературу в научных статьях и сборниках;
- г) работать с реферативными журналами;
- д) использовать интернет.

Виды библиотечных каталогов

а) алфавитный (описания книг или других произведений печати) располагаются в алфавите фамилий авторов, наименований учреждений и организаций, принятых в качестве авторов, и заглавий произведений;

б) систематический (представляет собой перечень книг или других произведений печати), библиографические описания которых группируются в зависимости от содержания книг по отраслям знания;

в) краеведческий (библиотечный каталог, отражающий документы краеведческого характера. В общедоступных библиотеках — это центральный систематический каталог, назначением которого является хранение и поиск краеведческой информации о районе, городе, области);

г) предметный (так же как систематический, основывается на содержании книг, но их библиографические описания располагаются не по отраслям знания, а по алфавиту наименований предметов, о которых рассказывается в книгах);

д) сводный (составляется несколькими библиотеками);

е) электронный (библиотечный каталог в цифровой форме).

Работа с текстом

Особый вид умений — умение работать с текстом или с книгой. Существует несколько простых, доступных и эффективных способов знакомства с текстом.

Первый этап — беглый обзор текста, его общий просмотр. При знакомстве с книгой надо сначала составить о ней общее представление. Это можно сделать по-разному:

- пролистать книгу, рассмотреть все иллюстрации (до чтения текста);
- познакомиться с оглавлением;
- прочесть введение, где обычно автор дает краткий анонс содержания основных разделов и глав книги;

– ознакомиться с указателями и справочными разделами научных изданий;

– прочитывать отдельные куски текста, которые привлекли внимание.

Второй этап – «задать себе вопросы по поводу текста». Получив общее представление о содержании текста, полезно поставить вопросы по поводу излагаемых в нем проблем:

Насколько мне это интересно?

Что мне известно об этой проблеме?

Какие идеи вынесены в заголовки?

Что нового я смогу узнать?

Такой беглый просмотр дает возможность определить, насколько та или иная работа может быть полезна в вашем исследовании.

После этого можно приступить к третьему этапу – чтению, глубокому знакомству с текстом.

Четвертый этап – выделение главного и второстепенного.

Формы фиксации отобранного материала

Найденный в письменных источниках материал можно фиксировать разными способами:

- а) конспектировать;
- б) составлять резюме;
- в) переписывать текст полностью;
- г) осуществлять выборку цитат;
- д) фотографировать текст;
- е) ксерокопировать;
- ж) сканировать.

Фиксированный материал должен иметь полный адрес. В каждой выписке следует указать автора, название работы, место издания, время издания, страницу. Архивные документы должны иметь указания названия документа, указание архива, фонда, описи, номера дела, страницы или листа.

Приемы использования цитат и оформление научного аппарата работы

Собранный материал может быть включен в текст доклада по-разному: в виде прямой цитаты, когда идет дословная передача текста другого автора. В этом случае весь выбранный фрагмент заключается в кавычки и снабжается ссылкой на используемый источник;

может быть не дословная передача цитируемого текста (текст может быть перефразирован). В этом случае кавычки не ставятся, но фрагмент снабжается ссылкой на используемый источник. Например: «См.: ...» или

«См. об этом: ...».

Могут быть использованы лишь отдельные факты, даты, статистические данные и пр. В этом случае кавычки также не ставятся, но оформляется ссылка на используемый источник.

Приложение 6

Оформление ссылок и сносок в исследовательской работе

При использовании цитирования в работе обязательны ссылки на использование цифр, фактов, упоминания имен, высказывания людей. Принятая норма цитирования составляет **не более 300 знаков** одного автора (около 50-60 слов).

Подстрочные библиографические ссылки оформляют как примечание, вынесенное из текста документа в конец работы или располагают под текстом каждой страницы.

Способ оформления цитаты зависит от источника (книга, журнал, газета, статья в научном сборнике, интернет, документ и т. д.), откуда она была взята.

Из авторской книги:

Климова Н. Т. Народная вышивка Горьковской области. – Горький, 1983. – С. 19.

Из статей в сборниках:

Тюрина Е. К. Вериги в собрании Муромского музея // Сообщения Муромского музея – 2014. – Владимир, 2015. – С. 86-93.

Из периодических изданий (газет, журналов):

Венин Н. Бал-маскарад // Муромский рабочий. – 1941. – № 305 (или месяц и день выпуска). – С. 4.

Сухова О. «Родная старина» из собрания И. С. Куликова // Антиквариат. – 2014. – Май. – С. 108.

Громов Д. В. Мальчишеская повседневность города Меленки: конец 1940-х начало 1950-х годов // Мещера-край: Альманах по истории и культуре Мещерского края. – М., 2013. – Вып. 3. – С. 72-74 (сначала фамилия автора статьи, затем его инициалы, название статьи, название научного журнала, где был издан, в каком году, номер выпуска, номер страницы).

Из архива:

Список с разборной Муромской десяти 1649 г. // РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 9. – Ст. 1108. (Название дела, название архива сокращенно, номер фонда, номер описи, номер дела, номер листа).

Уваровы – графы, владельцы Карачаровского имения Муромского уезда Владимирской губернии // ГАВО. – Ф. 631. – Оп. 1. – Д. 20.

Документы и фотографии из фондов Муромского музея:

Паспорт Н. Г. Добрынкина № 232 // ГБУК ВО МИХМ. – Инв. № М-16488. – Ф. 24-08-10-01.

Записи бесед с населением

Инф. Бочков И. М. 1930 г. р. // Полевой дневник автора № 1. – 1999. – С. 10.

Ресурсы интернета:

Документы, относящиеся ко времени пребывания Казимира Малевича в Витебске. Григорий (Гиллель) Казовский // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://subscribe.ru/group/pole-chudes/10393738/>.

¹ Бобиенко О. М. Теоретические подходы к проблеме ключевых компетенций // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tisbi.ru/science/veatnik/2003/issue2/>.

² Нефедова Л. А., Ухова Н. М. Развитие ключевых компетенций в проектном обучении // Школьные технологии. – 2006. – № 4. – С. 61.

³ Большой энциклопедический словарь. – М., 2001. – С. 465.

⁴ Зачесова Е. Представление результатов исследований школьников // Школьные технологии. – 2006. – № 4. – С. 115.

⁵ См.: Научные издания // Редакторская подготовка изданий. – М., 2004. – С. 28-66.

⁶ См. также: Морозова Е. А. От составителя // Незабываемые страницы истории (сборник работ победителей и призеров конкурса исследовательских краеведческих работ обучающихся, участников всероссийского туристско-краеведческого движения «Отечество». – Владимир, 2018. – С. 4-6.

⁷ Альквист А. Инструкция и вопросник для исследования финно-угорского субстрата средней России. – Хельсинки, 1996.

ВООРУЖЕНИЕ МУРОМСКОГО СЛУЖИЛОГО ГОРОДА 1649 ГОДА

Нельзя сказать, что очень часто, но несколько раз служилый город Муром становился предметом рассмотрения исследователей. Его рассматривал В. Н. Козляков в контексте Московского государства совокупно с другими служилыми городами¹, его историю попытался проследить В. Е. Ершов², отдельные данные использовались Т. А. Лаптевой в монографии о становлении провинциального дворянства³ и в статьях других авторов. Эти работы касались различных аспектов формирования и функционирования государственной военной службы дворян, однако за отсутствием соответствующих источников совершенно не был затронут вопрос о вооружении и снаряжении воинов. Недавно опубликованный А. Г. Кравковым «Список с разборной десяти муромцев 1649 г.»⁴ позволяет в некоторой степени возместить этот пробел.

В ситуации, когда в государстве еще не существовало регулярной армии, а «полки иноземного строя» являлись экзотической редкостью, основной формой военной организации государства было поместное ополчение служилого города. Под служилым городом подразумевается корпоративная организация дворян и детей боярских одного уезда, связанных общностью верстания, землевладения, службы и самоуправления⁵. За службу назначался поместный и денежный оклады, размеры которых зависели от ряда условий: имущественного положения, годности для определенного вида службы, знатности происхождения и проч. Величина окладов определялись правительством и различалась по территориям. Размер мог изме-

няться от 20 до 700 четвертей и от 4 до 14 руб. в год, равно как и состав служилых. Все это достаточно подробно рассмотрено в указанных выше работах и других исследованиях о служилом городе⁶. Служба дворян и детей боярских по грамоте 1556 г. начиналась с достижения ими пятнадцатилетнего возраста.

Военная служба подразделялась на городовую и полковую. Поскольку городова (осадная) служба велась только в пешем строю, в нее записывали мелкопоместных лиц или лиц, по состоянию здоровья неспособных к полковой службе. Полковая служба была дальней (походной) и ближней (украинной, береговой), во время которой приходилось оставлять свое поместье на полгода или больше. В мирное время полковая служба состояла в постоянной охране границ⁷. Каждый год городской воевода получал высланную из Разрядного приказа грамоту, которая определяла, куда и в какой срок явиться на службу. Обычно выход происходил после окончания половодья и весенней распутицы. Для Мурома, входившего в замосковные города, это был период две-три недели после Георгиевого дня (23 апреля). Кончалась служба в конце сентября — начале октября.

О географии и характере службы муромцев можно составить представление хотя бы из того, что к полку воеводы кн. И. Н. Оболенского, в 1613 гг. отправившегося «на воров на Ивашка Заруцкого и на черкес», из Владимира пришел И. В. Измайлов, в войске которого в числе прочих были муромцы, размещавшиеся до того в Кинешме и Юрьевце⁸. 1 сентября 1614 г. по решению земского собора боярин кн. Б. М. Лыков собрал на службу дворян и детей боярских из замосковных городов, в т. ч. и Мурома, для действий против казаков под Костромой, Вологодой, Белозерьем, Каргополом, Пошехоньем, Угличем⁹. С воеводами боярином Ф. И. Шереметевым и стольником кн. В. П. Ахамашуковым-Черкасским в 1615 году

Ю. М. Смирнов. Вооружение муромского служилого города 1649 года

муромцы ходили под осажденный шведами Псков. Осенью того же года двадцать один муромец собрался в Волоке у воеводы М. П. Барятинского для борьбы с бежавшими из войска Д. М. Пожарского казачьими отрядами А. Кумы. После разбойного рейда А. Лисовского по уездам Замосковского края, муромцы, в составе других замосковских, рязанских и украинских «городов» преследовали его неуловимый отряд¹⁰.

В сентябре 1626 г. под государев указ о необходимости «дворян и детей боярских замосковских и украинских дальних городов распустить по домом» из Дедилова отпустили 49 муромцев, несших там службу с 1 июля¹¹. Перед походом под Смоленск в августе 1632 г. муромцы шли в Можайск «с боярином и воеводою, с Михаилом Борисовичем Шейным»¹², а в декабре 1633 года в Муром был послан сборщик Т. Боборькин, чтобы найти сбежавших со службы, а также посланных с поручениями, раненых и больных и доставить их в пункты сбора войск в Можайске, Ржеве Володимеровой и в Калуге¹³. А в 1636 году, служившие в передовом полку в Дедилове с воеводой И. П. Засекиным, среди которых были муромцы, подали челобитную, в которой среди прочего жаловались на отдаленность их поместий от места службы на 400, а иногда и 800 верст¹⁴. В 1639 году в Одоеве 53 муромца служили в полку И. Траханиотова¹⁵.

Русское государство долго не могло оправиться от потрясений Смутного времени, интервенции, результатами которых стали экономическая и социальная разруха, ослабление роли бояр. 1648 год стал «бунташным» годом — годом новых потрясений и политического кризиса. В этих условиях правительство делает ставку на дворянство. Экономическое положение этой социальной группы также оставляло желать лучшего: пустопоместное, а порою и беспоместное дворянство не могло

«подняться» на государеву службу без денежного жалованья из государственной казны¹⁶. После «соляных бунтов» правительство проводит разбор «служилых городов», но не с мобилизационной целью, а для того, чтобы впервые за прошедшие четырнадцать лет выплатить жалованье. Сразу после усмирения мятежа в 1648 г. в Москве производится выплата тем «городам», которые непосредственно участвовали в подавлении бунта. Разбор и верстание муромских служилых людей проходили во Владимире 15 февраля 1649 г.¹⁷, из чего можно сделать вывод, что в московских событиях они участия не принимали. «Разборная десятина» этого верстания — единственный пока известный документ, где указано вооружение и снаряжение муромского служилого города.

На все смотры, и, конечно, на дальнюю службу дворяне и дети боярские должны были являться «конно, людно, оружно и збруйно» соответственно получаемому окладу с тем вооружением и на том коне, какие были записаны в разборной десятине. Специальным обращением 1630 года вновь оговаривалось, чтобы «всякое ратное оружие строили, как вам быти на нашей службе по розбору готовым, а в полках вам будет против розбору конской смотр»¹⁸. По Уложению о службе 1556 г., дворяне и дети боярские должны были являться «в далной поход о дву конь»¹⁹.

Коня для службы каждый выбирал по своему достатку. В десятнях разных регионов за разные годы встречаются следующие категории: добрый конь, конь, конь простой, аргамак, мерин добрый, мерин, мерин литовский, меринок, меринец, клячишка. Кроме того, что эти категории явно различаются по своим качествам в порядке убывания²⁰, исследователи не пришли к единому мнению о том, какие конкретно виды лошадей подразумеваются. Как правило, все рассуждения так или иначе

Ю. М. Смирнов. Вооружение муромского служилого города 1649 года

отталкиваются от сообщения французского наемника на службе у Лжедмитрия капитана Ж. Маржерета. В начале XVII в. тот писал: «Их лошади большей частью приводятся из Ногайской Татарии, каковых лошадей называют конями (Кони); они среднего роста, весьма хороши в работе и скачут семь-восемь часов без отдыха, но если их совсем загнали, нужно четыре-пять месяцев, чтобы восстановить их силы... Затем у них есть грузинские легкие верховые лошади, но они не распространены, это весьма красивые и хорошие лошади, но не сравнимые с конями по выносливости и скорости, разве только в беге на короткое расстояние. Затем у них есть лошади турецкие и польские, которых они называют аргамаками (Argamak), среди них есть хорошие; все их лошади — меринь; кроме того, среди ногайских встречаются, но довольно редко, очень хорошие лошади, совсем белые и в мелких черных пятнах, как тигры или леопарды, так что их можно принять за раскрашенных. Местные лошади называются меринами (Merin), они обычно маленькие и хорошие, прежде всего те, что из Вологды и ее окрестностей, и гораздо скорее объезжаются, чем татарские»²¹.

В. Н. Козляков полагает, что «конь» — это ногайская лошадь, «аргамак» — турецкая или польская, «мерин» — местная²². М. М. Денисова утверждает, что в XVI и XVII столетиях «конем» называлась выхолощенная лошадь ногайской породы²³. А. В. Малов считает меринком в русских источниках холощеного коня²⁴. Т. А. Лаптева, ссылаясь на 24 главу Уложения (ПСЗ. — Т. I. — С. 157), где указываются цены за коня, кобылу ногайскую и жеребенка ногайского, а также мерина, кобылу русскую и жеребенка русского отмечает, что разница между этими названиями была именно той, о которой писал Ж. Маржерет²⁵. Таким образом, вероятнее всего, что, по терминологии десятилет, конь — это ногайская порода, а мерин — русский конь.

В 1649 году «под седлом» муромского служилого города было 217 лошадей. На 103 конях, 22 меринах и 3 меринках выступали дворяне, дети боярские и новики. Еще 39 коней значились «простыми» — запасными, при которых были специальные люди; то есть только такое количество воинов могло выполнить требование выйти «о дву конь». Двумя запасными конями владел лишь Дмитрий Федоров сын Борисов. Выставленные дворянами люди следовали на 26 конях, 8 меринах и 16 меринках, т. е. 92,6 % лошадей из «табуна» муромского воинства были вполне пригодны для дальней службы, из них только 18 % — запасные²⁶.

В мирное время для охранной службы («украинной», «береговой»), которая осуществлялась объездами охраняемых участков дозорами, караулами — небольшими отрядами, главной задачей была не схватка с неприятелем, а его своевременное обнаружение и донесение о нем начальству. Поэтому большое внимание уделялось резвости коней. «Боярский приговор о станичной сторожевой службе» 1571 г. требовал, чтобы «лошади были добры... на которых бы лошадях мочно, видев людей (неприятеля. — Ю. С.), уехати, а на худых лошадях однолично на сторожа не отпускаи»²⁷.

Исходя из цен, встречающихся в духовных грамотах детей боярских, можно предположить, что конь стоил 4-5 руб., мерин — 2-3, а меринок 1,5-2 руб. Еще 4-5 руб. следовало выложить за сбрую и прочее оснащение коня без особых изысков²⁸.

Личный состав насчитывал 201 человека, 128 из них — дворяне, дети боярские, новики; 73 — выставленные ими даточные люди, из коих 21 человек слуг находилось «в кошу», т. е. в обозе, несли нестроевую службу, 11 из них вообще не имели оружия. Следует отметить, что нами не принимаются в расчет служащие по другим городам; немощные; умершие к началу верстания;

Ю. М. Смирнов. Вооружение муромского служилого города 1649 года

бедные, не в состоянии приобрести экипировку; находящиеся в разбое и «нетчики», т. е. скрывающиеся от службы.

Полковая служба являлась главным занятием городского дворянина и источником его благосостояния. Дворяне оставались в строю до семидесятилетнего возраста. Проситься в отставку можно было после пятидесяти лет службы при обязательном освидетельствовании ран и немощи²⁹.

Из огнестрельного вооружения в служилом городе насчитывалось 185 стволов: 137 пистолей, 39 карабинов, 8 пищалей, 1 «долгая пищаль». 32 человека в качестве дистанционного оружия имели саадаки — т. е. лук в футляре и колчан со стрелами. Самым распространенным холодным оружием была сабля — 174 клинка. Кроме этого, было два палаша и две рогатины.

Сабля имелась у каждого из дворян, детей боярских и новиков. 62 человека к сабле имели пистоль, 11 — пару пистолей, 6 — пистоль и карабин, 1 — пару пистолей и карабин, 11 — карабин, 2 — пищаля. У некоторых на запасных конях было и запасное оружие: всего 4 пистоля, 3 карабина, палаш.

Почти все люди при запасных конях следовали «верхами». Своих лошадей не было только у трех «коногонов». 15 были на конях, 14 — на меринах, 12 — на меринках. Трое не имели оружия. На остальных приходилось 36 сабель, 15 пистолей, 9 карабинов, 1 пищаля, 9 саадаков.

13 служилых холопов следовали на конях (8) и меринах. В вооружении — 13 сабель, 5 пистолей, 6 карабинов, 2 пищаля, 1 пищаля долгая, 2 саадака. Двое безлошадных были вооружены двумя саблями и саадаками и одной рогатиной. Безлошадными были и находившиеся в кошу. Из оружия у обозников имелись карабин, две пищаля, сабля и рогатина.

Из всего войска только 14 человек (т. е. 7 %) имели защитное вооружение разной комплектности. У пятерых, наиболее

экипированных, кроме шапки-мисюрки были наручи; один из них в качестве доспеха носил, соответственно, юшпан, двое – бахтерцы, двое – панцири. В панцирях были и еще двое, а у одного к панцирю была и мисюрка. Один человек в латах прикрывал голову шишаком, у другого была только кольчуга. У двух воинов кроме мисюрок не было никакой защиты. И, наконец, самый дешевым видом защиты – толстым стеганым халатом – тегиляем – пользовались еще двое.

«Из десяти лет начала 1630-х и 1649 г. видно, – констатировала Т. А. Лаптева, – что большинство провинциальных дворян и детей боярских имело возможность приобретать такое оружие на полученное жалованье. Прежние пищали и саадаки к началу 1640-х гг. сменились пистолетами и карабинами... В 1637 г. дворяне и дети боярские получили предписание приобретать к пистолетам также и карабины или пищали, „чтоб с одним пистолетом никакое человек в полку не был“. В 1641 г. в грамоте в города о службе также специально оговаривался характер вооружения дворян: помимо пистолетов необходимо было иметь и карабины или „пищали мерные“, „а с одним бы пистолетом никакое человек однолично не был“. К саадакам также предписывалось иметь по пистолету или по карабину. У „людей“ в полках, если они не владеют лучной стрельбой, должны быть пищали долгие или „карабины добрые“. В обозе люди также должны иметь „пищали долгие“, а если „за скудостью“ их не будет, то рогатины и топоры... а также выезжать на службу в доспехах: латах, бахтерцах, пансырях и шеломах, а также шапках мисюрках»³⁰.

Хотя весьма трудно представить воина в дальнем походе без ножа, но короткоклинковое оружие не обозначено в снаряжении муромского служилого города, в отличие, скажем, от аналогичных корпораций Сибири и Дальнего Востока,

Ю. М. Смирнов. Вооружение муромского служилого города 1649 года

где нож обязательно входил в комплект вооружения³¹. В неуказанное снаряжение входили также пороховница, натруска и запас свинцовых пуль. Обычное количество пороха и свинца, носимое служилым, — 1-2 фунта³².

Одежду можно представить по аналогиям. Например, забайкальские служилые люди одевались по моде, принятой среди представителей их сословия в европейской части России. Этот гардероб состоял из кафтанов, азямов, шуб, рубах, штанов, вязаных чулок, поясов (кушаков), кожаной обуви — сапогов, башмаков. Иностранцы отмечали, что русские воины имели «грубый и скорее варварский вид», «довольно дикий и свирепый», «были одеты в грубые материи», «очень пестро», — за исключением их командиров³³. Командиры должны были являться на государеву службу «цветно». По документам семидесятых годов XVII в. можно представить набор одежды сына боярского среднего достатка: пара кафтанов (обычный и подбитый мехом — зимний); однорядка; пара кушаков (дорогой шелковый и простой «бумажный»); шуба и шапка, крытые сукном; пара колпаков. Кроме этого, сын боярский непременно должен был иметь хотя бы одну ферязь или епанчу, две пары сапог (дорогие сафьяновые на выход, и простые), пару чулок-ногавиц, пару рубашек (дорогую пошовную и простую холщовую), пару портов (суконные и холщовые) и пару полотенец³⁴.

В целом на деньги, затраченные на вооружение и снаряжение муромской корпорации, население всего Муромы можно было прокормить хлебом три-четыре года.

¹ Козляков В. Н. Служилый город Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного уложения). — Ярославль, 2000.

² Ершов В. Е. История «служилого города» Муромы в XVI — начале XVII веков // Уваровские чтения — IX. — Владимир, 2014. — С. 254-259.

³ Лаптева Т. А. Провинциальное дворянство России в XVII веке. — М., 2010.

⁴ Кравков А. Г. К истории муромского служилого города. Список с разборной десятины муромцев 1649 г. // Уваровские чтения – XI. – 2019. – С. 196-208.

⁵ Козляков В. Н. Указ. соч. – С. 5.

⁶ Балыкина М. И. Нижегородский служилый «город» как часть военно-служилой системы государства в XVI – XVII веках // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://historic-journal.ru/nizhegorodskij-sluzhilyj-gorod-v-16-17-veках/>; Балыкина М. И., Толстова Н. Н. Нижегородский служилый «город» по материалам десятины 1622 года // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2011. – № 2 (1); Баранов К. Н. Костромской служилый город в 70-е гг. XVII в. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vnekl.netnado.ru/umot/k-n-baranov-kostromskoj-sluzhilyj-gorod-v-70-e-gg-xvii-v/>; и др.

⁷ Козляков В. Н. Указ. соч. – С. 118; Чернов А. В. Вооруженные силы русского государства в XV-XVII вв. – М., 1954 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://militera.lib.ru/research/chernov_av/03.html.

⁸ Козляков В. Н. Указ. соч. – С. 64.

⁹ Козляков В. Н. Указ. соч. – С. 70.

¹⁰ Козляков В. Н. Указ. соч. – С. 71.

¹¹ Лаптева Т. А. Указ. соч. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://statehistory.ru/books/T-A--Lapteva_Provintzialnoe-dvoryanstvo-Rossii-v-XVII-veke/6.

¹² Лаптева Т. А. Указ. соч. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://statehistory.ru/books/T-A--Lapteva_Provintzialnoe-dvoryanstvo-Rossii-v-XVII-veke/8.

¹³ Лаптева Т. А. Указ. соч. [Электронный ресурс]. – Режим доступа https://statehistory.ru/books/T-A--Lapteva_Provintzialnoe-dvoryanstvo-Rossii-v-XVII-veke/9.

¹⁴ Лаптева Т. А. Указ. соч. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://statehistory.ru/books/T-A--Lapteva_Provintzialnoe-dvoryanstvo-Rossii-v-XVII-veke/9.

¹⁵ Лаптева Т. А. Указ. соч. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://statehistory.ru/books/T-A--Lapteva_Provintzialnoe-dvoryanstvo-Rossii-v-XVII-veke/10.

¹⁶ Воробьев В. М. Из истории помещного войска в условиях послесмутного времени (на примере новгородских служилых городов) // Исторический опыт русского народа и современность. – СПб., 1994. – С. 87.

¹⁷ Кравков А. Г. Указ. соч.; Козляков В. Н. Указ. соч. – С. 108.

Ю. М. Смирнов. Вооружение муромского служилого города 1649 года

¹⁸ Козляков В. Н. Указ. соч. — С. 117.

¹⁹ Патриаршая летопись // Полное собрание русских летописей. — СПб., 1904. — Т. XIII. — С. 268-269.

²⁰ См., например: К. Н. Баранов. Оснащение и вооружение костромских служилых людей в 1630 и 1649 гг. // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mognovse.ru/beg-k-n-baranov-osnashenie-i-vooruzhenie-kostromskih-slujilih-l.html>.

²¹ Маржерет Ж. Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета. — М., 1982.

²² Козляков В. Н. Указ. соч. — С. 118.

²³ Денисова М. М. Поместная конница и ее вооружение в XVI-XVII вв. // Военно-исторический сборник. — М., 1948. — Вып. XX. — С. 39-40; Малов А. «Конность, людность и оружность» служилого «города» перед Смоленской войной // Журнал «Цейгхауз» № 18 (2/2002) // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://swordmaster.org/2014/08/10/konnost-lyudnost-i-oruzhnost-sluzhilogo-goroda-pered-smolenskoy-voynoy.html>.

²⁴ Малов А. В. Ратные люди Великих Лук в 1630-1632 гг. // АРИ. — М., 2007. — Вып. 8. — С. 104-106.

²⁵ Лаптева Т. А. Указ. соч. // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://statehistory.ru/books/Т-А--Lapteva_Provintsialnoe-dvoryanstvo-Rossii-v-XVII-veke/10.

²⁶ Для сравнения: в служилом городе Костромы в 1649 году было, соответственно, 99,8 % основных и 12,9 % запасных лошадей. См.: К. Н. Баранов. Оснащение и вооружение костромских служилых людей в 1630 и 1649 гг.

²⁷ Цит. по: Воробьев В. М. «Конность, людность, оружность и сбруйность» служилых городов при первых Романовых // Дом Романовых в истории России. — СПб., 1995. — С. 93-108 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://rusmilhist.blogspot.com/2013/07/blog-post.html>.

²⁸ Сколько стоила средневековая конница? // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://seva-riga.livejournal.com/855904.html>.

²⁹ См.: Козляков В. Н. Указ. соч. — С. 128, 133.

³⁰ Лаптева Т. А. Указ. соч. // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://statehistory.ru/books/Т-А--Lapteva_Provintsialnoe-dvoryanstvo-Rossii-v-XVII-veke/10.

³¹ Багрин Е. А. Нож в комплексе холодного оружия русского служилого человека на территории Сибири и Дальнего Востока в XVII веке // Культура русских в археологических исследованиях. — Омск, 2008. — С. 294-307; Багрин Е. А. Комплекс вооружения русских служилых людей

в Забайкалье и Приамурье в третьей четверти XVII – начале XVIII в. (по материалам письменных источников) // Вестник Бурятского государственного университета 7/2011 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://old.bsu.ru/content/pages2/1072/2011/BagrinEA.pdf>.

³² Вооружение и одежда русских служилых людей в Забайкалье в 80-90-е гг. XVII в. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ostrog.ucoz.ru/publ/b/vooruzhenie_i_odezhda_russkikh_sluzhilykh_ljudej_v_zabajkale_v_80_90_e_gg_xvii_v/41-1-0-428.

³³ Там же.

³⁴ См.: Сколько стоила средневековая конница?

РАННИЕ ИНОСТРАННЫЕ ГРАВЮРЫ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ МУРОМА

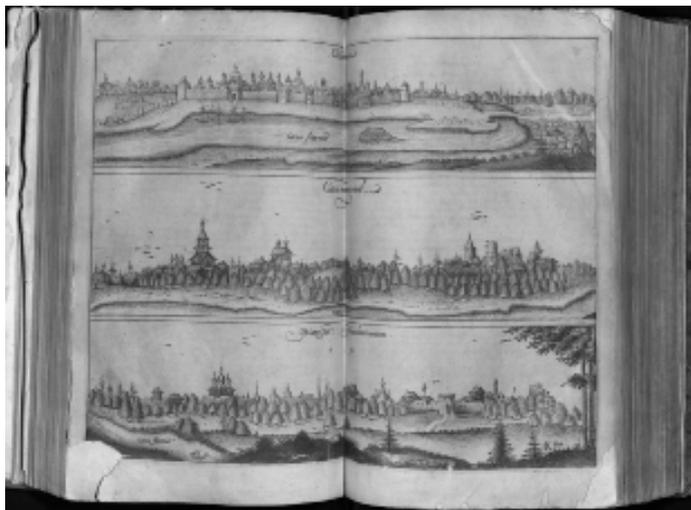
Самое раннее изображение Мурома находим у Адама Олеария (1599-1671) — немецкого путешественника, посетившего русское государство в 1633 г. в качестве секретаря посольства герцога Фридриха III к царю Михаилу Федоровичу и персидскому шаху Сефи I. Настоящая фамилия Адама — Ольшлегель (Oehlschlegel/Ölschläger). Он латинизировал ее в Olearius.

Все путешествие описано день за днем в его книге. В первом издании 1647 г. она называлась «Давно желаемое описание нового путешествия на Восток, что было совершено по случаю голштинского посольства к монарху Персидскому» («*Offt begehrte Beschreibung Der Newen Orientalischen Reise, So durch Gelegenheit einer Holsteinischen Legation an den König in Persien geschehen*»). Известно, что в 1643 г. Олеарий еще раз побывал в Москве. Новые впечатления могли быть также отражены в его записках о Московии.

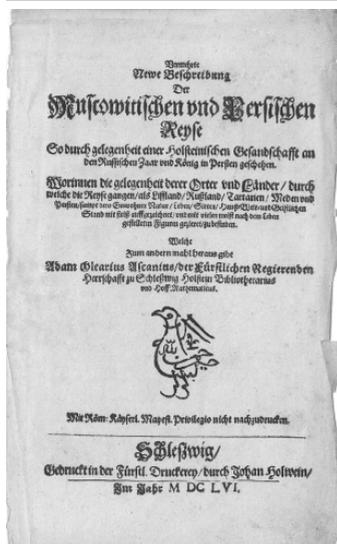
Второе издание с измененным заглавием вышло почти через 10 лет. Оно исправлено и дополнено самим Олеарием, разделено на 6 книг: первая описывает первое посольство в Москву и возвращение его, вторая — вторичное посольство и пребывание в столице России, третья — быт государства и народа Московского, четвертая — путь от Москвы до Персии и жизнь посольства в ней, пятая — быт государства и народа персидского, шестая — обратное путешествие в Голштинию. Книга была роскошно издана, снабжена многими иллюстрациями. Именно это издание хранится в музее. Книга, раскрытая на гравю-

ре с изображением Мурома, более двадцати лет находилась в исторической экспозиции музея.

МИХМ. М-9977. КРП-3439. Книга на немецком языке, готический шрифт. «Vermehrte Neve Beschreibung Der Muscowitischertiiund Persischen Reyse». Олеарий Адам «Дополненное новое описание путешествия в Московию и Персию во второй раз изданное». Шлезвиг, 1656. (14 с.), 768 с., (17 с.). В кожаном переплете с гравюрами на отдельном листе и в тексте, с картами. Бумага, картон, кожа, печать. 31,2x19,5x7 см. На обороте верхней крышки переплета в середине — след от содранного экслибриса; в левом нижнем углу — знак книжного магазина «Н. Киммель. Книжный магазин в Риге». (Киммель Николай Люциан (1816-1905) — пот. поч. гр., книготорговец-букинист в г. Риге).

Ил. 1. А. Олеарий. Дополненное новое описание путешествия в Московию и Персию во второй раз изданное. — Шлезвиг, 1656. На нем языке. Гравюра на с. «Виды городов Коломны, Касимова, Мурома». МИХМ. М-9977. КРП-3439

Ил. 2. А. Олеарий. Дополненное новое описание путешествия в Московию и Персию во второй раз изданное. — Шлезвиг, 1656. На нем. языке. МИХМ. М-9977. КРП-3439. Титульный лист и авантитул

Из всех иностранных изданий XVII в., посвященных России, сочинение Олеария признается самым популярным и богатым по содержанию. В книге множество иллюстраций. Автор сообщает в предисловии: «Что касается до вытравления на меди рисунков этого издания, то я сам нарисовал собственноручно большинство из них с натуры. Потом они были приведены в законченный вид при помощи известного художника Августа Иона, много лет тому назад учившего меня в Лейпциге рисованию»¹.

Полностью укомплектованные издания Олеария чрезвычайно библиографическая редкость. На одном из аукционов, например, издание, в котором гравированный авантитул, 6 портретов, 82 полулистовые гравюры в тексте, 5 карт, 17 видов и планов городов, выставлялось за 1 150 000-1 400 000 руб.

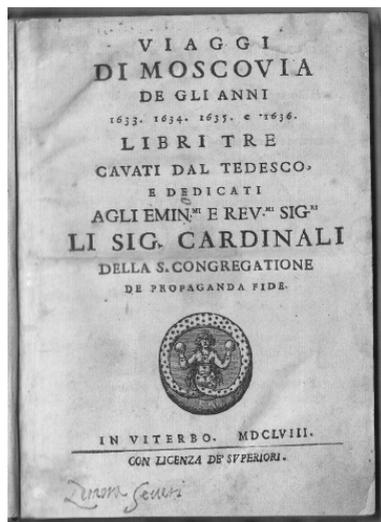
В издании представлены планы и виды Москвы, план Риги, виды Торжка, Твери, Новгорода, Коломны, Касимова, Муром, Нижнего Новгорода, Самары, Саратова, Царицына, Астрахани, Багдада, Исфахана, Дербента. Подчеркнем, что Муром оказался в числе весьма значительных известных городов. Благодаря Олеарию, впервые представившему вид Муром европейцам, этот далекий город Московии и в дальнейшем мог быть притягателен путешественнику.

В 1651-52 г. появились издания на французском, голландском, английском, итальянском языках. Один из томов итальянского тоже есть в музее, и происходит из коллекции Меликовых.

МИХМ. М-1703.

КРП-1557. Книга на итальянском языке. «Viaggi di Moscovia de gli anni 1633. 1634. 1635. 1636... Olcarius, Adam. Vitorbo. 1658».

Автор на титуле не обозначен. «Путешествия по Московии глии анни 1633, 1634, 1635, 1636». Витербо, 1658. Кн. III. (1 с.), 222 с. Орнамент: виньетки, инициалы, концовки. Гравюры и карта на отдельных листах. Переплет картонный, корешок и наугольники кожаные. Бумага, печать, картон, кожа. 22,3x16,5x1,7 см. На обороте титульного листа

Ил. 3. Автор не обозначен. Путешествия по Московии глии анни 1633, 1634, 1635, 1636. Витербо, 1658. Кн. III. Книга на итальянском языке. Титульный лист. МИХМ. М-1703. КРП-1557

Т. Б. Купряшина. Ранние иностранные гравюры с изображением Мурома

стоит гербовый книжный знак. Но гравюра с видом Мурома в данном томе отсутствует, возможно, она находится в первом томе, которого в музее нет.

Фрагменты сочинения Олеария появлялись в разных русских изданиях², а полный перевод появился только в 1869-1870 гг. в «Чтениях Московского Общества Истории и Древностей Российских». Сделан он Н. Барсовым с третьего издания 1663 г. Это издание предлагают антикварные магазины, причем в их весьма подробных писаниях гравюры не упоминаются. Книга была заново переведена А. Ловягиным в начале двадцатого века. Она есть в музейной библиотеке.

Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / Введение, перевод, примечания и указатель А. М. Ловягина. СПб.: Издание А. М. Суворина, 1906. — XXVIII, 582 с., 66 ил. в тексте, 19 ил. на отд. стр. В последние десятилетия перевод Ловягина неоднократно переиздавался³.

Гравюра с изображением Мурома (три города на одном листе) сохранилась в музейном томе. «Муром» и «муромский» упомянут в тексте Олеария шесть раз: три раза как город, два раза — имеется в виду протопоп-раскольник Логин; и один — епископ рязанский и муромский. В книге IV-й, описывающей путь от Москвы до Персии, есть глава «Об отъезде из Москвы и поездке до Нижнего Новгорода. Как мы ехали по рекам Москве и Оке и что мы за города, деревни, монастыри и дачи встречали по дороге». Мурома, разумеется, было не миновать: «Затем приехали мы к городу Мурому, населенному русскими и татарами. Здесь начало поселений мордовских татар, которые все покорны великому князю. Так как в городе имеется рынок, то мы и послали своих толмачей, чтобы они закупали нам свежей провизии. Не доехав с 1/2 мили до этого города, мы уви-

дели на правом берегу, в сторону крымских татар, несколько татар. Они вскоре спрятались в кустах и оттуда стреляли в нас, так что одна пуля пролетела над кораблем. Так как мы, однако, ответили несколькими мушкетными выстрелами, то они присмирели, пока мы не проехали мимо города; тогда мы на прежнем месте опять слышали несколько выстрелов. Мы были вполне уверены, да и наши русские лодочники так думали, что в будущую ночь они нападут на нас. Поэтому мы стали на якоре около Чухтского⁴ острова, в 51 версте от города, и держали здесь добрую стражу. Однако мы уже ничего более не слышали».

На гравюре Муром изображен весьма условно, в отличие от представленных на том же гравированном листе Коломны с каменным кремлем и Касимова с минаретом XVI в. Местность представлена несколько холмистая и лесистая, видны маковки церквей и шпили колоколен, башня кремля похожа на все каменные зубчатые башни. Когда б не эта перестрелка, путешественники сошли б на берег, задержались на несколько дней. Возможно, вид города был бы изображен более достоверно. Надписи гласят: «Morum. Mordwinorum»; а на ленте реки: «Ossa fluvius».

В 1719 году (через пятьдесят лет после смерти Олеария) в Лейдене на французском языке вышло особенно роскошное издание «Описания путешествия в Московию» Олеария. Оно содержало необычное количество иллюстраций: 60 полулистовых гравюр в тексте и 42 на отдельных листах, включая карты (в том числе Московии, Волги, Татарии), а также виды и планы городов (Москвы, Риги, Торжка, Твери, Нижнего Новгорода, Коломны, Касимова, Мурома, Самары, Астрахани и др.). В том же году книга переиздавалась еще несколько раз с некоторыми отличиями.

В издании 1719 года⁵ были впервые использованы 8 гравюр по рисункам голландского путешественника и ученого Николааса Витсена. В 1727 году⁶ французское издание 1719 года было выпущено третий раз (уже в Амстердаме) «один в один», но на более качественной бумаге, и оно считается лучшим и полным изданием Олеария по подбору иллюстративного материала. Именно из-за гравюр по рисункам Николааса Витсена эти издания считаются самыми ценными. Цена может быть более 3,5 млн. руб. Кроме того, эти же гравюры попали в один из томов серии «Всемирная галерея» («La galerie agreeable du Monde». Т. 44. Leide, 1724). Все гравюры из этих изданий среди коллекционеров ходят в розницу. Собирать подобные редкости начали давно, до сих пор подобный антиквариат пользуется спросом, и предложений не так мало.

В 1998 г. в музей передали из администрации города гравюру с видом Мурома, которая была подарена французской делегацией меру П. А. Каурову.

М-17715. Г-1538. Винсен Н. Гравюра на меди. Вид г. Мурома. Изображен город на высоком берегу реки, окружен крепостной стеной, в центре трехглавый собор. На берегу со стороны города изображено стадо и всадники. На изображении надписи: в центре вверху на развевающейся ленте «MORUMA Vittedela Tartarie Mossovite»; на реке — «Осса Fluv»; в правом нижнем углу указан автор рисунка: «N, Witsen Delineavit»; в левом нижнем углу имя издателя и место «a Leide. Chez Pierre vander Aa». Размер без полей 27х33,5 см. Бумага подлинника приклеена на лист ватмана. Пожелтела, следы сгибов, пятна, потертости. Датировка: гравюра из издания 1719 или 1727 гг.

В интернете на букинистических и антикварных сайтах гравюры из этих роскошных изданий представлены, в т. ч. и Муром.

Ил. 4. Витсен Н. Вид Мурома. Гравюра на меди. М-17715. Г-1538

Николаас Витсен (1641-1717) родился на сорок лет позднее Олеария и путешествовал по России через тридцать лет после него, а ко времени издания этих иллюстраций и его не было среди живых.

Витсен происходил из состоятельного купеческого рода. Образование получил в Лейденском университете. Учебу полагалось завершить путешествием. Ему было всего 23 года. В дальнейшем он станет известен как дипломат, инженер, как управляющий Ост-Индской торговой компании, будет тринадцать раз избран бургомистром города Амстердама. Он отправился в Московию исключительно «для удовлетворения своего любопытства» в свите голландского посла Якоба Бореля. 18 сентября 1664 г. посольство покинуло Голландию, 20 января 1665 г. въехало в Москву, а в августе уже вернулось на родину. Всего полгода путешествий, по тем временам при медленном

передвижении это очень малый срок. Посольство едва ли бы вспоминали, если бы не Витсен. Он писал дневник и делал путевые зарисовки, которые, видимо, не спешил издавать.

Витсену больше не довелось побывать в России, но впечатления от поездки повлияли на его дружественное отношение к Московии. Царь Петр I встречался с ним во время своего пребывания в Голландии, потом переписывался. Позднее по собранным из разных источников материалам Витсен составил карту Тартарии, под которой разумел пространство всей северной Азии. Об этом чертеже говорили, что легче было составить «географическое описание дна моря». Его труд «Северная и Восточная Татария» воспринимался современниками как географическая энциклопедия.

Дневник его, написанный живо, непосредственно, может быть отнесен к наиболее достоверным и содержательным сочинениям иностранцев о России XVII в., но дошел он до читателей очень поздно. А. Н. Кирпичников⁷ сообщает, что Витсен копию своих записок отправил в Париж французскому ученому и издателю М. Тивено, но издание не состоялось. Подлинные рукописи Витсена на староголландском пропали, а именно эти копии были выявлены в Париже в Национальной библиотеке через 200 лет. Но лишь в 1966-1967 гг. в Гааге специалисты по русской истории Теодор Лохер и Пит де Бук подготовили первое научное издание рукописи Витсена на староголландском языке «Путешествие в Московию» (Nicolaas Witsen. *Moscovische Reyse*, 1664-1665. 's-Gravenhage, 1966-1967). Дневник Витсена увидел свет почти через 300 лет после его написания. Полный русский перевод, подготовленный В. Г. Трисман⁸, стал доступен еще позднее — в 1981 г., а издан в 1996 г.

Витсен в краткой автобиографии писал, что во время путешествия в Россию «он сам все нарисовал собственноручно,

в том числе города Москву, Новгород, Псков и многие другие примечательные здания». Гравюры, известные по изданиям книги Олеария, выполнены по его беловым рисункам, которые хранятся в Австрийской национальной библиотеке в Вене. Они типичны для голландской графики второй половины XVII в., доработка рисунков в основном состояла в заполнении пустого переднего плана. Кирпичникову по его запросу прислали все 11 негативов с рисунков Витсена и предоставили право их издания (см. прим. 5). Исследование его пока увидеть не удалось, не ясно, представлен ли среди них вид Мурома. Ознакомившись по весьма подробному дневнику с маршрутом, пришлось убедиться, что в Муроме Витсен (увы!) не мог быть⁹. Карта его путешествия тоже давно составлена историками. Все города, деревни, реки по пути следования посольства до Москвы и обратно упомянуты в дневнике. Никакие города на Оке он не мог посетить и зарисовать с натуры — Нижний Новгород, Касимов, Муром — далековато от Москвы. Посольство, как описано самим Витсеном, тщательно охранялось. Пресекались даже встречи с соотечественниками, общение с другими иностранцами. Единственная тайная поездка Витсена была совершена в Новый Иерусалим для встречи с патриархом Никоном. Муром просто мог заинтересовать как один из важных городов Московии. Не исключено, что повлияло сочинение Олеария, с которым Витсен не мог не познакомиться перед путешествием. Между прочим, делая в России с натуры свои зарисовки городов и крепостей, Витсен серьезно рисковал, поскольку его могли посчитать шпионом.

Только через полтора столетия Муром вновь попал в поле зрения иностранного художника.

Французский художник и путешественник Андре Дюран (1807-1867) одним из первых запечатлел облик российской про-

Т. Б. Купряшина. Ранние иностранные гравюры с изображением Муром
винции. В конце 30-х годов XIX века он объехал Европейскую
Россию и нарисовал с натуры виды многих российских городов
и их архитектурных памятников, а заодно и деревень по пути
к ним. По легенде, не подтвержденной документами, этот про-
ект финансировал известный меценат Анатолий Николаевич
Демидов. Со времени путешествия Витсена прошло полторы
сотни лет, и рисовальщика не боялись как шпиона. Наоборот,
власти страны были заинтересованы составлением всевоз-
можных описаний страны и изданием иллюстраций с досто-
примечательностями. Итогом был выход в Париже альбома¹⁰
литографий с видами России, среди которых есть вид Мурома.
В музее есть лишь фрагменты фотографий с гравюры (**МИХМ.
М-10644.1; МИХМ. М-10644.2**).

В Госкаталоге музейного фонда нашлась такая гравюра:
Дюран Андре. «Берега Оки. Главный вид на Муром». 1849 г.
Франция, Париж. Бумага, литография. Размер: 36x54,5 см
(лист), прямоугольный. Номер в Госкаталоге: 10272133. Номер
по ГИК (КП): МГОМЗ КП-19319/66. Инвентарный номер:
Гр-1469/66. Государственное бюджетное учреждение куль-
туры города Москвы «Московский государственный объ-
единенный художественный историко-архитектурный
и природно-ландшафтный музей-заповедник». Это музей
в Коломенском. Такая гравюра есть и в Музее архитектуры
им. А. В. Щусева (ГНИМА. РЗ-7081).

Более тщательное описание найдено на одном из антик-
варных сайтов.

Дюран Андре по собственному оригиналу. Раффэ Дени
— стаффаж. Париж: издательство братьев Жио, печатная
мастерская Августа Бри; 1848 г. Тоновая литография. Размер
26,2x43,0; 37,0x52,2.

Тексты: над изображением «Rives de l'Oka.»; под изобра-

Ил. 5. А. Дюран. Берега Оки. Главный вид на Муром. 1849 г. Париж. Бумага, литография. Размер: 36х54,5 см // https://art.biblioclub.ru/picture_123103_reka_oka_obschiy_vid_muroma/

жением «Gihaut freres, editeurs, boulevard des Italiens, 5... Figures par Raffet... Imprime par Auguste Bruy». Цена: 28 000 руб.

И еще: Андре Дюран. Год издания: 1845. Rives de l'Oka: Vue generale de Mourom. 31 Aout 1839. Andre Durand. Figures par Raffet. Paris: Ernest Bourdin, Editeur, Imprime par Auguste Bruy, s. d.

Побережье Оки: Общий Вид Мурома. 31 августа 1839. Художник Андре Дюран. Фигуры резал Раффе. Париж, Огюст Бри, середина XIX века. Тоновая литография в паспорту. Размер оттиска: 27,5х43,8 см. Размер в паспорту: 48х62 см.

Отличная сохранность. Вид имеет историко-культурное и художественное значение. Лист 65-й из серии видов России, выполнен по рисунку художника Андре Дюрана, его подпись находится в правом нижнем углу литографии.

Т. Б. Купряшина. Ранние иностранные гравюры с изображением Мурома

Удалось найти в интернете не только тоновую литографию, но и раскрашенную, но она, видимо, была продана с аукциона, и страничка удалена. Изображенный на гравюре город впервые достоверно и реалистично представляет Муром, а по времени исполнения почти совпадает с картиной учителя уездного училища Рябикова, запечатлевшей переправу императора Николая I через Оку напротив Мурома в 1834 году.

Все рисунки были сделаны художником с натуры, под каждым из них он ставил точную дату: день, месяц и год. Путешествие его началось 1 июня 1839 г. в портовом городе Франции Гавре. Уже возвращаясь из путешествия по России, Дюран отправляется по Оке в Нижний Новгород¹¹. Он плыл сверху вниз по течению Оки, как когда-то Олеарий, по пути 31 августа зарисовав общий вид Мурома со стороны реки.

Вернувшись на родину, он сам переносил рисунки на литографский камень, добавлял тон, подписывался на каждом листе и ставил дату печати: с 1840 по 1848 г. В связи с этим на всех листах имеются дата создания рисунка и дата печати литографии. Серия издавалась выпусками с 1842 по 1848 (или 1849) г. На некоторых гравюрах, в т. ч. на виде Мурома, в подписях добавляется имя художника Огюста Раффе: «Figures par Raffet», помогавшего выполнить фигуры для литографии. Расхождение в датах, несколько видов подписей разными почерками, альбом без даты выпуска — все это вызывало даже споры о фальшивках.

В интернете удалось найти не только гравюры вида Мурома, но и оригинальный рисунок¹² (бумага, тушь, перо, акварель, 26,4x43 см) подписанный самим Дюраном. Интернет-магазин и виртуальный музей графики (www.grafika.ru) предлагает всего за 2000 рублей приобрести право использования цифровых изображений (артикул 08-007730-7, scan. Размер А4, 300dpi)

Ил. 6. А. Дюран. Берега Оки. Главный вид на Муром. 1849 г. Париж. Рисунок. Бумага, тушь, перо, акварель, 26,4х43 см // https://bidspirit-images-global.ssl.fastly.net/litfund/cloned-images/auction_199/lots/import_0/36/1/a_ignore_q_80_w_1000_c_limit_1.jpg

рисунка Дюрана «Муром. Берега Оки». Здесь можно видеть размеры оригинала — лист: 47,5х31,5, изображение: 43х26,5. Где находится оригинал-подлинник, разумеется, указаний нет.

Иллюстративный материал к этому периоду истории Мурома весьма скудный, поэтому гравюру Дюрана музею необходимо найти и представить в экспозиции.

¹ Сайт аукциона // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.litfund.ru/auction/7/5/>.

² Неизданный перевод конца XVII-XVIII в. хранится в рукописях Имп. Публ. Библиотеки. О нем: Пекарский: «Наука и литература при Петре Великом», Т. I. Отрывки из Оллария: «Русский Зритель» 1829 г. ч. 4,

Т. Б. Купряшина. Ранние иностранные гравюры с изображением Муром

№ 15, 16. «Заволжский муравей» 1834 № 4, 9, 12; «Нижегородские губ. Ведомости» 1845 г. № 1, 2, 3 и т. д. Большой отрывок из Олеария, переведенный г. Михайловым, напечатан в «Архиве Истор. и Практ. свед.» Калачева, Т. III, 1859 г. (О нем см. Бестужев-Рюмин I). «День» 1864, № 23 (ст. Медведева). См.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://gufo.me/dict/biography_encyclopedia/%D0%9E%D0%BB%D0%B5%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%B9,_%D0%90%D0%B4%D0%B0%D0%BC.

³ Олеарий А. Описание путешествия в Московию. Издания: М.: «Российские семена», 1996; Смоленск: «Русич», 2003; М.: Изд-во В. Секачева, 2016; М.: «Юрайт», 2019.

⁴ Чухтского. В подл.: Zuchtsko Ostrow. На картах не находят схожего названия. Совершенно очевидно, что это Чудь — теперь село в составе городского округа Навашинский Нижегородской области России. Село расположено на правом берегу реки Оки в 30 км на север от города Навашино, т. е. ниже по Оке от Муром, стоящего на правом берегу. Немного выше по течению русло реки разделяется на две части большим островом.

⁵ Первое издание с рисунками Н. Витсена. Олеарий, А. Весьма любопытное путешествие, совершенное в Московию, Тартарию и Персию... [Voyages tres-curieux etres-renommez, faits en Moscovie, Tartarie et Perse par le Sr. Adam Olearius, Bibliothecaire du Duc de Holstein et Mathematiken de sa Cour... На фр. яз.]. В 2 ч. Лейден [Голландия]: Изд. Питер ван дер Аа, 1719. Ч. 1: [36] с., 560 стб., 33 л. грав. ил., карт, портр.: 42 грав. ил. В тексте (вкл. тит. л.). Ч. 2: [2] с., 561-1108 стб., [22] с., 9 л. грав. ил.: 18 грав. ил. в тексте. 32x20,5 см // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.litfund.ru/auction/191/1/>.

⁶ Олеарий, А. Описание путешествий в Московию, Тартарию и Персию. [Olearius, A. Voyages très curieux & très renommez faits en Moscovie, Tartarie et Perse] [на фр. яз.]. В 2 ч. Ч. 1-2. Амстердам: Chez Michel Charles le Ce'ne, 1727. Ч. 1: [36] с., 560 стлб., 33 л. ил., карт.: ил. Ч. 2: [4] с., 565-1108 стлб., 20 с., 10 л. ил.: ил. 31,5x20 см.

⁷ Кирпичников А. Н. Россия XVII века в рисунках и описаниях голландского путешественника Николааса Витсена. — СПб., 1995.

⁸ Витсен Н. Путешествие в Московию. 1664-1665. Дневник. Перевод со староголландского В. Г. Трисман. — Л., 1981, ИНИОН, деп. 9338. То же / Перевод со староголландского В. Г. Трисман. — СПб., 1996. — 272 с., вкладка. Предисловие Р. И. Максимовой и В. Г. Трисман.

⁹ См.: Дьякова Ю. Путешествие в Московию в гравюрах Николая Витсена // Антиквариат. – 2004. – Октябрь. – С. 72-75. На с. 74 автор упоминает Муром в числе прочих городов, которые посетил Витсен.

¹⁰ Voyage pittoresque et archeologique en Russie, execute en 1839, sous la direction de M. Anatole de Demidoff. Dessins faits d'apres nature et lithographies a deux teintes par Andre Durand). «Живописное и археологическое путешествие по России, совершенное в 1839 г. под руководством Анатолия Демидова французским художником и литографом Андре Дюраном». Год издания: 1840-49 (переиздан в 1853) Автор: Monsieur Andre Durand. Город: Париж. Печатались альбомы в Париже в издательстве братьев Гио (Chez Gihaut freres), литографии – в мастерской Августа Бри (Auguste Bry) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://is-tok.ru/publ/voyage_pittoresque_et_archeologique_en_russie_1839/27-1-0-356.

На титульном листе даты нет. Лист оглавления содержит информацию о том, как литографии распределены по 4-м выпускам: в 1-м и 2-м по 24 вида, а в 3-м и 4-м по 26 видов. В каждом выпуске представлены Санкт-Петербург и Москва, а затем другие русские города и деревни. Виды европейских городов находятся в первом и последнем выпусках. Муром – лист 80.

¹¹ Гончарова Н. В. Образы русских городов XIX в. на литографиях Андре Дюрана в книжном собрании Г. А. Строганова // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2014. – № 2 (14).

¹² Например: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://img01litfund.ru/images/lots/28/28-036-D510-12-C9205461.jpg>.

ИСТОРИЯ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ МУРОМСКИХ МОНАСТЫРЕЙ В МУРОМСКОМ УЕЗДЕ В XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКОВ

Введение

В настоящее время в Муроме действует несколько монастырей, истории которых в общем известны, но мало что известно о землевладениях этих монастырей. Поэтому целью работы является определение истории этих землевладений, т. е. образование и развитие монастырских вотчин на протяжении XVI – первой половины XVII вв. Для достижения цели изучены следующие источники:

- подлинная писцовая книга поместных и вотчинных земель в станах Муромского уезда 1628-1630 гг., составленная Яковом Котловским и подьячим Романом Прокофьевым¹;
- список с переписной книги дворов и в них людей города и посада, поместных и вотчинных сел, деревень и дворов в станах Муромского уезда 1646 г., составленный Яковом Петровичем Вельяминовым и подьячим Федором Андреевым²;
- жалованные, частные и правовые грамоты XVI – первой половины XVII вв.

Возникновение вотчин муромских монастырей, их история в XVI веке

Раньше всех на Муромской земле появились землевладения Борисоглебского монастыря на реке Ушне, который имеет полное право именоваться муромским. В писцовой книге поместных и вотчинных земель в станах Муромского уезда 1628-1630 гг. упоминается сельцо Борисоглебское с пустошами как старинная домовая вотчина этого монастыря³. Точная дата появле-

относится к середине XVI в. В 1552 г. старец Тихон Савинов дал этому монастырю пустошь, что была д. Климово⁶.

Начиная с середины XVI века монастырские вотчины пополняются вкладами светских землевладельцев. Так, в 1548 г. Семен Федоров сын Киселева дал в Борисоглебский монастырь «деревню Благовещенское на заводи... реки Оки на пойме»⁷. В течение 1553 г. эта вотчина пополнилась вкладом Федора Васильева сына Юрьева — д. Саксин с угодьями⁸. В 1567 г. Василий Степанов сын Осорьина «отмерил земли... архимандриту Борисоглебского монастыря Киприану к деревне Саксину 132 четвертей»⁹. В 1568 г. Семен Сидоров сын Копнина отдал Спасо-Преображенскому монастырю пустошь, что была д. Бабышево¹⁰.

Значительное количество вкладов земель светскими лицами в монастыри приходится на 70-е годы XVI в. В этот период вотчина Борисоглебского монастыря пополнилась д. Туртапино (вклад Василия Федорова Борисова)¹¹, д. Поляна (вклад Ивана Терентьева сына Осорьина)¹², д. Помядкино и Свежаково (вклад Алексея Васильева сына Черткова)¹³, селцом Иванцово (вклад Афанасия Давыдова сына Борисова)¹⁴, пустошью Раменское (вклад Федора Константинова сына Своробоярского)¹⁵, половиной деревни Прудец (вклад Юрья Данилова сына Скрыпитиева)¹⁶, д. Глебово (вклады Алексея Тимофеева сына Борисова и Ивана Булгакова сына Есипова)¹⁷, половиной селца Степанково (вклад Алексея Васильева Черткова с сыном Петром)¹⁸, д. Гусли (вклад князя Бориса Ивановича Мезецкого)¹⁹; д. Дубенки, пустошью Веретея, в селе Пополутово полтрети четвертью (вклад Василия Федорова сына Борисова)²⁰, пустошью Татарова и починком Есютиным (вклад Василия Андреева сына Шильникова по приказу и духовной грамоте Федора Константинова сына Своробоярсково)²¹ и третью

д. Польцо (вклад Василия Федорова сына Борисова)²², пустошью Боровое (вклад Агрипины Андреевой жены Плещеева)²³.

В свою очередь, вотчина Спасо-Преображенского монастыря в течение 70-х годов XVI в. пополнилась непашенным сельцом Кудринское (вклад Настасьи Андреевой дочери Денисьева, жены Василия Юрьева сына Санчурского)²⁴, половиной деревни Заднего Макарова (вклад Никиты Иванова сына Макарова)²⁵, пустошью Бекетова (вклад Савина да Федора Савельевых детей Старосельского)²⁶, деревней Старый Чертеж (вклад Леонтия Иванова сына Панова)²⁷, сельцом Орлово (вклад Нечая Федорова сына Ртищева и жены его Анастасии Андреевой дочери Денисьева)²⁸, сельцом Старое Михайлово (вклад Василисы жены Павла Кудрявого, дочери Олфера Свищова)²⁹, деревней Зарослово на Абрамовских вершинах (вклад князя Ивана княж Иванова сына Мезецкова)³⁰, деревнями Абрамова Раменье, Выползово; пустошами, что были деревнями Телицына, Матвеевка, Гузеево, Ананьинское, Санчурова, полянкой Бобышевской (вклад Василия Васильева сына Своробоярского)³¹.

Именно в 70-е годы XVI столетия (1577 г.) с вклада муромского сына боярского Винея Михайлова сына Щукина пустоши Погарцы начинается история вотчины муромского Благовещенского монастыря³².

В конце XVI – в начале XVII в. муромские монастыри получают царские пожалования. В 1584 г. в вотчину Борисоглебской обители царем Федором Ивановичем были жалованы пашенные земли у деревни Петраково³³. В конце 1590 г. царь пожаловал Спасскому монастырю пустоши, что были деревнями Терешкино и Шилова³⁴. Несколько позднее (1598 г.) он же жалует Благовещенскому монастырю на правом берегу реки Оки «пожни Стадигерские в Сетчинских лугах с покосами и озерами у Оки и рыбные ловли»³⁵.

Из вышеизложенного следует:

- в XVI в. монастырские вотчины в Муромском уезде формировались в основном из вкладов светских землевладельцев;
- наибольшее количество этих вкладов приходилось на 70-е годы XVI в.;
- основные царские пожалования земель монастырям производились в конце XVI в.;
- к концу XVI в. вотчины муромских монастырей были в основном сформированы.

Территория и характеристика вотчин муромских монастырей в первой половине XVII века

В начале XVII в. монастырские вотчины пополнились некоторыми землями. В самом начале этого столетия Дмитрий Иванович отдал Борисоглебскому монастырю на оброк озеро Моцкое с озерками и речку Мотру³⁶. В 1617 г. муромец Родион Рюмин сын Репьева дал тому же монастырю 6 четвертей пашенной земли у сельца Пополутова³⁷, а в 1624 г. Невежа Яковлев и Максим Федоров дети Репьева уступили Борисоглебскому монастырю пустошь Вознесенскую³⁸. В 1614 г. царь Михаил Федорович жаловал в Благовещенский монастырь за рекой Окой луга Велетменские³⁹, а в 1623 г. им же Спасо-Преображенскому монастырю были пожалованы рыбные ловли по Оке на городской стороне, половина оз. Верхние Глушицы с истоком, оз. Боровое с истоком, оз. Ореховое Большое с истоком⁴⁰.

В конце 20-х годов XVII в. в вотчине муромского Благовещенского монастыря были пустошь, пожни Стадигерские в Сетчинских лугах с покосами и озерами, луга Велетменские и 30 оброчных озер⁴¹. В то же время Борисоглебский монастырь имел в своей вотчине сельцо, 5 деревень, полдеревни, треть деревни, погост, 13 пустошей,

полпустоши, а также в трех пустошах по трети⁴². Вотчина Спасо-Преображенского монастыря составляла непашенное село, 2 сельца, 6 деревень, 13 пустошей и полянку⁴³.

При этом больше всего, а именно – 219 жилых дворов, стояло в поселениях Спасо-Преображенского монастыря. Для сравнения: в вотчине Борисоглебского монастыря было только 104 жилых двора. Но в поселениях Борисоглебского монастыря было больше пустых дворов, тех, жильцы которых или умерли, или ушли (см. Табл. 1). Большую часть всех дворов в поселениях составляли крестьянские и бобыльские дворы. Самым населенным пунктом являлось непашенное село Кудринское, входящее в состав Спасской вотчины. В нем стояло 79 дворов⁴⁴. В сельце Орлово было 17 крестьянских и 10 бобыльских дворов⁴⁵, в сельце Борисоглебском – 15 крестьянских и 12 бобыльских⁴⁶, в деревне Барановке – 14 крестьянских и 8 бобыльских⁴⁷, в сельце Михалево и деревне Благовещенской по 8 крестьянских и бобыльских дворов⁴⁸. В остальных поселениях стояло менее 5-ти дворов в каждом.

К концу 20-х годов XVII в. Благовещенский монастырь имел вотчинные земли только на территории Дубровского стана Муромского уезда (см. Ил. 1). Вотчины Борисоглебского и Спасо-Преображенского монастырей располагались на территориях Дубровского, Замотренского и Унженского станов этого же уезда. Кроме этого, часть вотчинных земель Борисоглебского монастыря находилась в Куземском стане Муромского уезда. Землевладения Благовещенского монастыря, а также часть земель Борисоглебского, деревня Туртапино с угодьями, находились на правом берегу Оки. Остальные монастырские земли располагались на левобережье. На Ил. 1 видно, что части вотчин Борисоглебского и Спасо-Преображенского монастырей располагались анклавом, т. е. отдалены друг от друга.

Больше всего земель, а именно пашни паханной, перелогу и пашни, поросшей лесом добрые, средние и худые земли 2050 четвертей в поле в дву потому ж, было в вотчине Борисоглебского монастыря⁴⁹. Приблизительно равным количеством земель владели Благовещенский — 1514 четвертей⁵⁰ и Спасо-Преображенский монастырь — 1604 четверти⁵¹. Земли Благовещенского монастыря были только средние и худые, в то время как в составе землевладений Борисоглебского и Спасо-Преображенского монастырей были и добрые земли.

Как вывод можно отметить, что в начале XVII в. количество дач и пожалований земель в монастырские вотчины значительно уменьшилось, чему, очевидно, способствовал принятый еще в 1581 г. соборный приговор о запрете духовенству приобретать вотчины. Но за монастырями сохраняются ранее данные и пожалованные земли. Вотчина Спасо-Преображенского монастыря выделялась среди вотчин других монастырей большим количеством дворов, а на первом месте по количеству пашенных земель стояла Борисоглебская.

Кризис власти, голод и междоусобная борьба негативно сказались на состоянии всех монастырских вотчин. Некоторые вотчинные поселения опустели и стали пустошами. Например, селцо Пополутово, деревни Боровое, Веремея, Иванцово и т. д. В оставшихся поселениях увеличилось количество пустых дворов. Яркий пример тому — деревня Саксин, где в конце 20-х годов XVII в. стояло жилых только 4 крестьянских и 1 бобыльский двор, зато 8 пустых дворов⁵².

Сравнительный анализ монастырских вотчин в первой половине XVII века

Исследование переписной книги «дворов и в них людей города и посада, поместных и вотчинных сел, деревень и дворов в станах Муромского уезда 1646 года», позволило установить

количество поселений, дворов и людей в вотчинах муромских монастырей в середине XVII в. Так, в 1646 г. в Борисоглебской вотчине были 1 слободка, 1 сельцо, 6 деревень, полдеревни и треть деревни⁵³; а в вотчине Спасо-Преображенского монастыря находились 1 слободка, 2 сельца, 6 деревень и полдеревни⁵⁴. В переписных книгах, в отличие от писцовых книг, пустоши, озера, пожни и луга не указывались. По этой причине в данной книге нет сведений о вотчине Благовещенского монастыря, а также нет сведений об общем количестве земель в монастырских вотчинах в середине XVII в., поскольку земли не описывались. Поэтому в основе сравнительного анализа состояния вотчин муромских монастырей в Муромском уезде в конце 20-х годов XVII в. и в середине того же столетия будут сведения о поселениях, дворах и людях в них. Проанализировав состав монастырских вотчин, делаем вывод, что он не изменился с конца 20-х годов XVII века по середину того же столетия.

Табл. 1. Количество дворов в монастырских вотчинах в Муромском уезде в первой половине XVII века

Наименование землевладения	Вотчина Борисоглебского монастыря		Вотчина Спасо-Преображенского монастыря	
Годы описи	1628-30 гг. 1646 г.		1628-30 гг. 1646 г.	
Монастырские дворы	4		44	
Дворы приказчиков	2		5	
Дворы монастырских детенышев	11		33	
Крестьянские дворы	51	148	124	261 (из них 79 непашенных крестьян ремесленников)
Бобыльские дворы	36	38	51	17
Пустые дворы	25		18	

Табл. 1 показывает значительное увеличение крестьянских дворов, в т. ч. ремесленников и рабочих людей, в обеих вотчинах. Уменьшение количества бобыльских дворов в вотчине Спасо-Преображенского монастыря, а также полное отсутствие дворов монастырских детенышей можно объяснить переводом их в разряд крестьянских.

В середине XVII в. крупнейшим поселением по-прежнему являлась Кудринская слобода, в которой стояло 79 дворов ремесленников и рабочих людей⁵⁵. В то же время в сельце Борисоглебском было 51 крестьянских и 12 бобыльских дворов⁵⁶, в сельце Орлове — 45 крестьянских⁵⁷, в деревне Благовещенской — 30⁵⁸, в сельце Михалево — 23⁵⁹, в деревне Выползово — 20⁶⁰, в деревне Абрамово Раменье — 21 крестьянский двор⁶¹. В остальных поселениях стояло менее 10 дворов в каждом. Налицо двукратное увеличение дворов в монастырских вотчинах по сравнению с концом 20-х годов того же века.

В середине XVII в. во всех поселениях Борисоглебской вотчины проживало 153 крестьянина, 51 бобыль⁶², в поселениях Спасской вотчины — 189 крестьян, 80 человек ремесленного люда и 8 бобылей⁶³. Для сравнения: в конце 20-х годов того же столетия в вотчине Борисоглебского монастыря числилось 18 монастырских детенышей, 60 крестьян и 37 бобылей; при этом в Спасской вотчине проживали 34 монастырских детеныша, 53 крестьянина, 89 непашенных крестьян. То есть увеличение количество дворов в вотчинных монастырских поселениях привело к почти что двукратному росту численности их населения с конца 20-х годов XVII в. к середине столетия.

В конце 90-х годов XVII в. вотчина Благовещенского монастыря пополнилась вкладом Алексея Захарьева сына Арапова — «жеребьем в деревне Волосово и в пустоши Пирогове, 10 четвертей в поле в дву потому ж»⁶⁴.

Заключение

Основной формой землевладения муромских монастырей в Муромском уезде в XVI – первой половине XVII в. была вотчина, образованная в основном еще в конце XVI в. из вкладов светских землевладельцев и царских пожалований. До середины XVI в. царские дачи монастырям сопровождались тарханными (иммунными) грамотами, освобождающими эти земли от податей. Во второй половине XVI в., согласно решениям Соборов 1549 и 1551 г., эти привилегии постепенно были отменены.

По своим размерам в первой половине XVII в. вотчины муромских монастырей в Муромском уезде можно было отнести к средним. Они уступали лишь крупным землевладениям в том же уезде Свято-Троицкого монастыря, расположенного в Сергиевом Посаде; патриаршему, боярина Ивана Никитича Романова, боярина Михаила Борисовича Шеина, князя Алексея Ивановича Воротынского и т. д. По качественному состоянию монастырские вотчины превосходили светские землевладения. Например, в среднем в монастырской вотчине крестьянских дворов стояло в 3,5 раза больше, чем в поместных поселениях. Также в вотчине в среднем пашни паханной, перелог и пашни, поросшей лесом, было в 2,2 раза больше, чем в поместье.

Первая половина XVII в., начинавшаяся с экономического упадка монастырских вотчин, закончилась их восстановлением. За два десятилетия укрепились поселения, почти в два раза выросло их население, но по-прежнему оставалось большое количество пустошей и не выявлено не одного починка. Тем не менее, вотчины являлись важным источником не только средств для проживания монастырей, но и их доходов.

¹ Подлинная писцовая книга поместных и вотчинных земель в станах Муромского уезда 1628-30 гг. // РГАДА. – Ф. 1209. Поместный приказ. – Оп. 1. – Кн. 284. – Л. 1-1750.

В. Е. Ершов. История землевладения муромских монастырей

² Список с переписной книги дворов и в них людей города и его посада, и поместных и вотчинных сел, деревень и дворов в станах Муромского уезда 1646 г. // РГАДА. — Ф. 1209. Поместный приказ. — Оп. 1. — К. 11 834. — Л. 1-980.

³ Подлинная писцовая книга поместных и вотчинных земель... — Л. 904.

⁴ Грамоты Коллегии экономии. Муром // РГАДА. — Ф. 281. — № 90/7822. — Л. 5-9.

⁵ Подлинная писцовая книга поместных и вотчинных земель... — Л. 9.

⁶ Там же. — Л. 654.

⁷ Рукописи Синода // РГИА. — Ф. 834. — Оп. 3. — Д. 1917. — Л. 168об., 169об., 170, 172об.

⁸ Шумаков С. А. Обзор «Грамот Коллегии экономии». Материалы по Владимиру, Гороховцу, Мурому, Суздалью, Юрьев-Польскому и Вологде. — М., 2002. — Вып. 5. — Д. 1.7744.

⁹ Грамоты коллегии экономии. Муром. — № 16/7748.

¹⁰ Подлинная писцовая книга поместных и вотчинных земель... — Л. 1674.

¹¹ Шумаков С. А. Указ. соч. — Д. 2.7751.

¹² Там же. — Д. 3.7794.

¹³ Там же. — Д. 4.7754.

¹⁴ Там же. — Д. 5.7755.

¹⁵ Сенат и его департаменты // РГАДА. — Ф. 248. — Кн. 126. — Л. 417об., 418.

¹⁶ Шумаков С. А. Указ. соч. — Д. 6.7761.

¹⁷ Там же. — Д. 223. — М. 7768.

¹⁸ Там же. — Д. 7.7767.

¹⁹ Там же. — Д. 8.7759.

²⁰ Там же. — Д. 10.7769.

²¹ Там же. — Д. 11.7784.

²² Там же. — Д. 12.7786.

²³ Подлинная писцовая книга поместных и вотчинных земель... — Л. 925.

²⁴ Там же. — Л. 1662.

²⁵ Там же. — Л. 654.

²⁶ Там же. — Л. 655.

²⁷ Там же. — Л. 657.

²⁸ Там же. — Л. 1663.

²⁹ Там же. — Л. 1664.

³⁰ Там же. — Л. 1666.

³¹ Там же. — Л. 1667.

³² Рукописи Синода... — Л. 113-114об.

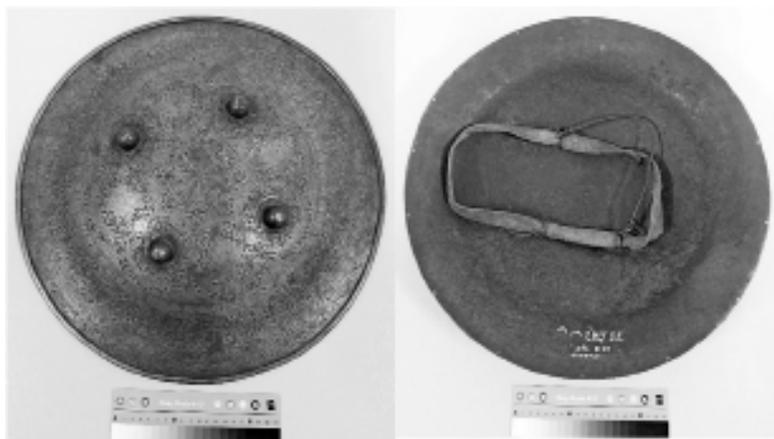
- ³³ Добролюбов В. П. Село Борисоглебское (Муромского уезда) // Владимирские епархиальные ведомости. – 1888. – Ч/н. – № 5.
- ³⁴ Подлинная писцовая книга поместных и вотчинных земель... – Л. 655.
- ³⁵ Рукописи Синода... – Л. 115-118об.
- ³⁶ Указная с прочетом грамота ц. Дмитрия Ивановича (Нижегородской четверти) в Муром губному старосте Семену Чегодаеву о передаче на оброк строителю Борисоглебского монастыря Захарию речку Мотры в Муромском уезде // РГАДА. – Ф. 281. – № 66/7798.
- ³⁷ Шумаков С. А. Указ. соч. – Д. 279.7804.
- ³⁸ Там же. – Д. 280. 7814.
- ³⁹ Подлинная писцовая книга поместных и вотчинных земель... – Л. 662.
- ⁴⁰ Там же. – Л. 1676.
- ⁴¹ Там же. – Л. 662.
- ⁴² Там же. – Л. 661, 935, 1679.
- ⁴³ Там же. – Л. 655, 890, 1675.
- ⁴⁴ Там же. – Л. 1661-1663.
- ⁴⁵ Там же. – Л. 1664.
- ⁴⁶ Там же. – Л. 909.
- ⁴⁷ Там же. – Л. 916.
- ⁴⁸ Там же. – Л. 919,1666.
- ⁴⁹ Там же. – Л. 662, 936, 1680.
- ⁵⁰ Там же. – Л. 663.
- ⁵¹ Там же. – Л. 656, 891, 1676.
- ⁵² Там же. – Л. 924.
- ⁵³ Список с переписной книги дворов и в них людей города и его посада, и поместных и вотчинных сел, деревень и дворов в станах Муромского уезда 1646 г. // РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – К. 11 834. – Л. 1755-1781.
- ⁵⁴ Там же. – Л. 1720-1745.
- ⁵⁵ Там же. – Л. 120.
- ⁵⁶ Там же. – Л. 1757.
- ⁵⁷ Там же. – Л. 1725.
- ⁵⁸ Там же. – Л. 1762.
- ⁵⁹ Там же. – Л. 1726.
- ⁶⁰ Там же. – Л. 1727.
- ⁶¹ Там же. – Л. 1728.
- ⁶² Там же. – Л. – 1780.
- ⁶³ Там же. – Л. 1744.
- ⁶⁴ Шумаков С. А. Указ. соч. – Д. 321. 7892.

КРУЖЕВО АРАБСКИХ НАДПИСЕЙ (ОПИСАНИЕ И ПЕРЕВОД ТЕКСТА НА ЩИТЕ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ МИХМ)

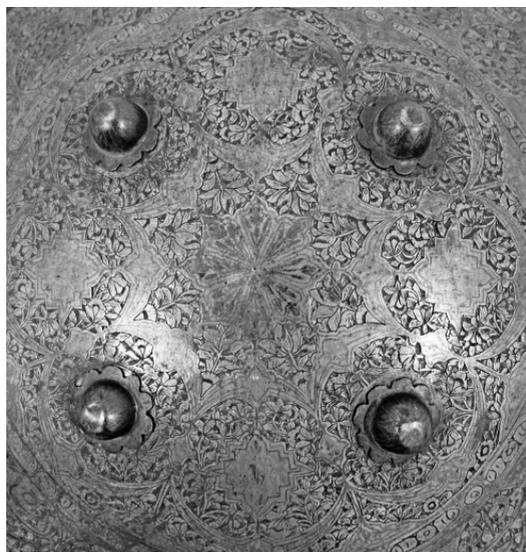
В 1918 году в коллекцию оружия и снаряжения Муромского музея поступил переданный из уездной ЧК г. Мурома щит.

В описи щит отмечен под номером М-46 О-69, дано его внешнее описание и датировка — XIX в. О времени, месте создания, принадлежности, социальной и этнической среде бытования сведений не приведено.

В Книге поступлений он обозначен как щит оборонительный железный, кованый, круглый, восточной работы. Выпуклая поверхность сплошь гравирована растительным узором, украшена насечкой, по кромке — полоска цветного металла; четыре выпуклые дробницы на среднике¹ (Ил. 1).

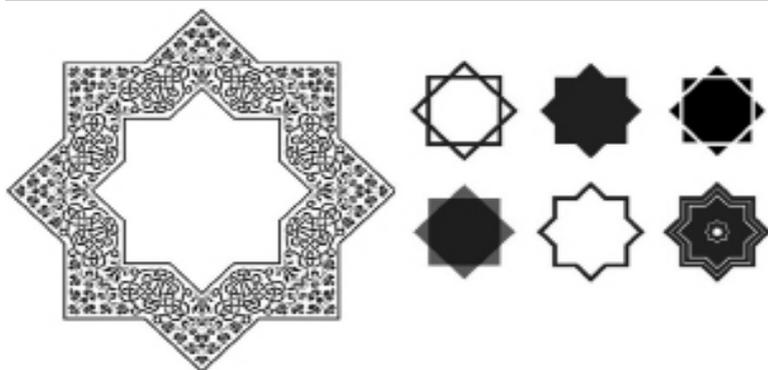

Ил. 1. Щит М-46 О-69. МИХМ

**Ил. 2. Изображение восьмиконечной звезды.
Фрагмент центральной части щита М-46. МИХМ**

Это описание требует некоторых уточнений. Центральная часть украшена многослойными гравированными растительными орнаментами в виде цветов и листьев с чернением и золотой наводкой. В самом центре изображена восьмиконечная звезда (Ил. 2). Ей часто украшали восточное оружие и предметы. Стиль и характер украшений позволяет связать их с мусульманской культурой. Восьмиконечная звезда, называемая рубаль-хизиб², обозначает престол Аллаха, который руководит всем подлунным миром (Ил. 3). Престол стоит на плечах восьми могущественных ангелов, охраняющих восемь ворот рая. Звезды обозначают обещанный рай, куда попадает душа после семи земных воплощений. Число восемь также указывает на восемь основных сторон света и такое же количество групп букв в алфавите. Этот знак часто можно встретить в тексте

Илл. 3. Звезда руб-аль-хизиб (различные типы ее изображения)

Корана и в иной богословской литературе, поскольку им разделяют предложения в священной книге ислама. Основной целью такого разделения служит облегчение чтения Корана вслух.

В центре щита четыре выпуклых умбона³ куполообразной формы, декорированных в виде цветов. От них с оборотной стороны щита идут четыре металлические петли для крепления рукояти из полос кожи для ухвата. Судя по аналогам щитов такого типа, оборотная сторона была обита ярко-красной или бордовой тканью, предпочтительной для востока. Край щита усилен по окружности латунной каемкой (ловцом стрел). Окружность украшают восемь овальных картушей, внутри которых изображены арабские каллиграфические надписи, написанные отрывками фраз.

Они выполнены шрифтом насх⁴ — одним из шести традиционных арабских почерков (аль-аклам, ас-ситта), основным и самым распространенным шрифтом для записи большинства языков, использующих арабский алфавит. Насх приобрел повсеместное распространение в арабском мире в XV веке, вытеснив более громоздкий и сложный сулюс. Бывший некогда

каллиграфическим стилем, в настоящее время насх превратился в обыденный и наиболее простой шрифт, который используют на письме практически во всем арабском мире и преподают в школах⁵.

Расшифровка надписи на щите:⁶

در ا
ОТГОНИ ТОГО

ين فيس
Да погибнет

Рис. № 1

А. С. Мохова. Кружево арабских надписей

Сохрани сына и

ونب و ح

هوشي و زري نم دق

кто вонзил и обезобразил

منير , покрыв его

هداو يند وح

сохрани возлюбленного

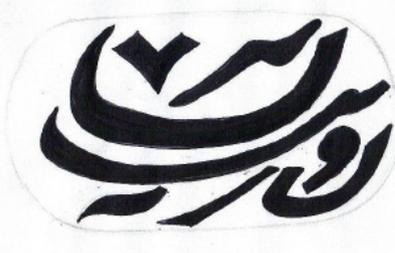

А. С. Мохова. Кружево арабских надписей

حاور покой

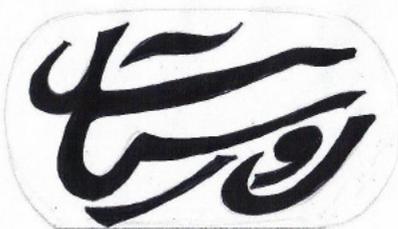
یرارب رون В свете пустынь

حاور покой

تبان رون В цветах растущих

А. С. Мохова. Кружево арабских надписей

حاور покой

او او نمرينو излучающий свет

منيرٍ покрой его

شنو هرينو
Освети его и,
смазав (раны)

هدرا отгони его

داسحو و نأكان нарушитель и завистник

Полный текст со щита с переводом надписи на русский:

Да погибнет нарушитель и завистник.
Отгони того, кто вонзил и обезобразил.
Сохрани сына и сохрани возлюбленного, покрыв его.
В свете пустынь — покой
В цветах растущих — покой
Покой, излучающий свет.
Отгони (врага)
Освети его и, смазав (раны), покрой его.

Данная надпись не относится ни к одной из сур Корана, текстами из которого часто украшалось оружие после исламского завоевания Персии. Предположительно, этот поэтический фрагмент принадлежит персидскому поэту Хафизу Ширази⁷ или это одна из персидских мудростей, не имеющая автора. Надпись являлась оберегом, защитой в бою, несла магический смысл. Надписи-обереги на оружии были распространены у всех народов, которые верили в силу оружия с обережными надписями. Потеря щита считалась несмыслаемым позором, так как в большинстве случаев щит теряли во время бегства с поля боя, и каралась наказанием вплоть до смертной казни. Воин мог потерять меч, копье, сбросить с себя шлем и доспехи, все, что служило для личной защиты, а вот щит прикрывал не только своего хозяина, но и соседа. На щитах уносили с поля боя павших воинов. Щит был семейной реликвией и передавался от отца к сыну. Поэтому значение его было невероятно высоким⁸.

В древний период оружие любого типа, в том числе и защитное, богато декорировали. Особенно в искусстве украшения оружия преуспели восточные мастера. Декорировались не только оправы, но и собственно клинки, элементы доспехов, щиты, на которых мастера при помощи разных видов таушировки, золотой наводки, гравировки искусно создавали элементы декора. Часто изображаемыми сюжетами были фигуры животных (сцены охоты), растительные и геометрические орнаменты. Религия ислама запрещает изображение живых существ, в первую очередь, людей. Однако в Персии, где еще до прихода сюда ислама существовала традиция изображения сцен из жизни правителей в миниатюре, настенной живописи, ковроткачестве, этот запрет никогда не был тотальным. Такой же запрет был и на золото и серебро: и для мужчин, и для женщин запрещалось использование золотой и серебряной посуды:

тарелок, ложек, вилок, ножей и т. д., какими бы маленькими они ни были. Исключение — только в случае использования их при вынужденной ситуации, например из-за отсутствия обычной дозволенной посуды. Смысл запрета заключался в том, чтобы оградить дом от чрезмерной роскоши, расточительства, тщеславия и оскорбления чувств малоимущих. Допускалось изготовление предметов из сплавов металлов с золотом и серебром при условии, что недрагоценный металл составит большую часть, и такие изделия нельзя будет назвать золотыми или серебряными. На оружие такой запрет не распространялся или был более снисходительным по сравнению с другими вещами. Благодаря этому восточное оружие было так богато и обильно украшено. Украшенные и инкрустированные драгоценными металлами предметы вооружения были знаками отличия и наградами, которые выдавались лицам, служащим либо в войске, либо при самом эмире⁹.

В XV-XVIII вв. появились новые мотивы, ставшие отличительной особенностью оружейного декора эпохи правления сефевидских шахов. Искусство периода Сефевидов показывает гораздо более унитарное развитие, чем в любой другой период иранского искусства. Это был огромный шаг вперед для искусства книги, архитектуры, керамики, металла, стекла, садов, и, в первую очередь, массовое изображение коранических надписей и воззваний к Аллаху¹⁰. Этому же смыслу вторит и растительный орнамент, напоминающий о райском саде, образ которого часто появлялся на разном вооружения, и символика цветов. Практически все эти приемы остались актуальными и в наше время. Оружие Востока всегда было и остается эталоном мастерства оружейников и ювелиров, восхищающее своим совершенством.

Таким образом, щит М-46 О-69 из коллекции оружия Муромского музея по типу, характеру и стилю орнаментики и надписей можно отнести к индо-персидским щитам *Separ-Dhal*¹¹. Они предположительно относятся к позднему периоду правления династии Сефевидов (XVIII в.). В результате изучения данного экспоната прояснилось его этническое и типологическое описание, были расшифрованы надписи и знаки на нем.

¹ Книга поступлений № 1 МИХМ.

² Символика религий и культов: большая энциклопедия символов и знаков. – М., 2009. – С. 60.

³ Умбон (лат. *umbo* «выступ, выпуклость») – металлическая бляха-накладка полусферической или конической формы, размещенная посередине щита, защищающая кисть руки воина от пробивающих щит ударов.

⁴ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org>.

⁵ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://musulmak.ru>.

⁶ Выражаю огромную благодарность за помощь в переводе надписей на щите Анастасии Максимовой (Институт археологии РАН).

⁷ Хафиз Ширази – персидский поэт и суфийский шейх, живший в XIII в. Его стихи являются вершиной персидской поэзии. В Иране они до сих пор читаются и декламируются. В школах Бухарского ханства в XVI – начале XX в. стихи Хафиза входили в обязательный учебный курс. См.: Персидская классика поры расцвета. – М., 2005. – С. 84.

⁸ Щиты в истории народов мира // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://studwood.ru>.

⁹ Анисимова М. А. Оружие Востока XV – первой половины XX века: Из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. – СПб., 2013. – С. 21.

¹⁰ Сефевиды – иранская шахская династия, правители Сефевидского государства. Правители с начала XIV в. районом Ардебиль на севере Ирана, а в 1501-1722 и 1729-1736 гг. – всей территорией Ирана.

¹¹ *Separ-Dhal* – *separ* с арабского – разделять, отделять.

ОПИСАНИЕ КОМПЛЕКСА ДОКУМЕНТОВ СЕМЬИ ПАТЫРМИНЫХ ИЗ ФОНДОВ МУРОМСКОГО МУЗЕЯ

Комплекс документов из семьи Патырминых насчитывает 96 единиц хранения, поступил он из библиотеки музея в основной фонд в 1994 г. Документы охватывают период с 1866 по 1911 годы. По содержанию все бумаги можно разделить на несколько групп.

Первая — похвальный лист, аттестаты и свидетельства о деятельности Ивана Ивановича Патырмина (иконописца-живописца), который работал не только в г. Муроме¹, но и в селах Муромского², Меленковского³, Гороховецкого⁴, Горбатовского⁵, Судогодского уездов⁶. Судя по свидетельствам, мещанин Патырмин успешно писал иконы для иконостасов⁷, фрески в церквях. Церковный староста села Ковардиц А. К. Шилов характеризовал его как отличного мастера: «Картины расположены в правильной симметрии, краска на них вот уже в течение пяти лет нисколько не изменила своего колера, так прочны, как сейчас писаны»⁸. С особой похвалой отозвался о работе иконописца его преосвященство Иаков епископ Муромский, викарий Владимирский в 1871 г.⁹ Эти бумаги датируются 60-70-ми годами XIX в., большая часть относится к 1869 г. (5 шт.).

Для выполнения больших работ Иван Иванович привлекал других мастеровых, которых также хвалили: «Нанятые им художники производили работу с тщательнейшим усердием»¹⁰, «работы были выполнены своевременно и честно. Рабочие его были скромны и трезвы»¹¹. Патырмин был мастером «на все руки». Священник и староста муромской церкви Козьмы

Ил. 1. Иван Иванович Патырмин с женой. Фото. Переснято с оригинала 1870-х гг. 3 августа 1914 года

ловым, 3-го разряда от Муромской городской управы¹⁴, написано на бумаге с водяными знаками (двуглавый орел, слово «Свидетельство» и «1884 г.»). Датируется документ 1885 г. Он давал право на промысловую деятельность¹⁵. К этой же группе относятся и два производственных счета¹⁶: 16 и 20 марта 1886 от Патырмина Степану Ивановичу Тюрникову — начисление платы за выполненную работу. Еще один документ — повестка мещанину Патырмину от городского судьи от 4 ноября 1896 г. — в качестве обвиняемого самоуправном удержании паспорта кр.<естьянина> Сапунова.

Вторая группа — документы личного характера детей иконописца: Антонины, Василия и Вениамина. Антонина родилась

и Дамиана пишут, что он добросовестно и в самом лучшем виде выполнял «живописную, молярную, штукатурную и кровельную работы, золочение крестов»¹². Все свидетельства Патырмина о профессиональной деятельности и качестве выполнения работы являются рукописными и имеют «копченые печати» Владимирской епархии и церковных старост. Для такой печати металлическую матрицу коптили на свечке, а потом с большой силой прижимали к бумаге¹³.

Одно свидетельство иконописца является промысловым,

21 июля 1898 г., успешно закончила двухгодичную Троицкую церковно-приходскую школу в Муроме, о чем говорят выданные ей свидетельства и похвальный лист¹⁷. Документы датируются 1909-1911 гг. Похвальный лист обрамлен в художественную рамку. Антонине же принадлежат и личные школьные принадлежности — тетради для классных заданий¹⁸, которые были приобретены в Муроме. На одной из них есть фирменный ярлык магазина «Бумага писчая, почтовая, конторские книги и учебные пособия» М. А. Доброхотова.

Следующие два документа — сына Василия, родившегося 15 декабря 1865 г.: свидетельства о сдаче экзаменов в городском приходском училище¹⁹ и о продолжении обучения в Рисовальной школе императорского общества поощрения художеств в Санкт-Петербурге с подписью директора школы и сургучной печатью красного цвета. Василий обучался весьма успешно и «был удостоен наград по классу черчения и в младшем отделении композиционного класса»²⁰, что отмечено в свидетельстве²¹. Это бумаги 1878 и 1886 годов.

Документ, касающийся второго сына живописца — Вениамина, который родился 30 марта 1873 г., — это датированное 1893 годом свидетельство о его приписке к первому призывному участку. В нем же указано, что Вениамин «имеет свидетельство из Муромского Уездного Училища от 6 июня 1888 года, занимается письмоводством»²².

Третья группа — окладные листы о сборах с недвижимого имущества и скота в пользу городской, земской управ, мещанского общества, или, говоря современным языком, налоговые документы. Это самая многочисленная группа: к ней относятся 72 единицы хранения. Среди них 13 документов — окладные листы Муромской городской управы о сборе в пользу городских доходов с лошадей в гор. Муроме, принадлежащих частным

лицам, в данном случае, одной лошади, принадлежащей мещанину Патырмину. Документы охватывают период с 1885 по 1900 г.

Другая часть документов (40 шт.) — налоговые бумаги на недвижимое имущество от городской управы: деревянный дом на каменном фундаменте и одноэтажный деревянный флигель на Никольской улице в 38 квартале. Все окладные — это рукописные тексты, написанные на типографских бланках, заверенные членами и секретарем управы. В окладных бланках несколько граф, в том числе и оценочная стоимость недвижимости. Одноэтажный деревянный флигель в 1889 г. был оценен в 500 руб.²³, а в последующие годы (1894, 1895-1900) — в 150 руб.²⁴, как, впрочем, и в окладных листах земской управы²⁵. История с оценкой дома тоже не совсем понятна. В бумагах за 1874-1877 гг. недвижимость записана как «деревянный дом в 38 квартале на Никольской улице» с оценкой имущества в 300 руб.²⁶, в 1878-1879 гг. дом подорожал на сто рублей²⁷, в 1880-м оценка дома составила 500 руб.²⁸, а вот в 1881-1882 гг. произошло удешевление на сотню²⁹. С 1883 г. стоимость недвижимого имущества составляла 500 руб.³⁰ С 1884 г. появляются варианты записи имущества: «дом с разными строениями»³¹, «деревянный дом на каменном фундаменте»³², в 1887 году — «деревянный двухэтажный дом, крытый деревом с разными строениями»³³. В оценочной книге за 1913 г. за Патырминым И. И. числился «деревянный двухэтажный дом с задними 1-ого этажа деревянными пристройками и с надворными постройками»; оценивалось это все в 364 руб., на 1917 г. — в 666 руб.³⁴

В комплексе документов представлены и окладные листы муромской уездной земской управы о сборах налогов на земские повинности с недвижимого имущества мещанина Патырмина. Их 15 штук, датируются 1887-1900 гг. Интересно, что оценка

Л. И. Глуценко. Описание комплекса документов семьи Патырминых

имущества (деревянного дома на каменном фундаменте) была разной: для уездного сбора составляла 500 руб., а для губернского 300 руб.³⁵, а флигель оценивался одинаково в 150 руб.³⁶ Есть еще налоговые бумаги — это таблицы денежных сборов по приговору Муромского мещанского общества с семейства Ивана Ивановича Патырмина³⁷ за 1875-1878 гг. В 1875 г. был оплачен текущий платеж за три души³⁸, в 1877-1878 гг. — за 4 души³⁹. Подушный окладный сбор по документам составлял приблизительно 93 копейки. Деньги эти общество могло тратить на строительство приютов, школ, больниц, оформление документов для оплаты больницы, где лечились члены мещанского общества, выплачивали содержание инвалидам, сиротам, оказывали поддержку бедным семьям. В 1882 г. подушный налог с мещан был отменен высочайшим указом Александра III⁴⁰.

В хранении есть еще «Амбарная книга счетов по устройству иконостаса 1896 года(?)»⁴¹: в картонной обложке, листы разграфлены типографским способом в виде бланков на всю страницу. Заполнена от руки чернилами. Была приобретена во время экспедиции 1995 г. в деревне Двоезерье Меленковского района. В ней представлены счета на выплату денег за выполненную работу разным мастерам (живописцам, столярам, золотникам и другим). На нескольких страницах (3, 18, 54, 56, 58, 78) счета выписаны на Григория Васильевича Патырмина — столяра и Николая Григорьевича Патырмина — живописца. По счетам видно, что они периодически работали над изготовлением иконостаса с января 1897 по 1908 гг. Возможно, оба были родственниками И. И. Патырмина либо однофамильцами.

¹ Инв. № М-16140, М-16148, М-15153.

² Инв. № М-16150.

³ Инв. № М-16151, М-16152.

⁴ Инв. № М-16154.

⁵ Инв. № М-16155.

- ⁶ Инв. № М-16157.
- ⁷ Инв. № М-16149, М-16151.
- ⁸ Инв. № М-16150. – С. 1.
- ⁹ Инв. № М-16154.
- ¹⁰ Инв. № М-16157.
- ¹¹ Инв. № М-16150. – С. 2.
- ¹² Инв. № М-16153.
- ¹³ В. П. Ситников. Какие печати применялись на Руси? // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://info.wikireading.ru/34853>.
- ¹⁴ Инв. № М-16159.
- ¹⁵ Положение о государственном промысловом налоге. Цит. по: Устав о прямых налогах, раздел второй // Свод Законов Российской империи. – 1912. – Т. V. – С. 44-69.
- ¹⁶ Инв. № М-16162, М-16163.
- ¹⁷ Инв. № М-16144 – 16146.
- ¹⁸ Инв. № М-16142 – 16143.
- ¹⁹ Инв. № М-16147.
- ²⁰ Инв. № М-16158. Свидетельство. – С. 1.
- ²¹ Инв. № М-16158.
- ²² Инв. № М-16161.
- ²³ Инв. № М-16164/38.
- ²⁴ Инв. № М-16164/20, 22, 25, 36, 37, 39.
- ²⁵ Инв. № М-16164/21, М-16164/23, М-16164/49.
- ²⁶ Инв. № М-16164/33. – Л. 19-22.
- ²⁷ Инв. № М-16164/33. – Л. 14-16.
- ²⁸ Инв. № М-16164/33. – Л. 13.
- ²⁹ Инв. № М-16164/33. – Л. 8-11.
- ³⁰ Инв. № М-16164/33. – Л. 6-7.
- ³¹ Инв. № М-16164/33. – Л. 4; М-16164/18.
- ³² Инв. № М-16164/33. – Л. 3.
- ³³ Инв. № М-16164/16.
- ³⁴ Инв. № М-23323. – Ч. I. – С. 4.
- ³⁵ Инв. № М-16164/11, 14, 24, 29.
- ³⁶ Инв. № М-16164/23.
- ³⁷ Инв. № М-16164/13, 42, 45.
- ³⁸ Инв. № М-16164/ 45.
- ³⁹ Инв. № М-16164/13, 42.
- ⁴⁰ См.: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://yulianovozhilova.ru/meshyane/>.
- ⁴¹ Инв. № М-16861/140.

КОМПЛЕКС ПРЕДМЕТОВ ИЗ НАСЛЕДИЯ ИКОНОПИСЦЕВ ПАТЫРМИНЫХ В СОБРАНИИ МУРОМСКОГО МУЗЕЯ

Представляемый комплекс предметов муромского иконописца Ивана Ивановича Патырмина (1841-1922) происходит из «деревянного 2-этажного дома на каменном фундаменте», что и ныне стоит на бывшей ул. Никольской (Первомайской, 15). После смерти художника дом и имущество унаследовала его дочь Антонина Ивановна Патырмина (1898-1974)¹. В комплекс входят: две иконы — «Муромские чудотворцы» и «Воскресение Христово»; три картины на религиозные сюжеты — «Чудесное насыщение народа», «Омовение ног апостолам» и «Крещение Муромского народа св. князем Константином»; два женских портрета, а также семь резных золоченых деталей для иконостаза, две палитры, ящик для красок; две шкатулки для принадлежностей живописца, одиннадцать кисточек и пять приспособлений с агатовыми наконечниками для полирования сусального золота на изделиях, пятнадцать различных инструментов для обработки дерева, медный крест с Распятием (всего 51 предмет). В совокупности эти произведения и инструменты являются любопытным материалом для исследования истории развития художественного ремесла в Муроме XIX столетия.

Наследие Патырминых поступило в музей летом 1975 г., т. е. на следующий год после вхождения Муромского музея в состав Владимиро-Суздальского заповедника (ВСМЗ). Соответственно рассматриваемые экспонаты уже не могли быть зарегистрированы в наших инвентарях, а были включены в Главную инвентарную книгу головного музея и находились

на централизованном хранении. По приказу о децентрализации фондов ВСМЗ возвращены и в 1993-1994 г. вписаны в новую Книгу поступлений Муромского музея. Так как комплекс был расформирован по коллекциям и предметы передавались по разным актам, они зафиксированы разрозненно. В настоящей публикации живописные работы и другие вещи Патырминых впервые представлены как единый комплекс.

Вычленив их среди других записей помогает упоминание о поступлении предметов от «В. В. Никитиной из Городца» Горьковской (Нижегородской) области – наследницы Патырминых. Краткую легенду с ее слов зафиксировала старший научный сотрудник Л. С. Семенова: «Все эти вещи были приобретены у Никитиной В. В., перешедшие ей по наследству от тетки Патырлиной (Патырминой. – О. С.) Антонины Ивановны (умерла в 1974 г.), ранее принадлежали ее отцу Патырмину Ивану Ивановичу – живописцу, учившемуся у своего деда, и имел художественную мастерскую в Муроме на улице Мечникова (№ неизвестен). Его отец Патырмин Ив. Мих. учился в Холуе у Путилова Ив. Мих. Брат Ив. Ив. – Василий Ив., учился у А. Ив. Морозова – имел в Муроме свою живописную мастерскую»².

Приведенная легенда может содержать неточности, что характерно для данного типа документа, записанного со слов владельца. Он требует обязательного сопоставления с другими источниками. Некоторые поправки можно внести, опираясь на данные писцовых документов по Мурому XVII-XVIII вв.; сведения Оценочной книги по городу на 1915 г. Особенно ценен материал семейного архива Патырминых (о нем см. статью Л. И. Глуценко в этом же сборнике)³. Во-первых, из всех источников следует, что фамилию Патырминых верно писать через букву «м», а не «л». Во-вторых, в леген-

де указано, что с академическим образованием был связан брат Ивана Ивановича — Василий Иванович, и это можно допустить. Однако имеющиеся документы свидетельствуют, что живописи в Санкт-Петербурге действительно обучался Василий Иванович Патырмин (1865 г. р.) — но не брат, а сын Ивана Ивановича. Сохранилось свидетельство, выданное ему об успешном завершении учебного года 1885/86 г. в школе Общества поощрения художеств⁴. Некоторое время там преподавал упомянутый в легенде Александр Иванович Морозов (1835-1904). Во второй половине XIX в. он был единственным живописцем, продолжавшим романтическое направление А. Г. Венецианова. А. Н. Бенуа и И. Э. Грабарь, художники и тонкие критики, называли Александра Морозова «запоздалым венециановцем»⁵.

В Муроме художник бывал, когда проводил лето в с. Дедове за Окой, на берегу Святого озера. Традиция эта была заведена еще его отцом. Морозов старший — иконописец и живописец родом из Суздаля, переехал в Муром, а позднее в Петербург, где в 1835 г. окончил Академию художеств в качестве «постороннего ученика» и получил место преподавателя в школе правоведения. Его сын — А. И. Морозов протезировал начинающих муромских художников как, например, Василия Патырмина, а позже — И. С. Куликова (1875-1941)⁶. Последний, впоследствии академик живописи, вспоминал: «Занятие мастерством отца (малярное и кровельное. — О. С.) меня очень не удовлетворяло — мне хотелось стать художником или хотя бы живописцем». Продолжая работать в артели, юный Иван Куликов «зачарованный ходил под окнами мастерских» и смотрел, как писались иконы. Мастерские находились в центре Мурома вблизи Богородицкого собора⁷. Работал ли там кто из Патырминых, неизвестно. Согласно легенде на музейном

акте, мастерская Ивана Ивановича будто бы располагалась на ул. Мечникова (Козьмодемьянской)⁸. Пока не выявлены точные сведения о родных братьях либо кузенах И. И. Патырмина. Однако имеются данные о других людях с той же фамилией в Муроме. Так, в Оценочной книге 1915 г. зафиксировано владение потомков мещанина Михаила Ивановича Патырмина (ум. до 1914 г.)⁹, расположенное неподалеку от дома Ивана Ивановича. Этот «2-х этажный деревянный флигель» также сохранился на б. Николоможайской ул. (Комсомольская, 3). Сейчас за ним видна Смоленская (Козьмодемьянская) церковь, в приходе которой клан Патырминых зафиксирован еще в писцовых документах первой трети XVIII в. По некоторым местным свидетельствам именно этот дом за площадью (ныне им. Р. А. Белякова), на которой стояла Николоможайская (Казанская) церковь, связывают с потомственными иконописцами Патырмиными.

Михаилу Ивановичу приписывают рисунок 1884 г. с изображением деревянной часовни в память о св. муромском князе Михаиле с аннотацией: «Патырмин Мих. Часовня. 1884 г.» (нам известен только по электронному изображению)¹⁰. Не исключено, что этот Патырмин был родным братом И. И. Патырмина. Пока не выявлено, было ли у Михаила Ивановича профессиональное образование, или он, как Иван Иванович, учился ремеслу у деда или отца. В той же Оценочной книге есть сведения о домовладении Патырминых, проживающих на ул. Рождественской (Ленина), где числился «деревянный одноэтажный флигель в три окна» за мещанкой Зинаидой Михайловной Патырминой (ум. в 1918 г.). Позже этот был дом закреплен за Григорием Васильевичем Патырминым (ум. в 1924 г.) и в 1926 г. перешел его наследникам: сыну Николаю Григорьевичу (1885 г. р.) и Анне

Григорьевне (Нижегородцевой)¹¹. Выявлено, что отец и сын вместе занимались работой по созданию иконостаса в одном из сельских храмов Меленковского уезда в период с января 1897 по 1908 г. Причем, Г. В. Патырмин выполнял столярные работы, а Н. Г. Патырмин — живописные¹². Не исключено, что эти муромские мастера, как и И. И. Патырмин создающие храмовые интерьеры, могли быть его близкими родственниками (например — кузеном и племянником).

Из всех представителей рода наиболее предметно и конкретно можно говорить об Иване Ивановиче Патырмине (1841-1922), который в источниках значится как мещанин г. Муром, мастер, иконописец и живописец. Именно его наследие и его личный архив хранятся в нашем музее. Несмотря на то, что поступившие произведения — картины, портреты и, тем более, иконы — не имеют явных авторских подписей, логично предположить, что созданы они именно И. И. Патырминым, а не каким-то иным живописцем из его рода или вовсе посторонним художником.

Муромцы Патырмины упоминаются в различных писцовых документах с 1623/24 г. по 1795 г., где числятся среди посадских жителей, имеющих лавки; позже в документах XVIII в. — среди мещан и купцов. Впервые представитель этого рода встречается в Сотной с писцовых книг г. Муром 1623/24 г.: «В москотильном ряду лавки по левую сторону... Лавка посадцова ж человека Максимка Обрамова сына Патырмы»¹³. Интересно, что торговал он красильными товарами, необходимыми в работе маляров и живописцев. В Писцовой книге 1636/37 г. фиксируется, что после его смерти около 1631 г. лавка перешла не его сыну, а другому человеку. Среди бобыльских дворов на посаде упоминается пустой двор Максима Абрамова Патырмы. Здесь же описан другой двор — его сына, кото-

рый фигурирует в документе несколько раз — то как «Гришка Максимов сын Патырма», то уже как Патырмин¹⁴.

Тот же Григорий фиксируется и в последующих источниках (1646, 1652, 1678 гг.) среди выборных от посадских людей, а также как имеющий лавку. Любопытно, что в Списке с переписной книги 1646 г. он упоминается как «Гришка Максимов, прозвище Патырмин». У него дети Федотко да Герасимка четырех лет¹⁵. В Списке с переписной книги 1678 г. у него опять упоминаются малые дети «Федотко да Макарка осьми лет, Васька шти лет»¹⁶ (разница между первыми и вторыми где-то 26 лет). В Списке с новоокладных книг г. Мурома 1706 г. последний из них упоминается с братом и двумя племянниками¹⁷. Оба брата Макар и Василий «Григорьевы дети» с семьями значатся в Выписке из переписных книг 1710 г.¹⁸

Наиболее информативно упоминание Василия уже следующего поколения (сына Макара и племянника Василия Григорьевых) в Сотной с писцовых книг 1723 г. «Василий Макаров, сын Патырмин двадцети пяти лет. Имеет купечество». В этом документе роспись жителей ведется по церковным приходам, и Василий, как и весь клан Патырминых, зафиксирован в приходе церкви Козьмы и Демьяна¹⁹. Кроме него, все другие (отец, дядя и братья) «кормятся работою». Стоит обратить внимание, что звание «купец» тогда относилось не только к торговцам. Царским указом 16 января 1721 г. было определено правовое положение купечества. Все городское население было поделено на две гильдии. К первой отнесли крупных купцов, банкиров, шкиперов купеческих кораблей. Во вторую — среднее купечество, торговцев мелочными товарами и «харчевыми припасами», а также ремесленников²⁰. Понятно, что к ним относились и иконописцы-живописцы. Однако можно только предполагать, что Василий

Макаров Патырмин мог заниматься именно этим ремеслом.

Не исключено, что как и его предок сотню лет назад, он также торговал москательными товарами. Двоюродный брат Василия — Макар Патырмин — присутствует при межевании земель Троицкого монастыря в 1769 году²¹. Родной — Еким (Ефим, Аким) — вместе с Герасимом Патырминым значится в Окладной книге муромского мещанства 1777 г.²² Сыновья Макара — Яков и Максим — записаны уже купцами 3-й гильдии в Книге муромского купечества на 1793 г. и по 5-й ревизии 1795 года²³. У Якова Макарыча и его жены Анны Васильевны «из старинного муромского купечества» в то время записан «сын Михайло полугода», родившийся в 1794/95 г. Если доверять легенде, по которой отца Ивана Ивановича Патырмина звали Иваном Михайловичем, то этот Михаил — вероятно, его дед, у которого он и учился ремеслу.

Недавно в нашем музее реставратор раскрыла икону «Муромские и избранные святые с образом Богоматери Боголюбской» с датой «1838»²⁴. Происходит она из Смоленской (Козьмодемьянской) церкви — приходской для Патырминых. Написана икона мастерски, со вкусом и представляет собой характерный памятник церковного искусства второй трети XIX в. Учитывая время создания образа и храм, для которого он предназначался, осмелимся предположить, что его автором мог быть дед И. И. Патырмина. Сохранившаяся информация о том, что наш Иван Патырмин обучался профессии именно у своего деда, любопытна. Ведь отец будущего живописца Иван Михайлович Патырмин, который мог быть примерно 1818 г. рождения, владел тем же ремеслом. Иконопись он осваивал в знаменитом иконописном селе Холуе у И. М. Путилова.

Пока не удалось найти сведений именно об этом представителе рода известных с древности иконописцев Путиловых.

Их предок – «Лаврушка Иванов, по прозвищу Путилко иконник», упоминается в Суздальских писцовых книгах первой трети XVII в. Его сын «Ивашка Лаврентьев сын Путилов» продолжил ремесло иконописи. Он даже имел ученика, видимо нерадивого, о бегстве которого писал царю Алексею Михайловичу в челобитной 1674 г.²⁵ И в последующее время холуйские мастера работали с учениками-подмастерьями. Муромец Иван Михайлович Патырмин мог обучаться в этом селе в первой половине XIX в., занимаясь индивидуально у мастера. Позже, к концу столетия, в Холуе организовали иконописную школу²⁶. Думается, что не только занятия с дедом, но и влияние отца помогли становлению Ивана Ивановича Патырмина как потомственного иконописца и живописца.

Рассматривая комплекс произведений и вещей И. И. Патырмина с привлечением документальных источников, можно сложить – не без лагун, но некоторое представление о его трудовой деятельности и бытовой жизни. Наследие, состоящее из икон и картин, образцов иконостасной резьбы, различных кистей живописца, инструментов для обработки дерева и покрытия сусальным золотом, уже говорит о разносторонних ремесленных навыках Ивана Ивановича. Наиболее ранний документ из его архива 1866 г. свидетельствует о том же. В течение всего этого года в Козьмодемьянской (Смоленской) церкви родного прихода он занимался самой разнообразной работой: живописной, малярной, штукатурной и кровельной²⁷. Еще он выполнил весьма трудоемкое и тонкое дело – «золочение на гуфарбу» («гольд-фарбу»)²⁸ церковных крестов и «яблук», в которых они крепятся. Молодому мастеру Ивану в тот год исполнилось 25 лет, он женат и имеет годовалого сына Василия. По всей видимости, он еще не отделен от семьи отца и именуется «мещанским сыном».

Всего две его иконы поступили в музей: «Муромские чудотворцы» и «Воскресение Христово с евангельскими сценами и праздниками» второй половины XIX в. (кат. 1-2). По ним можно представить, какого качества и уровня ремесла были те многочисленные образа, написанные им, очевидно с помощниками, по заказам разных сельских храмов Муромской округи. И, если в документе 1866 г. не расшифровано, какую именно живописную работу он проделал в своем приходском храме в Муроме, то в трех «свидетельствах» 1869 г. фиксируются именно иконы, созданные для храмов Меленковского уезда²⁹. Он украшает новую каменную церковь во имя Николая (Предтеченскую) в селе Синжаны. Поставляет иконы в два придела трапезы, освященные в 1868 г. во имя Казанской Божией Матери и Иоанна Предтечи³⁰. Двадцать шесть икон создает для иконостаса вновь построенной Успенской церкви (1867) села Решнова, которые «по художеству оказались заслужившими полное одобрение». Делает «всю живописную работу в иконостас» новой теплой деревянной церкви Николая Чудотворца (1869) села Захарова³¹.

20 марта 1871 г. «доставляет живописные иконы на весь иконостас» в церковь Трех Московских святителей села Тарки Горбатовского уезда Нижегородской губ. В трапезной там были приделы Петра и Павла, Феодора Трихины и муч. Анфий³². В начале того же года Иван Патырмин «принял на себя подряд написать тридцать икон в иконостас» церкви Архангела Михаила (1816) села Свято Гороховецкого уезда. Там были расширены приделы в трапезной (1864), освященные в честь Смоленской иконы Божьей Матери и Святого Николая. Эти образа, «написанные на греческий стиль» к удовольствию прихожан были доставлены на место 2 июля, где заслужили одобрение Муромского епископа Иакова (1870-1884)³³. Только

в этих доступных источниках зафиксировано явно более полутораста икон, исполненных И. И. Патырминым всего за два года (из которых точными цифрами обозначены 76).

Первая икона из наследия И. Патырмина представляет собой достаточно монументальный образ муромских чудотворцев — князей Константина, Михаила и Феодора; Петра и Февронии (кат. 1). Он заключен в массивный резной с золочением киот с округлым верхом. Размещение персонажей не во всем следует схеме изображения собора местных святых, сложившейся ко второй половине XIX в. Центральную фигуру Константина здесь фланкируют не сыновья, а Петр и Феврония.

Ил. 1. И. И. Патырмин(?). Муромские чудотворцы. Икона. Втор. пол. XIX в. Кат. 1

Все пятеро гармонично по росту вписаны в округлый верх иконы. Произведение создано в русском стиле и в духе «церковного историзма»: трое князей облачены в «старинные одежды» и обуты в красные сапоги, Петр и Феврония показаны в темных монашеских мантиях. Образ муромских святых в резном золоченом обрамлении и массивном киоте является традиционным и характерным для местного благочестия. Вполне мог предназначаться для размещения в храме где-нибудь на стене трапезной или в каком-то приделе. Однако он сохранился в доме Ивана Ивановича и, вероятно, изначально создавался как моленный образ для своей семьи и рода, издавна обосновавшегося в Муроме под покровительством пятерых благоверных князей, изображенных на нем. Среди них княжич Михаил — соименный некоторым из Патырминых, в т. ч. родному деду Ивана Ивановича. Среди женщин этого клана встречались и Февронии.

Похоже, что киот выполнялся самим иконописцем. Деревянная рама внутри него, золоченая «на полимент» (клеящий состав под позолоту темно-коричневого оттенка) и накладные резные детали на ней, видимо, были изготовлены именно теми инструментами, что поступили в музей (кат. 21-35; 16-20). Среди них различные стамески для резьбы по дереву, а также «агатовые зубки» — полировочные инструменты из агата на деревянной ручке, которые использовали при золочении. Подтверждения тому, что И. И. Патырмин умел выполнять подобную работу, имеются в источниках. Известно, что помимо «живописного художества» в новой каменной единоверческой Казанской церкви при Дубасовском стекольном заводе в Судогодском уезде (ныне Гусь-Хрустального р-на) в 1869 г. он «сделал в трапезе по сторонам иконостасы с позолотою на полименте»³⁴. Видимо образцы подобной иконостасной

резьбы входят в комплекс предметов Патырмина, поступивших в музей (кат. 9-15). Их всего семь фрагментов с объемной сквозной резьбой, в орнаменте которой крупные цветы, плоды и листья. Данные заготовки иконостасного декора подготовлены к золочению на полимент, они покрыты темным красно-коричневым составом.

Вторая же из икон И. Патырмина, хранящихся в музее — «Воскресение Христово» с 28-ю клеймами, представляет собой в каком-то смысле универсальное произведение христианского церковного искусства своего времени (кат. 2). Как удалось установить, для создания многих сцен этого образа Иван Патырмин использовал гравюры Юлиуса Шнорра фон Карольсфельда (1794-1872) — известного немецкого художника³⁵. Важнейшим его трудом на поприще религиозного искусства стало издание «Библии в картинах» с 240 гравюрами на дереве. Впервые оно увидело свет в 1852-1860 гг. в Лейпциге и доставило Шнорру широкую известность в Германии и в других странах, в том числе в России. Этот уроженец Дрездена был не только современником, но практически ровесником Михаила Патырмина — деда и наставника И. И. Патырмина.

Мы не знаем, успел ли М. Патырмин использовать эти иллюстрации в качестве прорисей в своих работах. В его время — первой половине — середине XIX столетия — в арсенале российских иконников уже было немало западноевропейских образцов. Библия Пискатора с XVII в. стала «настойной книгой русских иконописцев». Кроме нее, в их обиходе были и другие, включая лицевую Библию Энгельбрехта XVIII в.³⁶ Зато становление в профессии его внука Ивана Патырмина как раз пришлось на период, когда эти многочисленные иноземные образцы были вытеснены одним — гравюрами Карольсфельда³⁷. И церковное начальство, и сами живописцы именно им отда-

Ил. 2. И. И. Патырмин(?). Воскресение. Икона. Посл. треть XIX в.
Кат. 2

вали предпочтение. Русская «Библия в лицах» с рисунками Ю. Шнорра и текстом свящ. К. Стратилатова выдержала четыре переиздания в период с 1866 по 1886 гг. Причем, иллюстрации были хромолитографические, т. е. в несколько

цветов. Печатались они по мере дозволения цензорами с 1864 по 1867 г. в Санкт-Петербургских литографиях. При рассмотрении каждой из евангельских сцен иконы И. Патырмина четко угадываются не только композиции именно с этих иллюстраций, но и переключка в цвете.

Однако для создания ряда клейм иконы, особенно в изображениях нижнего ряда, автор воспользовался другими образцами. Третье и четвертое клейма этого регистра составляют «автограф» И. И. Патырмина, зашифрованный в живописных изображениях. По нашему предположению, вместо прямой подписи иконописца он предъявляет не только своего небесного покровителя, но и высших патронов других членов семьи: св. пророка Иоанна Предтечу, св. Иоанна Богослова, Василия Великого, мученика диакона Вениамина(?), мученицу отроковицу Веру и царицу Елену. Можно даже уточнить время создания произведения: вероятно, в период после рождения сына Вениамина в 1873 г. и явно до появления на свет дочери Антонины в 1898 г.

К популярному библейскому циклу Карольсфельда иконописец снова обращается при работе над двумя живописными картинами: «Омовение ног апостолам» и «Чудесное насыщение народа» последней трети XIX в.(?) (кат. 3-4). Изображение на первой, как и одноименная сцена на рассмотренной выше иконе (2-е кл. внутреннего ряда), совпадает с иллюстрацией этого события в Библии Карольсфельда. Если в иконной сцене композиция уменьшена в масштабе и вписана в вертикаль клейма, то горизонтальная картина И. Патырмина практически дословно повторяет образец (кат. 3). Во втором живописном произведении, большем по размеру и масштабу события — с участием множества народа (5000, не считая женщин и детей), которых Иисус накормил пятью хлебами, И. И. Патырмин особенно ста-

Ил. 3. И. И. Патырмин(?). Омывение ног апостолам.
Картина. Посл. треть XIX в. Кат. 3

Ил. 4. Ю. Ш. фон Карольсфельд. Омывение ног апостолам.
Гравюра. 1852-1860

Ил. 5. И. И. Патырмин(?). Чудесное насыщение народа. Картина. Посл. треть XIX в. Кат. 4

Ил. 6. Ю. Ш. фон Карольсфельд. Чудесное насыщение народа. Гравюра. 1852-1860

рательно следует гравюре Шнорра (кат. 4). Правда, черты лиц в его интерпретации носят другой и весьма специфический характер. При этом, как и в первой своей картине, живописец по возможности сочетает именно те цвета, что присутствуют в хромолитографиях русского издания этой популярнейшей «Библии в лицах». Данное чудо описано во всех четырех евангелиях, но, как в образце, так и нашей картине, сцена отражает это событие по Евангелию от Иоанна: «Иисус сказал: велите им возлечь. Было же на том месте много травы. Итак возлегло людей числом около пяти тысяч. Иисус, взяв хлебы и воздав благодарение, роздал ученикам, а ученики возлежавшим, также и рыбы, сколько кто хотел» (Ин. 6:1-15). На холсте вверху, кроме названия картины, приводится искаженный текст, входящий к приведенному евангельскому отрывку.

По мнению исследователей, гравюры Карольсфельда было легко переводить на стены в церковных росписях. «Действие в них приближено к первому плану, композиции уравновешены и по преимуществу центричны, крупные фигуры выразительны, нет как излишней детализации, так и „пустого“ пространства»³⁸. Вероятно, что И. И. Патырмин мог использовать гравюры известного немца не только в станковых работах, но и в стенописи храмов. В ряде документов упоминается о его работе в нескольких церквях, где он украшал их в технике фресковой и масляной росписи, о содержании которой эти источники умалчивают. Например, в характеристике стенописи семидесятых годов XIX в. Троицкой церкви в селе Заястребье Судогодского уезда. В холодном храме живописец украсил стены картинами «греческого письма» с очень красивым «благоприличным убором»³⁹. Патырмин вполне мог использовать композиции с гравюр Карольсфельда в 1869 г., работая в Казанской единовременной церкви в том же уезде. Всю церковь внутри он

выкрасил масляной краской и «по стенам оной в приличных местах написал 15 живописных, древним греческим письмом картины, изображающих священные исторические события»⁴⁰. Даже взяв за образец западную гравюру, мастер мог придать изображениям на стене традиционный характер «под старину».

Как следует из сохранившихся источников, к началу 1870-х И. И. Патырмин вполне сложившийся и самостоятельный мастер с хорошей репутацией, подтвержденной свидетельствами заказчиков. Ему уже за тридцать, он сам нанимает помощников под церковные заказы по росписи стен, сооружению иконостасов и выполнению икон. Видимо, заработанные средства позволяют ему отделиться от отца и купить собственный дом на Никольской улице неподалеку от своего приходского храма и от церкви Николы Можайского (Казанской). 1873 г. датируется первый окладной лист на его дом в 38-м квартале⁴¹. В этом же году у него рождается второй сын Вениамин. В 1875 г. отец семейства оплачивает подушный налог за себя и двоих сыновей⁴².

Его подрастающие дети учатся в муромских училищах. В 1878 г. старший Василий оканчивает «городское приходское», потом, видимо, — городское уездное. После его отправляют в Школу поощрения художеств в Санкт-Петербург, которую он успешно оканчивает в 1886 г. Младший Вениамин — «народное начальное» в 1884 г. В том же году его отец расширил домовладение, о чем свидетельствует первый из окладных листов на флигель при их доме. Позже Вениамин продолжил обучение в уездном городском училище, после которого в 1888 г. «занимается письмоводством». По статистическим данным в 1882 г. в Муроме насчитывалось 25 ремесленных профессий и среди них четыре живописца, одним из которых явно был И. И. Патырмин. Для сравнения: по столько же

было красильщиков, маляров, медников, картузников, кондитеров и шорников. Более востребованными были портные и модистки — 14, сапожники и башмачники — 13, мясники — 15. В разы всех превосходили извозчики в количестве 186 человек⁴³. А Иван Иванович Патырмин обзаводится собственной лошастью. Вероятно — в 1887 г. По крайней мере, в его архиве самый ранний окладной лист на единицу этой тягловой силы датируется именно этим годом⁴⁴.

В 1880-е гг. он продолжает украшать сельские церкви, и все необходимое для работы, а также нанятых подмастерьев, очевидно, перевозит на своем транспорте: например, 10 верст до ближайшего от города с. Ковардицы, где в 1885 г. в холодном Воскресенском храме (1854) произвел живопись «на фреске». И «оказался он отличным мастером своего дела, картины расположены в правильной симметрии, краски на них... не изменили своего колера, и так прочны, как сейчас писаны». В 1890 г. в теплой церкви (приделы во имя св. Николы и св. Елизаветы) создал масляными красками столь же замечательную по качеству роспись⁴⁵. Нам неизвестно, в каком стиле были исполнены стенописи этого полностью разрушенного в советское время храма, и какие именно темы в них раскрывались. Возможно, как и в церкви Николая Чудотворца соседнего села Старые Котлицы, живопись на стенах была выполнена в русском стиле.

По мнению А. И. Скворцова «русский стиль повсеместно выражался не только стилизацией под старину, но и повышенным интересом к отечественной истории», а «широко известные и глубоко чтимые в народе события занимали важное место, особенно сюжеты, связанные с местной тематикой». Автор подчеркивает, что «своеобразным „историзмом” проникнута роспись 1879 года в Никольской церкви села Старые Котлицы Муромского района, на западной стене которой раз-

вернута композиция с изображением муромских чудотворцев Константина, Михаила, Федора, Петра и Февронии»⁴⁶. Не исключено, что И. И. Патырмин мог быть причастным к созданию этой стенописи.

В его наследии сохранился не только рассмотренный выше иконописный образ с изображением местных чудотворцев в массивном киоте, но и живописная картина «Крещение Муромского народа св. князем Константином» (кат. 5). Такая композиция в увеличенном масштабе вполне могла бы украсить стену храма. И, если для создания двух других картин он использовал популярные гравюры немца Карольсфельда, то для этой работы у него имелись совсем другие образцы, причем в родном городе. Ведь эпохальное событие для церковного Мурома — крещение местных язычников подробнейшим обра-

Ил. 7. И. И. Патырмин(?). Крещение Муромского народа. Картина. Посл. треть XIX в. Кат. 5

зом представлено в клеймах грандиозной иконы муромского изографа Александра Казанцева, созданной им в 1714 г. вместе с сыном Петром (МИХМ)⁴⁷.

Горожане хорошо знали этот огромный образ св. князей Константина, Михаила и Феодора, размещенный на восточной стене паперти Благовещенского собора. Иван Патырмин подолгу мог рассматривать все 87 клейм, выбирая для себя сцены крещения муромцев в реке Оке (кл. 43-46). Иконописец и живописец, как он себя позиционировал, не использовал их прямо, а перерабатывал в меру своего представления и умения. В картине соединяются канонические приемы иконы и принципы изображения в западноевропейской живописи и гравюре. Например, подача статичной толпы народа и воинства на берегу Оки как «неисчислимого множества» и показ в динамике людей, принимающих крещение в клубящихся волнах реки. Их обнаженные тела изображены в сложных и разнообразных ракурсах. Автор особо тщательно прописал архитектуру и одеяния княжеской семьи и священства, придав изображаемому событию древних времен нарочитую «достоверность». При этом вместо пустынного берега и холма, заросшего лесом, какой очевидно была эта местность в ту далекую пору, иконописец Патырмин старательно прописывает каменный храм и строения вокруг него, означающие условный град Муром⁴⁸.

Орнаменты и детали облачений епископа, пресвитеров и диаконов, хоругви и образ иконы Богоматери Муромской соответствуют не далекой эпохе, а последней трети XIX века, т. е. времени создания картины. В духе церковного историзма того же периода показаны княжеские одежды и шапки с горностаевой оторочкой. При всем архаизме и провинциальности своего произведения, Патырмин все же вписывается в русло распространенного в его время «русского стиля». Он развился

из общеевропейского историзма в искусстве. Тема Крещения Руси в данном контексте была весьма актуальна. К разным ее эпизодам обращались русские художники на протяжении всего XIX в. Среди них работы И. Эггинка (1822), Ан. Иванова (1829), В. Перова (1870-1880), А. Кившенко (1880), Ф. Бронникова (1883), В. Навозова (1887), В. Васнецова (1886-1896), К. Лебедева (конец XIX в.)

В комплекс Патырминых входят также два женских портрета (кат. 6-7). Вероятно, они представляют одну модель, но в разном возрасте. Первый из них, где изображена еще молодая женщина в голубом платье, с гладко зачесанными волосами и со сложными на коленях руками, датирован 1897 г. (кат. 6). Если догадка о тождестве образов верна, то второй — в овале — мог быть создан не ранее, чем лет через двадцать — около 1917 г. (кат. 7). Здесь она показана в пожилом возрасте: с морщинами на лбу и дряблой шеей, в черной шали, покрывающей

Ил. 8. Художник «А. Р.»(?). Портрет неизвестной в голубом. 1897. Кат. 6

Ил. 9. И. И. Патырмин(?). Портрет неизвестной в черном. Кон. 1910-х(?). Кат. 7

плечи и грудь; с кружевной наколкой на затылке. Волосы также гладко зачесаны, но разделены на прямой пробор. Пока остается загадкой, кто представлен на этих портретах и какой художник их написал. Оба исполнены самодеятельным мастером, и их можно отнести к искусству примитива. Живописец обоих портретов совсем не льстит портретируемой, с документальной беспощадностью прописывает морщины или складки на шее и также тщательно вырисовывает серьги или плетеное кружево.

В нашем музее эти изображения являются весьма поздними образцами по отношению к небольшой, но цельной коллекции более раннего городского портрета первой половины XIX в. Возможно, что автором двух образов одной неизвестной является сам И. И. Патырмин. Однако первый из них в музейной документации зафиксирован не только с датой, но и с инициалами художника «А. Р.». Нам пока не удалось на этом холсте обнаружить указанные буквы. Тем не менее, попробуем понять, кто за ними скрыт. Известно, что создатели-непрофессионалы подобных портретов любили в своих подписях использовать буквы не русского, а латинского алфавита. Так что дерзнем расшифровать эту монограмму как «Artifex Paturmin» (художник/живописец/мастер Патурмин/Патырмин).

Очевидно, конец девяностых годов девятнадцатого столетия стал новым этапом в семейной жизни Ивана Ивановича. В 1898 г. у него родилась дочь Антонина, а нашему иконописцу уже под 60 лет. Стало быть, он мог к тому времени овдоветь и жениться вторым браком в 1897 г. в возрасте 56 лет. Возможно, на первом портрете с этой датой как раз представлена его молодая супруга. В последнее десятилетие века он по-прежнему занимается церковными интересами. Об этом свидетельствует, например, Похвальный лист из Владимирской духовной консистории 1893 г. В нем уважаемого мастера бла-

Ил. 10. Мастерская И. Патырмина. Образец иконостасной резьбы. Втор. пол. XIX в. Кат. 9-15

годарят за «добросовестное устройство иконостаса» в церкви Кирилла и Мефодия Муромского духовного училища⁴⁹.

Видимо, как и ранее, И. И. Патырмин выполняет и различные мелкие заказы для частных лиц, как для г-на Степана Ивановича Тюрникова, что фиксируется в счете от 16 марта 1886 г.⁵⁰ Среди них изделия церковного и бытового назначения: покров, посох архимандрита, иконы, вареное масло (олифа), шкатулка. Упоминание последней весьма интересно, т. к. среди вещей Патырмина в музее хранятся два «ящичка деревянных прямоугольных, с верхней мягкой обивкой коричневой замшей крышкой», которые использовались для хранения художественных кисточек (кат. 47-48). В самом деле, их вполне можно назвать «шкатулками». Очевидно они также были изготовлены собственноручно Иваном Ивановичем. К тому же уточняется их датировка, т. к. они могли быть сделаны примерно в то же время, что и шкатулка для Тюрникова.

Сами же кисточки, поступившие в музей в количестве 11 штук, также, по нашему мнению, представляют собой изде-

Ил. 11. Мастерская И. Патырмина.
Шкатулка. 1886. Полировальники,
кисточки. Кат. 47: 16-20; 36-46

Ил. 12. Этюдник, кисточки.
XIX в. Кат. 51

лия самого иконописца-живописца (кат. 36-46). Они сделаны из палочек, местами неровно обработанных, к которым прикреплен волосяной пучок, вставленный в обойму из ствола гусиного пера — «очина». Среди них нет широких и крупных кистей, все они малых размеров, на некоторых заметна засохшая краска, на других почти полностью утрачены волоски. Сложнее устроены приспособления для золочения листовым золотом — «агатые зубки» в количестве пяти штук (кат. 16-20). Они столь же легко помещаются в те же шкатулки. Основная их составляющая, «зубок», изготовлена из поделочного камня — агата разного цвета и формы. Каждый из них закреплен на деревянной ручке с помощью медной оправы. На одном из этих приспособлений она с тиснением растительным орнаментом и большой заклепкой. Возможно, что некоторые из этих полировальников достались нашему мастеру по наследству от отца или деда.

В арсенале живописца необходима палитра и не одна. Думается, что И. И. Патырмин изготавливал их сам и несколько из них имел в работе. В музей поступили две разные

по форме (49-50), но очень простые по материалу (из фанеры) и изготовлению (у старых мастеров палитры «выделывались» из цельного дерева). Фанера в России появилась во второй половине XIX в., однако массовое ее использование относится к девяностым годам. Вероятно, и наши были сделаны не ранее этого времени и могут датироваться 1890-1910-ми гг. Не бывает художника без этюдника или «ящичка для красок», как он зафиксирован в документации среди вещей Патырмина (кат. 51). Он совсем небольшой и тоже очень просто устроен — с отверстием на крышке и ременной ручкой.

Судя по некоторым свидетельствам, и на закате своей жизни Иван Иванович оставался деятельным. Он снова молодой отец. Растет дочь, которая учится в начальном народном городском училище, в 1911 оканчивает Троицкую церковно-приходскую школу для девочек. Пока неясна судьба его старших сыновей. В списке избирателей в 1914 г. значится только он сам: «Патырмин Иван Иванович, мещанин. 73 лет», имеющий на улице Никольской «деревянный двухэтажный дом, 364 р., по праву собственности более 35 лет»⁵¹. После 1917 г., пока еще в Муроме действовали храмы, И. Патырмин продолжал работу на церковном поприще. Свидетельством тому является весьма любопытная надпись на обороте иконы «Иоанн Предтеча крылатый с двумя сценами жития»: «Сия икона Иоанна Предтечи Крестителя Господня перенесена из старой церкви Козьмы и Домиана, в новую церковь Козьмы и Домиана Старостой церковнымъ Николаимъ Матьвеичимъ Елинымъ и была одана в исправление живописцу Ивану Ивановичу Патырмину что было сделано в 1920 году в сентябре месяце образ сей был написан в царствованиі Іоанна Васильевича Грознаго». Так что Иван Иванович всего за два года до кончины успел потрудиться над «реставрацией» образа Иоанна Предтечи, чтимого в родном

приходе и им лично особо. В его время эту икону небесного покровителя самого Ивана Грозного считали древней. В настоящее время она датируется «XVIII веком под записью», и новое ее раскрытие еще только предстоит реставраторам⁵².

По записи в Оденочной книге известно, что И. И. Патырмин умер в родном городе в 1922 г., т. е. в возрасте 81 года. Единственный экспонат музея из его наследия, который он не создал сам или не использовал в своей работе — это крест с распятием XVIII-XIX вв., литой из меди — очевидно предмет его личного благочестия (кат. 8). Такие кресты предназначались для домашнего киота с иконами. По изображению и характеру изготовления он может быть отнесен к старообрядческому литью подмосковного Гуслицкого края. Патырмин украшал и единоверческие церкви, так что контакты со староверами у него наверняка были. Впрочем, такие литые Распятия бытова-

Ил. 13. Крест киотный. XVIII-XIX в.
Кат. 8

ли и в православной церковной среде. На обороте креста Ивана Ивановича гравирована «Молитва Кресту: «/Крест — хранитель всей Вселенной/ Крест — красота Церкви/...». Над созданием церковной красоты в меру своего умения и способностей всю свою жизнь и трудился этот потомственный муромский иконописец и живописец.

Представленный комплекс произведений,

созданных И. Патырминым, а также его рабочие инструменты в совокупности с документальными источниками дают возможность лишь приоткрыть одну из страниц городской жизни Мурома позапрошлого столетия. Дать некоторую, пока неполную, картину деятельности и бытовой жизни горожанина, зарабатывавшего на жизнь своей семье трудом живописца-иконописца — «мастера на все руки». Всего две иконы и пять живописных работ — лишь малая часть его творческого наследия. Они, не являясь произведениями высокого искусства, все же свидетельствуют о качественном уровне его ремесленного труда, востребованного в то время и по достоинству оцененного заказчиками. Достаточно велика вероятность, что вскроются еще другие письменные свидетельства, содержащие подробности жизни и деятельности муромского иконописца и его родственников, занимавшихся на том же поприще. Возможны и открытия не только упоминаний, но и самих росписей или их фрагментов, а также иконостасов в сохранившихся храмах Муромской округи — в нынешних Владимирском и Нижегородском регионах.

КАТАЛОГ ПРЕДМЕТОВ КОМПЛЕКСА ПАТЫРМИНЫХ

Все предметы происходят из семьи муромского иконописца и живописца И. И. Патырмина. Поступили в музей 29. 07. 1975 г. от В. А. Никитиной из г. Городца Горьковской (Нижегородской обл.).

Кат. 1. ИКОНА «МУРОМСКИЕ ЧУДОТВОРЦЫ КОНСТАНТИН, МИХАИЛ, ФЕОДОР, ПЕТР И ФЕВРОНИЯ» в киоте.

И. И. Патырмин(?). Вторая половина XIX в. Муром. Дерево, темпера; резьба, золочение. 92x85,6 см. МИХМ. Инв. № М-14233/И-260. Сведений о реставрации нет.

Иконография: в основе следует схеме, сложившейся в Муроме синодальной эпохи после вытеснения св. прав. Иулиании из собора почитаемых святых. На центральное место среди пятерых благоверных князей выдвигается креститель города св. Константин. Особенностью публикуемого изображения является то, что его сыновья показаны не рядом с ним, а разведены по флангам.

Надписи: над нимбами всех святых именующие надписи.

Лит.: Сухова О. А. и др. Иконы Мурома. — М., 2004. — С. 42 (упом.); она же. Собор Муромских святых: истоки и формирование иконографии // Уваровские чтения — XI. — Муром, 2019. — С. 150-151. — Ил. 10.

Кат. 2. ИКОНА «ВОСКРЕСЕНИЕ ХРИСТОВО С ЕВАНГЕЛЬСКИМИ СЦЕНАМИ, ПРАЗДНИКАМИ И ИЗБРАННЫМИ СВЯТЫМИ».

И. И. Патырмин(?). Последняя треть XIX в. Муром. Дерево, темпера. 76x62,5 см. Муром. МИХМ. Инв. № М-14234/И-261. Сведений о реставрации нет.

Иконография: композиции большинства сцен восходят к библейскому циклу гравюр Юлиуса Шнора фон Карольсфельда (1794-1872), впервые напечатанному в 1852-1860 гг. в Лейпциге. Русская «Библия в лицах» с его рисунками с 1866 по 1886 г. переиздана четыре раза. Иллюстрации печатались с 1864 по 1867 гг. в Санкт-Петербургских литографиях Р. Хорна, А. Мюнстера и картографическом заведении А. А. Ильина. Часть клейм имеют другие протографы. В двух из них в нижнем ряду представлены избранные святые, очевидно небесные патроны И. И. Патырмина и членов его семьи. На одном клейме — пр. Иоанн Предтеча с двумя сценами жития. На другом: в одном ряду в центре Иоанн Богослов, по сторонам от него мц. Вера Римская и сщмч. Вениамин Персидский(? — именующая надпись над ним стерта); по краям — Василий Великий и царица Елена.

Надписи: над каждой сценой имеются краткие наименования.

Лит.: Сухова О. А. и др. — Иконы Мурома. — М., 2004. — С. 42 (упом.).

Публикуется впервые.

Кат. 3. КАРТИНА «ОМОВЕНИЕ НОГ АПОСТОЛАМ».

И. И. Патырмин(?). Последняя треть XIX в. Муром. Холст, масло. 58x72,5 см. Муром. МИХМ. Инв. № М-14250/Ж-466. Сведений о реставрации нет.

Иконография восходит к гравюре библейского цикла Ю. Ш. фон Карольсфельда (1794-1872). Надписи: «ОМОВЕНИЕ НОГЪ АПОСТОЛОМЪ» (? — на холсте вверху по центру — читается плохо); слева и справа вверху две неразборчивые именующие надписи.

Выставки, экспозиции: «Семья в музейном интерьере» и «В комнатах купеческого дома» (1998-2011); «Город и горожане» (с 2014). МИХМ.

Публикуется впервые.

Кат. 4. КАРТИНА «ЧУДЕСНОЕ НАСЫЩЕНИЕ НАРОДА».

И. И. Патырмин(?). Последняя треть XIX в. Муром. Холст, масло. 84,8x106,5 см. Муром. МИХМ. Инв. № М-14248/Ж-464. Сведений о реставрации нет.

Иконография восходит к гравюре библейского цикла Ю. Ш. фон Карольсфельда (1794-1872).

Надписи: «ЧУДЕСНОЕ НАСЫЩЕНИЕ НАРОДА» (на холсте вверху); «РЕЧЕ ЖЕ ИСУСЪ СОТВОРИТЕ ЧЛВЪКИ ВОЗЛЕЦИ; БЕ ЖЕ ТРАВА МНОГИ НА МЕСТЪ ВОЗЛЕГЦЕ БЪ МНОГИЕ ЧЕЛОВЕКИ БЕ ПЯТЬ ТЫСЯЦЪ ПРИЯТЬ ЖЕ ХЛЕБЫ ИСУСЪ... ВОЗДАЛЬ, ПОДАДЕ УЧЕНИКАМЪ УЧЕНИЦЫ ЖЕ ВОЗЛЕЖАЦИМЪ ТА БО ЖЕ И ЕСТЬ БЕ СКОЛЬКО ХОТЕЛЬ» (искаж. от: Ин. 6:1-15 — на холсте вверху под названием картины); «ЮАНН:...» (на холсте внизу).

Выставки, экспозиции: «Семья в музейном интерьере» и «В комнатах купеческого дома» (1998-2011). МИХМ.

Публикуется впервые.

Кат. 5. КАРТИНА «КРЕЩЕНИЕ МУРОМСКОГО НАРОДА».

И. И. Патырмин(?). Последняя треть XIX в. Муром. Холст, масло. 84x106 см. Муром. МИХМ. Инв. № М-14249/Ж-465. Сведений о реставрации нет.

Иконография: в композиции в числе других образцов заметно влияние изображений в клеймах иконы А. И. Казанцева 1714 г. (МИХМ); в особенностях иконографии образов имеется переключенка с иконой самого И. И. Патырмина (кат. 1).

Надписи: «КРЕЩЕНИЕ МУРОМСКАГО НАРОДА СВЯТЫМЪ БЛАГОВЕРНЫМЪ КНЯЗЕМЪ КОНСТАНТИНОМЪ» (на холсте вверху).

Выставки, экспозиции: «Семья в музейном интерьере» и «В комнатах купеческого дома» (1998-2011); «Город и горожане» (с 2014). МИХМ.

Публикуется впервые.

Кат. 6. ПОРТРЕТ НЕИЗВЕСТНОЙ В ГОЛУБОМ ПЛАТЬЕ.

Художник «А. Р.»(?) (И. И. Патырмин — ?). 1897. Муром. Холст, масло. 46x37 см Муром. МИХМ. Инв. № М-14251/Ж-467. Произведение в каком-то смысле является весьма поздним и архаичным образцом, восходящим к такому феномену, как «купеческий портрет» первой половины XIX века. Его бытование было характерно для городской культуры, в том числе в Муроме. Образы не только купцов, но и мещан, и других жителей создавались в основном художниками-самоучками. Постепенно были вытеснены при распространении фотографии.

Надписи: «1897» (на холсте справа внизу); по описанию в инвентаре музея на холсте имеется еще подпись художника: «А. Р.». Вторая буква может быть латинской и означать начальную литеру в фамилии «Патырмин».

Публикуется впервые.

Кат. 7. ОВАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ НЕИЗВЕСТНОЙ ПОЖИЛОЙ ЖЕНЩИНЫ В ЧЕРНОЙ ШАЛИ.

И. И. Патырмин(?). Конец 1910-х(?). Муром. Холст, масло. 72х60 см. Муром. МИХМ. Инв. № М-14252/Ж-468. Сведений о реставрации нет.

Произведение самодеятельного художника; восходит к типу более ранних городских портретов. Не исключено, что создан по фотографии.

Публикуется впервые.

Кат. 8. КРЕСТ КИОТНЫЙ С ИЗОБРАЖЕНИЯМИ ВЫСОКОГО РЕЛЬЕФА: РАСПЯТИЕ С ПРЕДСТОЯЩИМИ, ГОСПОДЬ САВАОФ С ТРУБЯЩИМИ АНГЕЛАМИ.

XVIII-XIX вв. Медный сплав, литье, гравировка. 17,2х10,8 см. Гуслицы(?). МИХМ. Инв. № М-13975. Сведений о реставрации нет.

Иконография: схема изображения характерна для крестов такого типа, изготовленных в Гуслицах — центре старообрядцев на московских землях, приграничных Рязанским и Владимирским (ныне Орехово-Зуевский и Егорьевский р-ны Московской обл.).

Надписи (рельефные литые и гравированные): на лицевой стороне — наименование сюжета; именующие надписи над каждым изображением и начало молитвы: «Кресту Твоему поклоняемся...»; на обороте в верхней части молитва: «Крест — хранитель всей Вселенной...»

Выставки, экспозиции: «Древнерусское искусство» (1996-2011). МИХМ.

Публикуется впервые.

Кат. 9-15. ОБРАЗЦЫ ДЕКОРА ЦЕРКОВНОГО ИКОНОСТАСА (ИКОНОСТАСНОЙ РЕЗЬБЫ).

Мастерская И. И. Патырмина. Вторая половина XIX в. Муром. Дерево, резьба, полимент. 109х16,5; 108х18,5; 79,5х14; 106х14; 107,5х16; 76х14; 107х19 см. Муром. МИХМ. Инв. № М-13627/1-7/Д-826-832. Сведений о реставрации нет.

Публикуются впервые.

Кат. 16-20. ПОЛИРОВАЛЬНИКИ С АГАТОВЫМИ НАКОНЕЧНИКАМИ – приспособления для покрытия листовым золотом.

XIX в. Агат, дерево, медь, тиснение; ювелирная работа. МИХМ. Инв. № М-13623/1-5/Д-807-811. 26,5х2,5; 21х1,8; 20,4х1,7; 20,8х2х1,8; 18,3х2 см. Сведений о реставрации нет.

Публикуются впервые.

Кат. 21-35. ИНСТРУМЕНТЫ ДЛЯ ОБРАБОТКИ ДЕРЕВА: стамески, стамески для пазов, бур, молоток.

XIX в. Металл, дерево; кустарная и заводская работа. МИХМ. Инв. № М-13976/1-15. 24х4; 24,5х3,5; 22х32; 27х2,5; 23,6х2,5; 19х2,5; 22,8х3,5; 19х3,5; 18,5х3,8; 24,0х3,5; 17,3х2,8; 23,5х2,7; 21х2,8; 17,0х11,6; 20х7,3 см. Сведений о реставрации нет.

Публикуются впервые.

Кат. 36-46. КИСТИ ДЛЯ РАБОТЫ ИКОНОПИСЦА.

XIX в. Волос, дерево, гусиное перо (очин); кустарная работа. МИХМ. Инв. № М-13624/1-11/Д. 812-822. Дл. 16,0; 15,0 и 14,0 см. Сведений о реставрации нет.

Публикуются впервые.

Кат. 47-48. ШКАТУЛКИ-ЯЩИЧКИ.

Мастерская И. И. Патырмина. Около 1886 г. Муром. Дерево, фанеровка, замша; кустарная работа. МИХМ. Инв. № М-13702/1-2/Д. 921-922. 15,5х25х31; 14х24х30 см. Сведений о реставрации нет.

Публикуются впервые.

Кат. 49-50. ПАЛИТРЫ.

Конец XIX – нач. XX в. Фанера; кустарная работа. МИХМ. Инв. № М-13625/1-2/Д. 823-824. 36,5х26 см и 32,2х25 см. Сведений о реставрации нет.

Публикуются впервые.

Кат. 51. ЭТЮДНИК – ЯЩИК ДЛЯ КРАСОК

XIX в. Дерево, металл, кожа; кустарная работа. МИХМ. Инв. № М-13626/Д. 825. 16,1х25,8х4,7 см. Сведений о реставрации нет.

Публикуется впервые.

¹ Оценочная книга недвижимого имущества г. Муром с 1915 г. — Ч. I. — Л. 6 (?). Улица № 1 Никольская, № п/п. 7 // МИХМ. — М-23323.

² В настоящее время эта информация доступна в секторе учета нашего музея в виде рукописной копии начала девяностых годов с первоначального акта 1975 г.

³ Ранее они хранились в библиотеке нашего музея. Видимо, получены одновременно с вещевым комплексом в 1975 г. В 1994 г. в Книге поступлений учтены в общем количестве большого корпуса документов на тему социально-экономической жизни Мурома XIX — нач. XX в. В коллекционной описи, составленной позже, документы архива Патырмина были кратко перечислены.

⁴ Свидетельство Комитета Императорского общества поощрения художеств В. Патырмину от 21 мая 1886 г. // МИХМ. — Инв. № М-16158.

⁵ См.: РУССКИЕ ХУДОЖНИКИ. Морозов Александр Иванович (1835-1904) // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.liveinternet.ru/users/5124893/post409875757/>.

⁶ Беспалов Н. А. Александр Иванович Морозов — первый учитель художника Куликова // Муромский сборник. — Муром, 1993. — С. 109-110; Сухова О. А. Купеческий портрет. Муромский вариант // Сообщения Муромского музея — 2014. — Владимир, 2015. — С. 40, 63-66. Кат. 7.

⁷ Беспалов Н. А. И. С. Куликов. — М., 1990. — С. 7, 10.

⁸ Впрочем, информатор из Городца могла перепутать муромские адреса в одной и той же части города, имея в виду под мастерской дом Патырмина на углу Первомайской и Карла Маркса (Никольской и Сретенской).

⁹ Оценочная книга. — Ч. 3. — Л. 709. Улица № 24 Николоможайская, № п/п. 2 // МИХМ. — М-23325.

¹⁰ Найден Т. Б. Купряшиной в своем электронном архиве. В настоящее время на этом месте у пожарного депо построена часовня в честь иконы Божьей Матери «Неопалимая Купина» (2012).

¹¹ Оценочная книга. — Ч. 2. — Л. 487об. Улица № 18 Рождественская, № п/п. 62 // МИХМ. — М-23324. В советское время Николай Григорьевич Патурмин (Патырмин) и А. Николаевна Патырмина (вероятно, дочь) были поражены в правах за занятия торговлей. См.: Именной список лиц, лишенных избирательных прав по городу Мурому, Владимирской губ., составленный 16 декабря 1928 г. № 64, 812. Место проживания первого не обозначено, но указан его год рождения. Возраст второй не указан, зато зафиксирована она по тому же адресу в родительском доме.

¹² Сведения об источнике см. в статье Л. И. Глущенко в настоящем сборнике.

О. А. Сухова. Комплекс предметов из наследия Патырминных

¹³ Сотная с писцовых книг г. Муром 1623/24 г. Памятники истории Муром. — Владимир, 2010. — Вып. 1. — С. 84, 86.

¹⁴ Писцовая книга г. Муром 1636/37. Памятники истории Муром. — Владимир, 2010. — Вып. 2. — С. 103, 159, 166, 187, 178, 179, 231.

¹⁵ Список с переписной книги г. Муром 1646 г. Памятники истории Муром. — Владимир, 2010. — Вып. 3. — С. 45.

¹⁶ Переписная книга г. Муром Романа Григорьевича Воиникова и подьячего Ивана Лаврентьева 1678 г. // Документы по истории Муромского посада второй половины XVII в. Памятники истории Муром. — Владимир, 2011. — Вып. 4. — С. 84.

¹⁷ Список с новоокладных книг по г. Мурому 1706 г. // Документы по истории Муромского посада первой четверти XVIII в. Памятники истории Муром. — Владимир, 2011. — Вып. 6. — С. 38.

¹⁸ Список с новоокладных книг по г. Мурому 1710 г. // Там же. — С. 61.

¹⁹ Описание г. Муром полковника Коробова 1723 г. // Там же. — С. 106, 108.

²⁰ См.: *Минжуренко А.* Купцы при Петре I: привилегии, субсидии и регламентация с коррупцией. Сайт РАПСИ // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://rapsinews.ru/incident_publication/20190806/302466877.html.

²¹ См.: Акт межевания монастырской земли (Троицкого Монастыря), произведенного в 1769 г. Дела Муромского Троицкого женского монастыря // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://lubovbezusl.ru/publ/istorija/murom/o/48-1-0-2820>.

²² Окладная книга муромского мещанства 1777 г. // РГАДА. — Ф. 745. — Оп. 1. — Ед. хр. 267. — Л. 3-34об. Мы пользовались электронной копией этого источника, любезно предоставленной М. А. Казанковой, за что ее сердечно благодарим.

²³ ГАВО. — Ф. 22. — Оп. 3. — Д. 364. — Л. 28: Ф. 301. — Оп. 5. — Д. 214. — Л. 93об. Ссылка на источники взята из материала «Купцы Муром», составленного В. Я. Чернышевым и размещенном ранее на старом сайте Муромского музея.

²⁴ МИХМ. Инв. № М-6681. 92x61 см. См.: Агапова О. В. Реставрация иконы «Избранные св. из Смоленской ц. г. Муром» // Сообщения Муромского музея — 2017. — Владимир, 2018. — С. 48-64. — Ил. 1-3; Сухова О. А. Собор «Муромских святых»: истоки и формирование иконографии // Уваровские чтения — XI. — Муром, 2019. — С. 148-149. — Ил. 8; она же. Петр и Феврония / Иконография // Православная энци-

клопедия. – М., 2019. – Т. 56. – Ил. 40.

²⁵ Тихонравов К. Н. Народная промышленность и ярмарочная торговля в Холуйской слободе Владимирской губернии // Владимирский сборник. Материалы по статистике, этнографии, истории и археологии. – М., 1857. – С. 27-28.

²⁶ Ковалева М. Д., Шипунова М. В. Комитет попечительства о русской иконописи (1901-1918): История и деятельность // Вестник РГГУ. – 2014. – № 17 (139). – С. 73-76.

²⁷ Свидетельство И. Патырмину от священника и церковного старосты Муромской Козьмодемьянской церкви – от 30 сентября 1866 г. // МИХМ. – Инв. № М-16153.

²⁸ Имеется в виду «гольд-фарба» – положенная поверх грунтовки масляная краска, к которой (пока она не засохла) прикладывают листочки сусального золота при золочении на олифе. См.: Плужников В. И. Термины российского архитектурного наследия. Словарь-гlossарий. – М., 1995. – С. 47.

²⁹ Свидетельства И. Патырмину 1869 г. от церквей Меленковского уезда сел: Синжаны – от 12 янв., Решнова – от 30 янв., Захарова – от 16 авг. // МИХМ. – Инв. № М-16152, 16151, 16149.

³⁰ Добронравов В. Г. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. – Владимир, 1897. – Вып. IV. – С. 48.

³¹ Там же. – С. 78, 104. В Захарове эта церковь построена на средства помещика Н. Д. Бычкова.

³² Свидетельство И. Патырмину от церкви с. Тарки Горбатовского уезда Нижегородской губ. от 20 марта 1871 г. // МИХМ. – Инв. № М-16155; о церкви см.: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sobory.ru/article/?object=34725https://sobory.ru/lastarticles/?page=1&auth=104>.

³³ Свидетельство И. Патырмину от церкви с. Свято Гороховецкого уезда от 15 июля 1871 г. // МИХМ. – Инв. № М-16154; Добронравов В. Г. Указ. соч. – Владимир, 1898. – Вып. V. – С. 462.

³⁴ Аттестат И. Патырмину от Единоверческой церкви при Дубасовском стекольном заводе Судогодского уезда от 27 ноября 1869 г. // МИХМ. – Инв. № М-16157.

³⁵ См.: Шнорр фон Карольсфельд, Юлиус // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.bidspirit.com/ui/lotPage/source/catalog/auction/2121/lot/113619/%D0%A1%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%BB%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D>

О. А. Сухова. Комплекс предметов из наследия Патырминых

1%82%D0%B8%D0%BD?lang=en; С-в А. (Сомов А. И.) Шнорр-фон-Карольсфельд // Российские универсальные энциклопедии Брокгауз-Ефрон и Большая Советская Энциклопедия объединенный словник – См.: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gatchina3000.ru/brockhaus-and-efron-encyclopedic-dictionary/116/116457.htm>.

³⁶ Проблеме западноевропейских образцов в иконописи была посвящена недавняя монографическая выставка в ГТГ. См. каталог: Библия Пискатора – настольная книга русских иконописцев. – М., 2019; Комова М. А. Иконное наследие Орловского края XVIII-XIX веков; тема диссертации и автореферата по ВАК РФ 17.00.04, кандидат искусствоведения. М., 2006 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/ikonnoe-nasledie-orlovskogo-kraya-xviii-xix-vekov>; Сурова А. А. Влияние западноевропейских образцов на русскую монументальную живопись синодального периода на примере храмов Тверской области // Актуальные проблемы теории и истории искусства. – СПб., 2012. – Вып. 2. – С. 395-400.

³⁷ Сурова А. А. – Указ. соч. – С. 399.

³⁸ Там же.

³⁹ Свидетельство И. Патырмину от церкви с. Заястребья Судогодского уезда от 31 октября 1870-х гг. // МИХМ. – Инв. № М-16156. Троицкий храм 1829-1840 гг. в с. Заястребье был действующим и в советское время, входит в список памятников архитектуры Судогодского р-на Владимирской обл. См.: Памятники истории и культуры Владимирской области. – М., 1996. – С. 405, 417. Ил. 3 в разд. «Иллюстрации. Судогодский р-н». О стенописи этого храма можно судить по нескольким снимкам 2004 г., имеющимся в электронном архиве нашего музея. Просматриваемые на них сцены «Воскресение Христово» и «Страшный Суд» («Всеобщее воскресение мертвых»), а также «Сошествия Св. Духа на апостолов», по всей видимости, восходят к каким-то другим образцам. Действительно ли были сохранены подлинные росписи Патырмина или записаны позже, пока неясно.

⁴⁰ См.: сн. 34; о церкви см.: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kopilkaurokov.ru/istoriya-rossii/uroki/konspekt_vneklassnogo_zaniatiia_na_temu_nashi_istoki.

⁴¹ Окладной лист сборам с недвижимого имущества И. Патырмина. 20 ноября 1873 г. // МИХМ. – Инв. № М-16164-33-23.

⁴² Таблица денежным сборам с семейства мещанина И. Патырмина. № 749. 1875 г. – МИХМ. – Инв. № М-16164-45.

⁴³ Чернышёв В. Я. МУРОМ. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК. – См.: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ist-konkurs.ru/raboty/2008/1149-murom-istoricheskij-ocherk>.

⁴⁴ Окладной лист И. Патырмину о сборе в пользу городских доходов с лошадей за 1887 г. // МИХМ. – Инв. № М-16164-31.

⁴⁵ Свидетельство И. Патырмину от церкви с. Ковардиц Муромского уезда от 20 июля 1891 г. // МИХМ. – Инв. № М-16150. О церкви см.: Добро-нравов В. Г. Указ. соч. – С. 212-213.

⁴⁶ Престолов в храме три: во имя св. Николая Чудотворца, в честь Казанской иконы Божией Матери и Архистратига Михаила. См.: там же. – С. 230-231; Скворцов А. И. Наследие земли Владимирской. Мону-ментальная живопись. – М., 2004. – С. 214.

⁴⁷ Сухова О. А. Житийная икона святых благоверных князей Константина, Михаила и Феодора Муромских. Александр Казанцев. 1714 год. – М., 2006.

⁴⁸ Отображение в иконе А. Казанцева и картине И. Патырмина опира-ется на древнерусскую «Повесть о водворении христианства в Муроме» (XVI в.). В ней описание крещения муромцев князем Константином восходит к летописному рассказу о крещении киевлян св. Владимиром. Муромский князь постоянно сравнивается с Владимиром святым.

⁴⁹ Похвальный лист И. Патырмину от Владимирской Духовной Консисто-рии от 25 янв. 1893 г. // МИХМ. – Инв. М-16140. О церкви см.: Добро-нравов В. Г. Указ. соч. – С.184.

⁵⁰ Счет И. Патырмина С. И. Тюрникову от 20 марта 1886 г. // МИХМ. – Инв. М-16162.

⁵¹ Список лиц, имеющих право участия в выборах в Гласные Муромской Городской Думы на четырехлетие с 1914 г. – Муром, 1914. – № 311.

⁵² МИХМ. – Инв. № М-6767. 31x27 см.

ДВЕ ГРАФИНИ ОДНОГО ФОТОГРАФА (БЫТОВАЯ МИФОЛОГИЯ В БИОГРАФИИ Н. САЖИНА)

В биографии известного муромского фотографа конца XIX — первой трети XX века Николая Николаевича Сажина, кочующей в Интернете с сайта на сайт¹, есть несколько утверждений, вызывающих, если не сомнение, то некое недоумение и страстное желание проверить их. Источник этой информации устанавливается без труда — это мемуары внука фотографа, Вадима Игоревича Сажина², pilota борта № 1, который в свое время возил всю советскую партийно-государственную верхушку.

Чтобы избежать упреков в предвзятости и неточности, следует, видимо, подробно привести семейную легенду, изложенную В. Сажиним: «Особенностью отцовской линии стала неразрывная связь его семьи с историей фотографии в России. Так получилось, что мои предки стояли у истоков зарождения этого искусства в России. Поэтому хочется рассказать о становлении знаменитых фотографов-художников Сажиных. Их, образно говоря, взлетная площадка располагалась в географическом треугольнике Муром — Арзамас — Нижний Новгород.

Мой прадед Николай Николаевич Сажин (Сажин номер один, так как все первые сыновья его потомков будут называться Николаями) был крепостным крестьянином в деревне Большое Мурашкино, расположенной недалеко от Арзамаса. Деревня эта принадлежала графине Уваровой, центральная усадьба которой находилась близ Мурома...

Таких деревень, как Большое Мурашкино, Уварова имела много. Тысячи крестьян трудились в них...

Николая Сажина от односельчан отличали не только трудолюбие, которое вообще было присуще русскому земледельцу, но и прирожденный талант художника, любовь к прикладному искусству, дарованная ему Богом.

Все свое свободное от тяжелого крестьянского труда время (это лишь длинные зимние вечера) Николай рисовал углем на бумаге, писал дешевыми красками на холсте и даже выжигал на бересте раскаленным на огне гвоздем портреты своих соседей и друзей. Он воспринимал мир как необъятное сочетание света и тени, цвета и многообразия его оттенков. Добавим к этому обостренное чувство композиции, что очень важно для художника, работающего в любом виде искусства. Если бы Николай получил возможность учиться и развивать свой талант, несомненно, из него получился бы большой художник. Но в крепостной деревне об учебе на художника, где вряд ли знали само это слово, нельзя даже было мечтать. Когда примерно в начале 30-х годов позапрошлого столетия в семье Николая Сажина родился первенец, Николай номер один стал передавать свои художественные навыки и секреты сыну — тоже Николаю Сажину (назовем его „Арзамасским”).

Художественный дар отца и его способности передались сыну. И уже через несколько лет вся деревня и окрестности знали о двух художниках — отце и сыне с одинаковыми именами. В 50-х годах XIX века слух о молодом Николае дошел до Мурома.

Графине Уваровой (кстати, родилась она в 1840 г. — Ю. С., Н. А.) доложили о способностях ее крепостных, прежде всего, о молодом Николае Сажине. Познакомившись с его работами, графиня решила использовать его талант для оформления декораций в своем крепостном театре. Успех театрального художника-самоучки превзошел все ожидания. За недолгий

срок самоотверженная творческая работа Сажина при усадьбе Уваровой сблизила графиню и крепостного (как говорили) не только в области художественной постановки спектаклей.

После нескольких лет „подневольного” труда в театре, графиней Уваровой было принято, надо полагать, трудное для обоих, но абсолютно справедливое решение направить Сажина в мировую художественную Мекку — Париж — на учебу. Там в школе художественной фотографии Николай Сажин с огромным интересом и прилежанием познавал все секреты рисунка, живописи и модной тогда фотографии, которая в ту пору называлась дагерротипия. Причем, надо отметить, что деятельность в области фотографии XIX века была сравнима с труднейшей научно-исследовательской работой в области химии, физики, а также одновременно и производства. С успехом окончив парижскую школу, Николай вернулся в Муром.

Он не забыл свою благодетельницу. В архивах муромского краеведческого музея до сих пор хранится прекрасный портрет графини Уваровой работы Н. Сажина. Будет справедливым подчеркнуть, что графиня также не забыла своего крепостного. Еще задолго до официальной отмены царем Александром II крепостного права в России графиня Уварова пожаловала своему фотохолопу вольную, то есть полностью освободила его и отпустила на все четыре стороны»³.

Хотим мы этого или нет, но к этому тексту в контексте нашей работы следует относиться как к историческому источнику. С этой точки зрения он, как подавляющее большинство такого рода свидетельств — мемуарных — страдает субъективностью и тенденциозностью. Проще говоря, автор предлагает свою версию событий и при этом хочет показать себя и предков с лучшей стороны. Как правило, все воспоминания грешат неточностями в датировке событий, поскольку пишутся мно-

Ил. 1. Графиня П. С. Уварова

с весьма приблизительной хронологией, скудными реалиями и беллетризованная таким образом, что практически невозможно понять, является ли какая-то часть изложения литературно украшенным фрагментом подлинной истории или это лирические отступления мемуариста. Это, собственно, и вызывает некоторые сомнения. И дело даже не в наивно-фантастических рассуждениях о художественных дарованиях предков.

Первое, самое очевидное и не требующее доказательств: портрета графини Уваровой работы Н. Сажина в Муромском историко-художественном музее нет и никогда не было, а портрет, опубликованный в книге В. Сажина, не имеет к ней никакого отношения. Точнее, отношение есть, но весьма специфическое, на уровне анекдота. В 1994 году тогда еще работавший муромский ликеро-водочный завод решил выпу-

го лет спустя после того, что происходило. В нашем случае мы еще имеем дело с устным преданием, в течение нескольких поколений бытовавшим в семье. Естественно, что часть изначальной информации в таком случае отсеивается, забывается, цензурируется, видоизменяется и ее место занимают более поздние вставки, достоверность которых далеко не безупречна, поскольку зачастую они основаны на домыслах. В рассказе В. Сажина сохранилась некая канва событий

Графиня Уварова.
Ил. 2. Портрет неизвестной,
приведенный В. Сажиным
как дагерротип П. С. Уваровой

стисть новую водку. Обратился в музей с просьбой оценить придуманное название: «Графиня Уварова». Музей товарную марку не одобрил, поскольку графиня была противницей употребления крепких напитков, а у себя в Карачарове объявила пьянству бой. Тем не менее, в начале 1995 года напиток все-таки появился в продаже, да еще с музейным портретом Уваровой на этикетке. Естественно, что сделано это было без всякого разрешения на коммерческое использование собственности, правами на которую обладал музей. Возникла ситуация подачи иска. Завод предложил мировую: поскольку у них уже был отпечатан тираж, а перерегистрация — дело хлопотное, и убытки за всем этим следовали немалые, попросили разрешения имеющийся тираж использовать, а затем этикетку заменить. Так оно и произошло. После того, как заготовленные этикетки закончились, на бутылках стали появляться самые разнообразные изображения, в том числе и портрет неизвестной красавицы, помещенный в книге В. Сажина. Кстати, по технике исполнения портрет не является дагерротипом.

Не удалось найти подтверждения и тому, что село Большое Мурашкино принадлежало Уваровым⁴. После того, как графиня в 1858 году вышла замуж за человека, которого всю жизнь горячо любила (почитайте ее письма), стала его помощницей

и, более того, сора́тницей, в селе Карачарове под Муромом, где было одно из их имений Уваровых, она бывала наездами. Только после смерти мужа с 1891 года стала проводить здесь довольно длительное время. Совершенно очевидно, что крепостные театры к тому времени уже канули в Лету, а «крепостной художник-декоратор» едва ли мог присутствовать в ее имении⁵. К тому же в архивных документах упоминаний о театре нет, как нет и его обозначения на планах уваровских усадеб в Карачарове и Поречье⁶. Не встретились такие сведения ни в мемуарах самой Прасковьи Сергеевны⁷, ни в свидетельствах круга Уваровых. В Карачарове ее занимали гораздо более важные дела: занятия наукой, организация археологических съездов, раскопок и изданий, ведение нешуточного хозяйства, деятельность более двух десятков благотворительных обществ, председателем и членом которых она состояла, и проч. Она и сама, что в контексте нашего повествования важно, занималась помощью нуждающимся: в Поречье, например, была устроена школа ремесел для крестьянских детей — мальчиков и девочек, где графиня вела уроки по собственной системе. В Карачарове была попечительницей школы, покровительствовала талантливому юноше, будущему академику нефтехимику И. М. Губкину и проч. Примеры можно продолжить — не в этом суть. Суть в том, что при благоприятном стечении обстоятельств она вполне могла бы, как представляется, оказать вспомоществование самородку из глухой провинции. Однако одних благих намерений графини Прасковьи Сергеевны Уваровой было бы мало.

Дело в том, что с. Большое Мурашкино принадлежало совсем другому хозяину, а вместе с ним и жившие в нем Сажины — Николай «Первый» и Николай «Арзамасский». В интересующее нас время Б. Мурашкиным сначала владел

князь Георгий Александрович Грузинский, губернский предводитель дворянства. Потомок древнего и знатного рода грузинских царей, он при крутом нраве и больших полномочиях повластно распоряжался округой, к тому же слыл весьма любвеобильным. Как о его произволе, так и о его добрых делах можно рассказывать долго⁸. М. И. Пыляев так охарактеризовал князя: «Он вообразил, что послан на Землю, чтоб покровительствовать всем бедным и угнетенным, в силу чего принимал к себе с большим радушием всех беглых и несчастных, а также укрывал у себя и бежавших от его соседей крепостных, чем-либо недовольных»⁹. Для нас же в очередной раз важно, что граф не чурался благотворительности, порою весьма щедрой¹⁰. В главной усадьбе князя — Лыскове — был крепостной театр, которым занималась и ставила в нем спектакли дочь князя — Анна Георгиевна (1798 г. р., т. е. была она на 42 года старше Уваровой. — Ю. С., Н. А.)¹¹. Этот театр, правда, исследователи относят «к примитивным доморощенным представлениям на наскоро сколоченных подмостках с размалеванной простыней вместо занавеса»¹². Бывший дворовый рассказывал: «Когда занавес поднимается, выдет с боку красавица Дуняша — ткача дочь, волосы наверх подобраны, напудрены, цветами изукрашены, на щеках мушки наклеплены, сама в помпадуре и в фижмах, в руке посох пастушечий с алыми и голубыми лентами. Станет князя виршами поздравлять, и когда Дуня отчитает, Параша подойдет, псаря дочь. Эта пастушкой наряжена, в пудре, в штанах и в камзоле. И станут Параша с Дунькой виршами про любовь да про овечек разговаривать, сядут рядом и обнимутся. Недели по четыре девок, бывало, тем виршам с голосу Семен Титыч сочинитель учил, были неграмотны. Долго, бывало, маются, сердечные, да как раз пяток их для понятия выдерут, выучат твердо. Андрюшку-поваренка

сверху на веревках спустят, бога-Феба он представляет, в алом кафтане в голубых штанах, с золотыми блестками. В руке доска прорезная, золотой бумагой оклеена, прозывается лирой, вокруг головы у Андриюшки золоченые проволоки натканы, в роде сияния. С Андриюшкой девять девок на веревках, бывало, спустят; напудрены все, в белых робронах, у каждой в руках нужная вещь: у одной скрипка, у другой святочная харя, у третьей зрительная труба. Под музыку стихи пропоют, князю венок подадут и такой пасторалью все утешаны»¹³.

Вот на этих подмостках, собственно, судьба и могла бы свести княжну Анну Георгиевну Грузинскую с крепостным художником Николаем Сажиним («Арзамасским»). Хотя очевидно, что для оформления таких спектаклей особого художественного таланта не требовалось. Свела ли — не знаем, документальных подтверждений нет. Домашняя легенда Сажиных утверждает, что свела.

После смерти князя Г. А. Грузинского в 1853 году владение Большим Мурашкиным¹⁴ и Лысковым перешло к его дочери, которая к тому времени уже девятнадцать лет как была графиней Толстой. В 1833 году она вышла замуж за своего четвероюродного брата, графа А. П. Толстого, и с той поры в своем имении бывала не столь часто, наездами, приезжая туда из Нижнего Новгорода, Москвы, Парижа, Санкт-Петербурга, т. к. ее муж был обер-прокурором Синода и членом Государственного совета.

Рискуя напустить тумана в эту и без того недостаточно резкую, как сказали бы фотографы — несфокусированную — картинку, придется все-таки вкратце коснуться истории замужества Анны Георгиевны. По воспоминаниям современников, она была очень красивой, хорошо образованной, острого ума, глубоко религиозной и скромной девушкой, к тому же сказоч-

но богатой, и отличалась невероятной добротой. По отношению к себе графиня была всегда строга и не позволяла никаких прихотей и излишеств. Ф. Ф. Вигель рассказывает, что она «убегала общества и, вопреки обычаям других красавиц, столь же тщательно скрывала красоту свою, как те ее любят показывать»¹⁵. В юности Анна пережила трагический роман, герой которого, Андрей Гаврилович Медведев, аптекарь из лысковской больницы, ответил взаимностью на ее любовь. Однако о свадьбе не могло быть и речи — он оказался внебрачным сыном сладострастного князя Грузинского, т. е. ее единокровным братом. Юноша ушел в монастырь, став со временем настоятелем Троице-Сергиевой лавры и управлял ей почти полвека; в 1998 году прославлен среди святых в лике преподобных¹⁶.

Княжна тоже попыталась удалиться в обитель, но была возвращена в мир. Только тридцати пяти лет от роду по уговорам отца она вышла замуж, став графиней Толстой. С мужем, очень верующим, который, опять же, по воспоминания современников, «был святой человек», тайно носил вериги, анонимно занимался благотворительностью, они жили «духовным браком». «Вся ее забота, — вспоминала А. Смирнова-Россет, — состояла в том, чтоб графу устроить комнаты, вентиляцию и обед по его вкусу»¹⁷. А. П. Толстой был дальним родственником Н. В. Голя, познакомился с ним в Париже, и тот жил у Толстых в Москве, в доме на Никитской, где сжег второй том «Мертвых душ» и где умер. Николай Васильевич очень подружился с Анной Георгиевной, чему во многом способствовал их взаимный интерес к религии¹⁸. Последние годы, а умерла она в 1889 году в Москве, где, овдовев, жила с 1873 года, основной заботой графини стала благотворительность. В. П. Мещёрский писал, что графиня Толстая «славилась в Москве беспредельной добротой к горьким нуждам жизни»¹⁹.

Практически все свое немалое состояние она завещала на всякого рода богоугодные дела, оставив, впрочем, толику наследства Е. Е. и Н. Е. Стоговым, крестной матерью которых была. Некоторые исследователи, как, например, М. П. Званцев, считают, что Елизавета и Николай были внебрачными детьми графини, хотя никаких документов, как-то подтверждающих это или то, что они — внебрачные дети князя Грузинского, не обнаружено²⁰.

Почти не остается сомнений, что такая женщина, заметив в своем крепостном искру божью таланта, могла отправить его учиться — даже в Париж. А вот сближение в области «не только художественной постановки спектаклей», как деликатно намекает автор мемуаров, по-прежнему остается под большим вопросом. «Где-то в начале тридцатых», когда родился наш герой Николай «Арзамасский», Анне Георгиевне было уже под тридцать пять лет. Вскоре она вслед за мужем стала надолго покидать родную усадьбу: с 1834 г. граф занимает пост Тверского гражданского губернатора, с декабря 1837 г. — военного губернатора в Одессе, а в феврале 1840 г. уехал с женой за границу, в хорошо знакомый ему по годам прежней дипломатической работы Париж, вернувшись к службе только в 1855 году²¹. После этого в Париж они уже не ездят, поскольку муж занят на высоких государственных постах. Сколь часто она бывала в Лыскове в те годы, сказать трудно. Возможно, по дворянскому обыкновению, лето проводили в деревне, зиму — в городе. Казалось бы, этот период — после 1855 года — представляется наиболее возможным для встречи Толстой с Николаем. Графине уже близится к шестидесяти (по понятиям того времени — глубокая старуха), Николаю — около двадцати пяти. Сложно судить и о том, насколько хозяйка увлечена театром: светская литература ее давно не интересует, читает

духовные книги, любимое чтение — Евангелие, общаться предпочитает с ученым духовенством, хотя, конечно, можно ставить спектакли и по религиозным сюжетам... Так что судить и о том, насколько ей был нужен театральный художник, тоже весьма проблематично.

Тем не менее, семейная легенда Сажиных гласит, что графиня отправила юношу учиться в Париж, правда, непонятно, с какой целью, чему, почему и зачем. Сделать из него собственного графского фотографа? Но мемуарист утверждает, что Николай получил вольную еще до отмены крепостного права. К тому же деятели русской науки — а это очень узкий круг — впервые познакомились с фотографией в 1839 году, но уже в 1840-м московский гравер и изобретатель Алексей Греков открыл первый в России «художественный кабинет» для портретной фотосъемки, в 1843 г. открылся кабинет дагерротипии в Казани, в 1854 — фотокабинет в Саратове²² и т. д. Таким образом, на взгляд со стороны — даже если только принять во внимание проблемы со знанием французского языка, не говоря уже об общем уровне образования, — парня из нижегородской глубинки проще, дешевле и надежнее было отправить учиться в какую-либо российскую мастерскую.

Если же дать ему редкую профессию и отправить в «свободное плавание», следовало иметь в виду, что занятия фотографией тогда были безумно дороги. В середине XIX века камера для съемки стоила 400 франков²³. На российские деньги это было (примерно) 100 руб. золотом, или 1500 руб. серебром, или до 5250 руб. ассигнациями по курсу²⁴ (для сравнения: в двух купчих, хранящихся в Муромском музее, указана, например, цена крепостных: в 1805 году девушку продали за 100 руб. ассигнациями, в 1821 — юношу за 200 руб.²⁵). Это не считая накладных расходов, куда входила и стоимость серебряных пла-

стин, и солей золота, ртути. Сюда же входила необходимость содержать и специально оборудованный павильон для съемки, поскольку аппаратура была тяжела и громоздка, а выдержка при фотографировании достигала пятнадцати минут, и кабинет для обработки фото, так как препараты были ядовиты. Случалось, что неосторожный фотограф погибал от отравления. Так что даже овладевшему ремеслом/искусством фотографии простому крепостному (вольному?) крестьянину было бы чрезвычайно сложно открыть свое дело. Трудно было рассчитывать и на большой спрос: в это время стоимость снимка в Москве, например, могла равняться месячному жалованью служащего²⁶. Откуда же взялся загадочный портрет, после которого графиня благословила выученика на все четыре стороны? Для того, чтобы этот портрет появился, нужно, чтобы три необходимых условия — графиня, фотограф и мастерская — совпали в одно время в одном месте, совсем как триединство места, времени и действия в драматургии классицизма XVIII-XIX веков.

Однако свой первый салон Н. Сажин открыл только в 1876 году в Княгинине²⁷, то есть до этого времени своей фотоаппаратуры у него не было. Таким образом, получается, что фотография могла быть сделана только в Париже и до 1855 года, а это несколько смещает акценты. Наиболее правдоподобной в этом крайне сомнительном варианте биографии выглядит версия, что Николай оказался в Париже не сам по себе, пусть и волею пославшей его графини, а в одну из заграничных поездок был включен ею в сопровождавшую прислугу. Что, почему и как произошло в Париже — сложно даже догадываться, тем более, что остается под большим сомнением знание Сажиним французского языка. Но это умозрительная, скорее даже фантастическая версия, которая как-то прочитывается в туманных семейных преданиях.

Вернулся в Россию Николай (если он вообще куда-то уезжал) до 1865 года, поскольку в этом году он женился²⁸. Ему было уже за тридцать, а в то время для крестьянских парней это был нетипично поздний возраст обзаведения семьей, что косвенно может свидетельствовать об его отсутствии на родине. Техника фотографии совершенствовалась, и во второй половине XIX в. процесс фотосъемки и фотопечати стал быстрее и проще, техника — легче и дешевле, отпечатки можно было тиражировать. Аппарат для съемки, скажем, уже весил не 140 кг, а около 45-ти, а потом и того меньше. Фотографии, хотя и оставались достаточно дорогими — от 50 коп. до 11 руб. серебром, стали более доступны обывателю. Однако, несмотря на это, чтобы открыть свое фотодело, деньги требовались немалые. Николаю после женитьбы потребовалось одиннадцать лет.

Показательно, что в воспоминаниях Вадим Сажин называет графиню только по фамилии. Ни имени, ни отчества не приводится. Считанные единицы муромцев знают, что в разное время село Карачарово принадлежало кн. В. Я. Сулешову, кн. Черкасским, гр. Шереметевым и гр. Разумовским. Последней владелицей карачаровской усадьбы была графиня Прасковья Сергеевна Уварова, соответственно, в городской памяти оно осталось как «уваровское». Для жителей города слова «графиня» и «Уварова», являются, по сути, синонимами, вызывая привычный для муромцев ассоциативный ряд. Автор мемуаров родился в Муроме в 1932 году, и для него сочетание «графиня Уварова» было привычным оборотом. Домашние рассказы, которые он, видимо, слышал в детстве, и в которых фигурировала некая «графиня», прочно связались в его сознании с Уваровой.

Во всей этой семейной истории, как видно, гораздо больше вопросов, чем ответов, и с полной определенностью можно утверждать только то, что Сажины из Большого Мурашкино

не были крепостными Уваровой, а в Париж — если он был в биографии Сажина — его возила графиня Анна Александровна Толстая, урожденная княжна Грузинская. Прасковья Сергеевна Уварова, судя по всему, вообще не знала о существовании этого крестьянина.

Ряд вопросов снимается, если к семейной версии приложить изыскания нижегородских краеведов. М. М. Хорев пишет, что князь Г. А. Грузинский незадолго до своей смерти, которая последовала в 1852 г., решил завести у себя в нижегородском доме дорогую и модную новинку — дагерротип. Учиться же новому делу — «мокрой» технике дагерротипа — он таки отправил двух «смышленных» крестьян: Николая Козина и его двоюродного брата Николая Сажина. Правда, овладели знаниями они далеко от Парижа — в Москве. В 1859 г. на втором этаже флигеля дома А. Г. Толстой на Грузинской улице в Нижнем Новгороде Козин открыл фотомастерскую. И весьма интересная деталь: как в бродячих фольклорных сюжетах, кочующих из сказки в сказку, из страны в страну возникает уже козинская история с портретом высокопоставленной персоны. Во время посещения Нижегородской ярмарки наследником государя императора, Козин, якобы, сделал его портрет, который настолько понравился цесаревичу, что фотограф получил в награду золотые часы и разрешение продавать портрет всем желающим. В отличие от легенды с сажинским портретом графини, дошедшем до нас в «домашней» транскрипции, эта история задокументирована в заметке Н. Овсянникова из «Справочного листка для Нижегородской ярмарки» за 1861 г.²⁹ Однако и с этим портретом нет ясности: наиболее вероятное время для снимка цесаревича (Николая Александровича, ум. в 1865 г.) — это август 1858 года, когда Александр II приезжал в Нижний «с семьей».

Ю. М. Смирнов, Н. Д. Антонова. Две графини одного фотографа

Во-первых, это произошло за год до открытия мастерской Козина, а, во-вторых, среди членов семьи императора указываются только его супруга и дочь Мария³⁰. В этой же заметке вскользь отмечено, что «виды села Лыскова и Макарьева сняты г. Козиным вместе с его двоюродным братом Г. Сажиним», из чего, собственно, можно сделать предположение, что своей мастерской у Сажина нет, но он какое-то время имел возможность работать вместе с Козиним, а к 1861 году переехал в Симбирск³¹. Правда, фотографа с такой фамилией в Симбирске нам пока не удалось отыскать.

¹ См., например: Евгения Сазонова. Муромские жители в портретах Николая Сажина // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://runivers.ru/gallery/photogallery/stories/41197/>; Аркадий Зражевский. Фотографы дореволюционной и послереволюционной России // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://zrazhevsky.krasno.ru/Oldfotos/Sazhin.htm>; Фотопрогулки // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://foto-progulki.ru/sazini-foto%20sazini-foto>; [Электронный ресурс]. — Режим доступа: ru.wikipedia.org/wiki/Сажин,_Николай_Николаевич; Сажин, Николай Николаевич // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B0%D0%B6%D0%B8%D0%BD_%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0%D0%B9_%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87; Комлев А. Р. Муромский фотограф Николай Сажин // Уваровские чтения — X. — Владимир, 2018. — С. 228.

² Сажин В. Записки кремлевского пилота. Воспоминания. — Владимир, 2003.

³ Там же. — С. 10-12.

⁴ См.: Приложения к трудам редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях. — СПб., 1860. — Т. 1, 2.

⁵ См., например: Горячев Н. Н., Антонова Н. Д., Удалов А. А. Театральная история Муром. — Выкса, 2019.

⁶ Бондарева Н. Усадьба Поречье (Уваровых) // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://naturka.ru/muzey-usadba/porechie.html>; Сазонова Е. Графы Уваровы // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://old.museum-murom.ru/project/fotoletopis-muroma/fotovystavki/grafy>

uva.gov; Карачарово: дворец графини-археолога // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://holiday-trips.ru/page/karacharovo-dvorec-grafini-arheologa>.

⁷ Уварова П. С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. – М., 2005. – Труды ГИМ. – Вып. 144.

⁸ Мясникова А. Н. Князь Грузинский и его столица – село Лысково. – Н. Новгород, 2013; Сухорукова М. Из рода Давидова. – Н. Новгород, 2013.

⁹ Пыляев М. И. Замечательные чудачки и оригиналы. Цит. по: Князь Георгий Александрович Грузинский, владелец с. Всехсвятского, Лыскова и мн. других // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stapelia2784.livejournal.com/68012.html><https://stapelia2784.livejournal.com/68012.html>.

¹⁰ г. Лысково. Усадьба Грузинских // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nckn.ru/component/k2/item/29-g-lyskovo-usadba-gruzinskikh>; Последняя любовь Гоголя // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://igorob.livejournal.com/3124.html>.

¹¹ Там же; НИКИТА КИРСАНОВ. «БЛАГОСЛОВЛЯЮ ДЕСНИЦУ БОЖИЮ...» (2). // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.liveinternet.ru/users/4211284/post373316824/>; В. Сахновский. Крепостной усадебный театр. – М.-Л., 1924 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.booksite.ru/usadba_new/world/16_4_03.htm.

¹² Известные крепостные театры // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: uzlit.ru/813239/izvestnye_krepostnye_teatry.

¹³ Пыляев И. М. Старое житье. – СПб. 1892. – С. 17.

¹⁴ См.: Приложения к трудам редакционных комиссий... – Т. 2.

¹⁵ Воропаев В. А. «Я вас полюбил искренно...» Графиня А. Г. Толстая и ее отношения с Н. В. Гоголем // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.domgogolya.ru/science/researches/1397/>.

¹⁶ Последняя любовь Гоголя // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://igorob.livejournal.com/3124.html>.

¹⁷ Толстая Анна Георгиевна, ур. кн. Грузинская // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stapelia2784.livejournal.com/68194.html>.

¹⁸ См.: Воропаев В. А. «Один из немногих избранных» Граф А. П. Толстой и его отношения с Н. В. Гоголем // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.portal-slovo.ru/philology/44730.php>; Владимир Воропаев. Смиранный обер-прокурор Синода // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: orthedu.ru/ch_hist/hi_grz/45116sm.htm.

¹⁹ Толстая Анна Георгиевна, ур. кн. Грузинская // [Электронный ресурс]. –

Ю. М. Смирнов, Н. Д. Антонова. Две графини одного фотографа

Режим доступа: <https://stapelia2784.livejournal.com/68194.html>.

²⁰ АРХИВ ЦАРЕВИЧЕЙ И КНЯЗЕЙ ГРУЗИНСКИХ // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nounb.sci-nnov.ru/fulltext/manuscripts/arh.html>.

²¹ О пребывании Толстых в Париже см. упоминания: Бежанидзе Ю. И., Фирсов А. Г. Александр Петрович Толстой // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://istorja.ru/articles.html/russia/bezhanidze-yu-i-firsov-a-g-aleksandr-petrovich-tolstoy-r453/>; НИКИТА КИРСАНОВ. Указ. соч.; Воропаев В. А. «Один из немногих избранных...»; он же: «Я вас полюбил искренно...»

²² Максимов Е. К., Сафронов Ю. А. Старый Саратов на фотографиях и открытках. — Саратов, 2004.

²³ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.fotokomok.ru/samye-dorogie-fotokamery-v-istorii/>.

²⁴ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://investflow.ru/blog/mfursov/chem-rubl-serebrom-otlichaetsya-ot-rublya-zolotom>.

²⁵ МИХМ. М-9684. — Л. 1; М-9694. — Л. 1.

²⁶ Фотография 19 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.photorepair.ru/fotografiya-19-veka>.

²⁷ Из письма М. В. Бондаревой (Сажинной) Ю. М. Смирнову от 4 июля 2019 г.

²⁸ Там же.

²⁹ Овсянников Н. Фотография Н. А. Козина // Справочный листок для Нижегородской ярмарки. — 1861. — 25 авг.

³⁰ См., например: Царственные особы в Нижнем Новгороде. К читателю // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <files/bib-posobiya...1268815844.doc>.

³¹ См.: Хорев М. Пионеры волжской фотографии // Приволжская правда. — 1985. — 2 нояб.; Хорев М. М. Пионер нижегородской фотолетописи Николай Андреевич Козин (1817-1897) // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ns.nounb.sci-nnov.ru/library/clubs/310517etn.php>; [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://docviewer.yandex.ru/view/1130000002600376/?*=N1ARp%2FLRVjwLtP50q6%2FiWHv7iqB7InVybCI6InlhLW1haWw6Ly8xNzA1NzM4MzU4ODY2NjQ2MjYvMS4yIiwidGl0bGUiOiLRhNC%2B0YLQvtCw0YLQtdC70YzQtS5kb2N4liwibm9pZnJhbWUiOmZhbnHNlLCJ1aWQiOiIxMTMwMDAwMDAyNjAwMzc2IiwidHMiOiE1NzIyNDMzMjA0MDEsInl1joiNTk1NTk4MDY0MTUwMjIzMzcwNyJ9. Сердечно благодарим М. В. Бондареву из рода Сажиных, любезно указавшую нам на эту группу источников.

ЗАПРЕТНЫЕ ПЛОДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ (О НЕЛЕГАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ В МУРОМЕ НАЧАЛА XX ВЕКА)

По-видимому, провинциальный Муром издавна был читающим городом. Во всяком случае, в 1621-24 гг. Муром по централизованному развозу получил 71 экземпляр новых изданий, выпущенных Московским печатным двором, а первые упоминания о частной покупке муромцами за год восьми книг четырех названий в типографской книжной лавке на Никольской улице Москвы относятся к 1636-37 годам. Яркая особенность этих покупок заключалась не только в том, что муромцы обогнали пятьдесят пять городов по числу покупок, но и в том, что большинство из книг были приобретены светскими людьми. Для того времени это было большой редкостью, потому что книги обычно покупало духовенство¹.

К началу XX века в Муроме сложились книжные комплексы, характерные для русской провинции того времени: публичная библиотека, книгохранилища учебных заведений, церквей и монастырей, различных обществ, личные собрания жителей.

Городская публичная библиотека — одна из первых во Владимирской губернии — начала работать в 1866 году по инициативе городского головы А. В. Ермакова².

Как правило, библиотеки существовали и при каждом учебном заведении. К 1917 году в Муроме их было восемнадцать. Книжный фонд библиотеки старейшего учебного заведения города — уездного училища, открытого в 1779 году, в 1851-1852 годах пополнился изданиями из домашнего собрания муромского дворянина Д. Л. Бычкова. Своя библиотека, даже

две, была и при реальном училище³, — одна легальная, подразделявшаяся на фундаментальную и ученическую, другая — подпольная, собранная самими реалистами и просуществовавшая много лет, поскольку по 10-му пункту инструкции для классных наставников ученикам можно было пользоваться литературой только из ученической библиотеки. Из фундаментальной, предназначенной для педагогов, ученикам разрешалось выдавать книги по особому ходатайству преподавателей и под их личную ответственность⁴. Еще на заседании 1882 года инспектирующий преподаватель И. А. Крылов счел «несвоевременным, не соответствующим программам и целям средних учебных заведений разрешать выдачу книг... Достоевского (Идиота), Тургенева (Новь), Гончарова (Обрыв) и многие другие» для учеников 6-го и 7-го классов⁵. Ученическая же библиотека комплектовалась в соответствии с рекомендательными списками Министерства народного просвещения в первую очередь литературой религиозно-нравственного содержания⁶, т. е. реалисты были лишены возможности доступа к многим книгам.

Имели свои библиотеки все монастыри — Спасский, Благовещенский, Троицкий и более двадцати городских храмов. Практически в каждом из них складывался свой книжный фонд богослужебной и духовно-нравственной литературы, в том числе, и за счет вкладов прихожан. Встречались настоящие раритеты, такие, как замечательные памятники письменности XVI века «Лицевой синодик» и «Вкладная книга» в Спасском монастыре⁷. Библиотеку при Богородицком соборе И. М. Тихомиров, служивший в нем священником 1841-1846 гг., определил как «очень порядочную». Впоследствии он стал синодальным ризничим, архиепископом, членом-корреспондентом Императорского русского археологического общества, а его научные труды были отмечены высочайшими награ-

дами. Кстати, личную библиотеку он начал собирать именно в Муроме⁸. Среди списков был у Тихомирова экземпляр запрещенного литографированного русского перевода книг Ветхого Завета, по поводу которого он писал своему другу: «Я постараюсь держать их как можно секретнее; а при первом требовании вручу в руки правительства... их перечитать всех не успел: впрочем, постараюсь прочесть»⁹.

Своя библиотека была у архимандрита Мисаила, в разное время настоятеля Благовещенского и Спасского монастырей.

Даже в тюрьме была библиотека. Когда революционеру А. Шляпникову пришлось провести в ней некоторое время в заключении, а доставкой книг с воли — кроме передачи «Записки о каторге» Л. Мельшина (П. Ф. Якубовича) — никто не озаботился, он в этом «убогом», по его мнению, собрании нашел все-таки что-то полезное для себя: старые журналы «Русское Богатство», «Мир Божий», «Русская Мысль» и др.¹⁰

Книжные собрания формировались при различных обществах и кружках¹¹. Политической и научно-популярной литературой комплектовались библиотеки Муромского студенческого кружка и Организации учащихся средне-учебных заведений г. Мурома. Некоторые книги из них сегодня хранятся в Муромском музее: А. Эспинас «Социальная жизнь животных. Опыт сравнительной психологии, с прибавлением краткой истории социологии» (СПб., 1898); В. О. Ключевский «Курс русской истории» (М., 1916); сочинения Э. Вурма, П. А. Кропоткина. На корешке переплета издания Э. Бернштейна «Исторический материализм» (СПб., 1901) имеется суперэкслибрис в виде тисненых инициалов «К. А.». И. Пронин рассказывает об обыске и изъятии нелегальной литературы в квартире муромских дворян Александровских. В квартире присутствовали

«К., В. и С. Александровские, И. Пронин и А. Былинский»¹². Можно предположить, что инициалы «К. А.» расшифровываются как К. Александровский. На книге Э. Вандервельде «Социалистические этюды: Социализм и религия» (СПб., 1906) есть владельческая надпись М. Зворыкиной. Вероятно, это Мария Николаевна Зворыкина (1873-1958). Происходила из семьи муромских купцов Н. А. и Е. А. Зворыкиных. В конце 1902 года Мария Николаевна, отсидев в тюрьме по политическому делу, была выслана из Москвы в Муром под надзор полиции. Затем вместе с учителем И. В. Деевым, за которого вышла замуж, обосновалась в Коврове, где работала акушеркой при земской управе¹³.

Из личных собраний наиболее крупное было у графов Уваровых. В 1890-е гг. в Карачаровское имение была перевезена, по-видимому, рабочая часть огромной пореченской библиотеки, изначально тщательно подбирившейся министром просвещения С. С. Уваровым не одно десятилетие. Библиотекарь Уваровых — Август Ладраг — сам владел хорошим книжным собранием. Среди томов его библиотеки, хранящейся ныне в музее, есть издание в двух частях по истории разносных книг Шарля Низара, французского филолога и историка литературы¹⁴. Являясь заместителем министра полиции в 1850 году, тот занимался выявлением и изъятием этих книг. Попутно Низар собрал неплохую коллекцию популярной нелегальной литературы и выпустил первое историческое исследование, посвященное этому вопросу.

Своими домашними библиотеками пользовались семьи Брюховых, Бычковых, Добрынкиных, Жадиных, Железниковых, Зворыкиных, Куликовых, Мельниковых, Перловых, Синевых и др. Нередко книги собирались на протяжении нескольких поколений, поэтому в такой библио-

теке можно было увидеть подлинные редкости. Например, у М. С. Железникова — «Граматику» Смотрицкого, изданную в 1648 г., «Азбуку», вышедшую в 1781 г. в старообрядческой типографии г. Супрасля. В семье купцов Синеваых — так называемый «Муромский сборник» начала XIX века, написанный от руки на голубой бумаге¹⁵.

В «Муромские сборники» порою входили произведения, идущие вразрез с установками официальных властей¹⁶. Кроме этих сборников, от руки копируемых в городе до начала XX века, упоминание о чем стало хрестоматийным, часть муромской интеллигенции, увлеченная «толстовством», занималась перепиской произведений Л. Толстого, не допущенных к печати цензурой¹⁷.

Лелея розовую мечту о создании музея в Муроме, местные энтузиасты одним из краеугольных камней в его основании считали научную библиотеку. При этом у трех столичных студентов — бывших муромских реалистов — А. Н. Рябинина (Горный институт), А. В. Зворыкина (Академия художеств) и Н. В. Кондратова (Технологический институт), возникла еще идея создания библиотек для муромского населения в обход официальных институций. Студенческая тройца случайно собралась в одной петербургской квартире 20 октября 1894 года. Хотя, если говорить строго, случайность их встречи все же была обусловлена: в этот день умер император Александр III. Рябинин вспоминал: «Быть одному не хотелось, чувствовалась потребность обменяться мыслями с друзьями, было ощущение того, что что-то оборвалось и ушло безвозвратно, и начинается неизвестное и новое... Трудно передать все наши тогдашние разговоры, но хорошо помнится одна мысль, объединившая нас: „Прошли, канули в вечность восьмидесятые годы, прошли без возврата“... Это значило, что про-

шла и реакция этих годов, и что мы стоим на пороге грядущих событий нового царствования»¹⁸.

К этому времени осознание народного невежества и помыслы о необходимости широкого просвещения овладели либеральной интеллигенцией. С 1893 года в новом составе интенсивно заработал Комитет грамотности при Императорском вольно-экономическом обществе, у которого было много помощников по издательству дешевой литературы, составлению и рассылке библиотек, устройству читален. Намечался вопрос о создании народных музеев. Подобные комиссии нелегально работали в Технологическом и Горном институтах, и по их примеру решили действовать студенты-муромцы. В скором времени к ним присоединились М. Н. Гладков, А. А. Лебедев, И. М. Губкин, А. В. Заорский, В. В. Гладкова и др. Установили членские взносы — 20 коп. в месяц, собирали пожертвования в Муроме во время рождественских каникул — набрали 20 руб. После этого начали отбирать и рецензировать книги для рассылки. В подборку включали не только издания Комитета грамотности, но и те книги, которые любили сами студенты и читатели нелегальных библиотек: «Углекопы» Э. Золя; «Овод» Э. Войнич; «Черные богатыри» Е. Конради; «На рассвете» Т. Ежа и др. Первым делом книги отправили в ближайšie к Мурому села, учительницы которых имели мужество принять «столь опасный в то время дар»¹⁹.

Эти годы совпали и с распространением марксизма в России. В ходе дискуссий в муромском землячестве было решено отправлять книги еще на фабрики и заводы, причем, некоторые члены общества настаивали, чтобы к обычной литературе добавлялась нелегальная, изданная «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса»: прокламации, брошюры Ш. Дикштейна «Кто чем живет» (изложение пер-

вого тома «Капитала» К. Маркса), Г. Гауптмана «Ткачи», Л. Н. Андреева «Царь-голод» и др. В октябре 1896 года по доносу провокатора А. Н. Рябинин был арестован, отбыл кратковременное заключение и по окончании института весной 1897 года выслан из Петербурга, годом раньше оттуда уехали М. Н. и В. В. Гладковы.

В 1898-1901 годах муромское землячество в Питере пополняется: в него вступают Н. В., Е. П. и М. П. Суздальцевы, А. К. Зворыкина, сестры Засухины, присоединяется вернувшийся А. Н. Рябинин. В это же время муромцы вошли во владимирское землячество, связанное с движением социал-демократов, и их интересы, таким образом, распространились на всю губернию. Литературу, в т. ч. и нелегальную, отсылают в основном в Иваново-Вознесенск.

За беспорядки многие студенты были высланы из столицы, и активность землячества насколько утихла. Основную революционно-просветительскую деятельность пришлось вести А. В. Зворыкину и присоединившемуся к нему К. Н. Гладкову, которого тоже вскоре арестовали и после заключения выслали в Муром. Возвратился он в 1904 году, но уже для прохождения службы в лейб-гвардии Семеновском полку.

Тем не менее, с осени 1903 года состав муромской группы значительно вырос. Во-первых, возвратились ранее высланные, во-вторых, многие выпускники муромского реального училища продолжили образование в Петербурге: А. А. Серебренников («завзятый библиофил» по характеристике А. Н. Рябинина, энергично перестроивший всю работу), Мих. Вальц, Д. Засухин, К. В. Кондратов, Л. Фанталов, Н. К. Леошкевич, А. И. Лебедев и др. — всего человек двадцать-двадцать пять. Материально положение студентов было разным, поэтому установили членские взносы по возможности и желанию —

10, 25 и 50 коп. Кроме того, на каникулах в Муроме студентами из Петербурга, Москвы, Киева устраивались концерты, сборы от которых, достигавшие иногда 300 руб., поступали в кассу землячества. Наладилась постоянная связь с учениками муромского реального училища, и их «вольная библиотека» пополнялась книжными новинками. Перепадала толика городской и другим легальным библиотекам. В рассылаемые библиотечки ценой 15-20 руб. входили революционная беллетристика (Э. Золя, Р. Джованьоли, Э. Войнич, Т. Еж, заграничное издание «Матери» М. Горького), книги по политической экономии (Б. Свидерский «Труд и Капитал», А. Богданов «Курс политической экономии») и другие легальные и нелегальные издания²⁰.

Землячество продолжало расти. За четыре последующих года в него вступили относившие себя к меньшевикам С. И. Гуреев, Л. Взданковская, Над. Фридберг, Е. Мошенцева и А. Пронина²¹.

Одна из причин, по которой официальная библиотека при реальном училище в Муроме не устраивала учеников, заключалась в том, что на получение из нее книг следовало получить одобрение учителя. В марте 1905 года, во время забастовки, десятым пунктом выдвинутых реалистами требований значилась «беспрепятственная выдача книг по усмотрению учеников из училищной фундаментальной библиотеки»²². Поэтому уже в 1896-1897 гг. учениками старших классов была создана нелегальная ученическая библиотека, в которой концентрировались лучшие книги. Все было «по-настоящему»: библиотека имела свой устав, который вместе с протоколами собраний хранился у секретаря, книги помечались печатью в форме черной звезды. Особо почетными считались должности так называемых «мытарей» — сборщиков членских взносов. Просто так в эту

библиотеку попасть было невозможно: вербовка членов велась очень осторожно и тщательно, с обязательным обсуждением кандидата. Размещали ее на квартирах тех учеников, чьи родители были на хорошем счету: Гладковых, Гундобиных, Дубовых, Засухиных, Зворыкиных, Мошенцевых и др. В случае опасности разоблачения предусматривалось ее быстрое перемещение. Например, «в 1907 г. библиотека, помещавшаяся в кв. братьев П. и А. Дубовых по Вознесенской ул., чуть ли не рядом с общежитием стражников, быстро исчезла оттуда на Никольскую улицу, причем, чтобы не возбудить подозрений, самая ценная часть ее была перенесена в полах ученических шинелей между верхом и подкладкой, куда книги опускались через прорезанные карманы»²³. Порой чтение нелегальной литературы проходило в небольших группах. Е. А. Куликова вспоминала, что однажды во время такого чтения в доме родителей Зворыкиных их предупредили, что возле дома появился жандарм. Гимназистки с перепугу выпрыгнули в сад через окно второго этажа²⁴.

В августе 1907 года непосредственно министр просвещения прислал нового директора училища В. Комарницкого, которому были предоставлены особые полномочия. Библиотека подвергается опасности и на время перестает работать. Тем не менее, в середине декабря проходят обыски у бывшего реалиста А. Былинского, реалистов А. Китаева, П. и А. Дубова, А. Орловского, А. Клевцова, И. Пронина, Н. Пронина, С. и В. Александровских, гимназисток Е. и Э. Изерович; у многих из них найдена нелегальная литература²⁵.

На нелегальном положении библиотека просуществовала почти 20 лет, и только после февральской революции, понеся значительные утраты от жандармских обысков в годы реакции, была передана в фундаментальную библиотеку реального училища. Книг из этой библиотеки обнаружить пока не удалось.

Муромское землячество в Петербурге, обзаведясь собственными связями, которые поддерживались через А. В. Зворыкина, отделилось от владимирского. На собрании сформулировали задачу: революционно-просветительная деятельность среди рабочих кружков своего края путем подбора и рассылки библиотечек, и впервые послали библиотеки и нелегальные издания в рабочие кружки Муром и Кулебакского горного завода. Более того, землячество попыталось размножить на гектографе в квартире К. Н. Гладкова «Историю революционного движения в России» А. Туна, статьи из «Подпольной России», С. М. Степняка-Кравчинского, а также стихотворения на злобу дня. Рассылка библиотек становится еще более интенсивной. Землячество отправляло их целыми корзинами. Изменился и их состав: больше включается марксистской — из изданий «Нового времени», «Молота», «Колокола», а также эсеровское издание «Рассказы из русской истории» Л. Шишко.

Кроме конспиративной библиотеки реалистов и уже упомянутых нелегальных сельских библиотек, в Муроме и округе появлялись новые книжные собрания, скрытые от официальной власти: в стране зреют революционные настроения. Посылаются большие библиотеки в Вачу, Новоселки, Казаково. Бывало, что отправленные партии литературы перехватывались жандармами. С мест сообщали, что полученные книги читаются «с львиной жадностью».

Уроженец Муром, революционер А. Г. Шляпников, впоследствии первый нарком труда РСФСР, лидер «рабочей оппозиции», репрессированный и расстрелянный в 1937 году, вспоминал: «Помню отрывочные рассказы о нигилистах, которые почитывали „запрещенные“ книжки... Мы... знали, что среди учителей, врачей и др. городской и сельской интеллигенции такая литература имелась, но держалась исключительно

в своей среде... Работая на фабрике в селе Ваче, вместе с одним товарищем... пытались различными путями раздобыть хоть какую-нибудь запрещенную книжку, но безуспешно. Однажды нам удалось напасть на след запрещенной литературы... В селе Ваче был очень хороший церковный хор, хозяева фабрики подерживали его, и слух об этом привлекал туда многих искавших заработок голосом. Один из таких путешествующих певчих, семинарист или монах, дал нам „запрещенной” литературы, оказавшейся порнографической»²⁶. Потом Шляпников работал на заводе в Сормове, где познакомился уже с настоящей нелегальной литературой и, возвращаясь в Муром, кое-что прихватил с собой (газету «Искра», роман о революционерах С. М. Степняка-Кравчинского «Андрей Кожухов», листовки). В Муроме поступил на завод «Торского товарищества». Рабочая молодежь на заводе была читающей, особенно увлекались Горьким. Вскоре вокруг Шляпникова сплотился кружок рабочих, который и стал первым читателем и распространителем нелегальных изданий²⁷. Ночью намеченным товарищам подбрасывали на квартиру прокламации и брошюрку, а потом выясняли, как «товарищ» отнесся к находке. Если положительно, то ему уже открыто предлагали литературу²⁸.

В конце 1904 года Шляпников, познакомившись со студентами Ф. Курицыным, С. Гуреевым, А. Серебряниковым, Федосеевым, уже имеет для своего кружка «усиленное снабжение книгами» от землячества, в том числе и легальной литературой, специально подобранной для читателя-пролетария.

В 1905 году библиотека обрела официальный статус, поскольку был организован профсоюз металлистов, который ставил целью, в том числе, приобретение литературы и снабжение ею рабочих²⁹. Разместилось книжное собрание в старой конторе завода П. Ф. Валенкова.

При этом заводе, который славился передовой по тем временам организацией производства, было две библиотеки — легальная и подпольная, хранившаяся в железном сундуке рабочего Зуева. Начало нелегальному «отделу» положил приехавший с Кулебакского завода А. Исаков. Литературы не хватало, поэтому не брезговали и эсеровскими изданиями. Вопросы приобретения и хранения литературы обсуждались на общем собрании членов с.-д. партии. Здесь же решили отчислять по 2 % ежемесячного заработка на покупку книг. На скопленные деньги послали в Сормово высланного в Муром за политическую неблагонадежность Табейкина. Привезенные издания распределили между Муромом, Кулебаками и Липней. Часть литературы хранилась на квартирах Исакова, Моисеева и др.³⁰ Распространялись брошюры издания «Колокол», «Буревестник» и много разных газет — «Вперед», «Начало», «Социал-Демократ» и т. д.³¹ После подавления декабрьского (1905 г.) восстания в Москве официальная библиотека была закрыта, а во время обыска обнаружен нелегальный сундук и вся литература арестована. На попытки вернуть книги последовал ответ властей: «Кто хочет получить библиотеку, тот сам себя сгноит в тюрьме»³².

На фабрике Товарищества муромской бумаготкацкой мануфактуры легальную и нелегальную литературу, которая хранилась прямо на заводе, читали почти все рабочие. Когда стали выходить газеты либерального и легально-марксистского направления — «Товарищ», «Сын Отечества» и т. п. — устроили коллективную подписку³³. Прокламации женщинам-работницам передавал Н. Н. Тагунов, а они под кофточками приносили их на фабрику и в мужской уборной отдавали рабочим³⁴.

Удалось наладить печать нелегальной литературы в городе. Сначала ее множили на гектографах и мимеографах, которые

«в изобилии» хранились на квартирах, а потом А. С. Шляпников уговорил владельца типографии Н. Я. Благовещенского печатать эти издания в типографии³⁵. Для конспирации не указывался город издания. Счет растиражированных листов шел на десятки тысяч.

Еще одним источником поступления нелегальной литературы стала нижегородская социал-демократическая организация. В конце лета 1903 г. в Муром оттуда был направлен организатор Г. Я. Козин, который привез с собой и хорошо подобранную легальную библиотеку с книгами по истории, естествознанию и марксизму, и запрещенную литературу. Ее нарасхват разбирали посетители воскресной школы³⁶.

Учителя сельских школ, приезжая на каникулы в Муром, тоже привозили нелегальную, преимущественно социал-демократическую литературу: брошюры, газету «Искра», «Южный рабочий». Все расходилось по знакомым³⁷.

Получали литературу и из Москвы.

В самом Муроме в 1905-1906 годах довольно много нелегальной и бесцензурной литературы можно было купить в книжном магазине Н. П. Мошенцова. По доносу Мошенцов и его дочь Елизавета были арестованы, посажены в тюрьму. И, хотя при обыске на квартире нашли много политической литературы, суд оправдал владельцев магазина³⁸.

Был еще один достаточно курьезный путь знакомства добропорядочных муромских граждан с «нелегалщиной», о чем писала газета «Искра»: муромскому жандармскому полковнику Зворыкину, дабы он знал врага в лицо, начальство время от времени присылало образчики нелегальной литературы. Со временем у него сложилась объемная «служебная» библиотека. Кое-что под большим секретом в течение нескольких лет он давал почитать своим знакомым, и те, предвари-

тельно завесив окна, взахлеб прочитывали крамолу. Как-то раз в клубе Зворыкин за картами поспорил с местным врачом Доброхотовым, а тот уже на следующий день настроил на полковника донос в департамент полиции. Приехала комиссия, и полковник был отстранен от должности³⁹.

После того, как революция пошла на спад, начался период так называемой реакции. По всей стране — и Муром не исключение — проходили обыски, аресты в суды. Изымались множительные аппараты, литература, пресекалась деятельность кружков и библиотек. Только из библиотеки завода Валенкова было изъято около 150-ти наименований книг и брошюр революционного содержания, — на некоторых был штампель Муромской организации, — не считая прокламаций, листовок, обращений, воззваний и проч. Огромное количество литературы было арестовано во время обысков на квартирах активистов⁴⁰.

Петербургское землячество в 1907 году легализовалось, отказалось от выделения средств на рассылку библиотек, поддержки оппозиционного настроения студентов и сосредоточившись на материальной взаимопомощи.

¹ Пушков В. П. Муром на книжном рынке Москвы XVII века (по архиву приказа книгопечатного дела) // Уваровские чтения — X. — Владимир, 2018. — С. 148-149.

² См.: Васильченко Е. А. Библиотеки Мурома: история и современность // Уваровские чтения — VI. — Муром, 2006; она же. «Как пройти в библиотеку?» К вопросу о досуге в Муроме в первой половине XX века // Уваровские чтения — IX. — Владимир, 2014. — С. 142-148.

³ См.: Васильченко Е. А. Библиотеки Мурома: история и современность; она же. Книги из библиотеки Муромского духовного училища в собрании Муромского музея // Уваровские чтения — VII. — Муром, 2011. — С. 338-341. О библиотеке реального училища см.: Чернышев В. Я. Муромское реальное училище. 1875-1918 гг. (в архивных документах и воспоминаниях современников). — Муром, 2009; Пронин И. Ученическое движение в средне-учебных заведениях (1900-1908 гг.) // 20 лет рабочей организа-

ции РСДРП гор. Мурома, Кулебаки. – М., 1923. – С. 173-193.

⁴ Чернышев В. Я. Указ. соч. – С. 33.

⁵ Там же.

⁶ Ученические библиотеки // Муромский край. – 1914. – № 152. – 9 июля. – С. 3.

⁷ По поводу // Муромский край. – 1914. – № 29. – 5 февраля. – С. 3.

⁸ См.: Смирнов Ю. М. Архиепископ Савва (Тихомиров). Книги – путь к науке // Сообщения Муромского музея – 2017. – Выкса, 2020.

⁹ Прим. арх. Саввы: «История этого дела обстоятельно изложена в книге И. А. Чистовича: „История перевода Библии на русский язык”, ч. 1. стр. 169 и сл., Спб. 1875 года» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Istoriya_Tserkvi/hronika-moej-zhizni-avtobiograficheskie-zapiski/21.

¹⁰ Шляпников А. Подпольная работа в Муромском районе (1902-1904 годы) // 20 лет рабочей организации РСДРП гор. Мурома, Кулебаки. – С. 55.

¹¹ См.: Васильченко Е. А. Библиотеки Мурома: история и современность.

¹² Пронин И. Ученическое движение в средне-учебных заведениях (1900-1908 гг.) // 20 лет рабочей организации РСДРП гор. Мурома, Кулебаки. – С. 189.

¹³ Деев И. Страничка воспоминаний // 20 лет рабочей организации РСДРП гор. Мурома, Кулебаки. – С. 63-66; Молякова О. А. Ковровский след Зворыкиных // Уваровские чтения – V. – Муром, 2003. – С. 261; [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.geni.com/people/%D0%9C%D0%B0%D1%80%D0%B8%D1%8F-%D0%94%D0%B5%D0%B5%D0%B2%D0%B0/6000000072174210958>.

¹⁴ Histoire des livres populaires ou de la littérature du colportage depuis l'origine de l'imprimerie jusqu'à l'établissement de la commission d'examen des livres du colportage – 30 novembre 1852. par Charles Nisard. – V. 1, 2. – 2. éd. rev., corrigée avec soin et considérablement augmentée. – Paris: Dentu, 1864.

¹⁵ Васильченко Е. А. Библиотеки Мурома: история и современность. – С. 458-463; она же. Личные библиотечные фонды в собрании Муромского музея // Материалы областной краеведческой конференции. – Владимир, 2007. – Т. 1. – С. 129-131; она же. Книжные собрания Муромских купцов во второй половине XIX века: к вопросу о реконструкции // Уваровские чтения – VIII. – Владимир, 2012. – С. 215-220; она же. Книги с дарственными надписями в собрании Муромского музея // Сообщения Муромского музея – 2015. – Владимир, 2016. – С. 62-68; она же. Обзор

Ю. М. Смирнов, Е. А. Васильченко. Запретные плоды просвещения

материалов по краеведению, хранящихся в музейных коллекциях МИХМ // Сообщения Муромского музея – 2018. – Выкса, 2020; она же. «Иной за буквой видит жизнь...» (Дневник М. В. Мельникова в собрании МИХМ) // Уваровские чтения – XI. – Выкса, 2019. – С. 124-129.

¹⁶ См., например: Сухова О. А. «Собор» муромских святых: истоки и формирование иконографии // Уваровские чтения – XI. – Выкса, 2019. – С. 143.

¹⁷ Деев И. Страничка воспоминаний. 1900-1904 годы // 20 лет рабочей организации РСДРП гор. Муром, Кулебаки. – С. 63.

¹⁸ Рябинин А. К истории Муромского землячества в Петербурге // 20 лет рабочей организации РСДРП гор. Муром, Кулебаки. – С. 163-173.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Пронин И. Ученическое движение в средне-учебных заведениях (1900-1908 г. г.) // 20 лет рабочей организации РСДРП гор. Муром, Кулебаки. – С. 180.

²³ Там же. – С. 178.

²⁴ Суродеев В. Ф. Владимир Козьмич Зворыкин (1888-1982). Жизненный и творческий путь ученого-изобретателя в области электроники. – Муром, 1999. – С. 69. – Приложение 3. – Не опубликовано.

²⁵ Там же. – С. 179.

²⁶ Шляпников А. Подпольная работа в Муромском районе (1902-1904 годы) // 20 лет рабочей организации РСДРП гор. Муром, Кулебаки. – С. 37.

²⁷ Там же. – С. 38-39.

²⁸ Чулошников В. Мои первые воспоминания // 20 лет рабочей организации РСДРП гор. Муром, Кулебаки. – С. 76, 77.

²⁹ Чернышев И. Мои воспоминания // 20 лет рабочей организации РСДРП гор. Муром, Кулебаки. – С. 82.

³⁰ Пашин В. Воспоминания о Муромской организации РС.-Д.Р.П. // 20 лет рабочей организации РСДРП гор. Муром, Кулебаки. – С. 70.

³¹ Чернышев И. Указ. соч. – С. 81.

³² Гальберг М. Воспоминания о подпольной работе (За период с 1905 по 1907 г. г.) // 20 лет рабочей организации РСДРП гор. Муром, Кулебаки. – С. 139, 140.

³³ Шляпников А. 1905 год в Муроме // 20 лет рабочей организации РСДРП гор. Муром, Кулебаки. – С. 94.

³⁴ Ястребова-Васильцова. Воспоминания о 1905 годе // 20 лет рабочей организации РСДРП гор. Мурома, Кулебаки. – С. 90; Тагунов Н. Н. Памятка о подполье // 20 лет рабочей организации РСДРП гор. Мурома, Кулебаки. – С. 89.

³⁵ Шляпников А. 1905 год... – С. 114.

³⁶ Шляпников. Подпольная работа... – С. 43-46.

³⁷ Деев И. Страничка воспоминаний. 1900-1904 годы // 20 лет рабочей организации РСДРП гор. Мурома, Кулебаки. – С. 63; Чернышев И. Указ. соч. – С. 83.

³⁸ Шахрай А. Дело Е. Н. и Н. П. Мошенцевых // 20 лет рабочей организации РСДРП гор. Мурома, Кулебаки. – С. 135, 136.

³⁹ Искра. – 1903. – 15 июня. Цит. по: Шляпников А. Подпольная работа... – С. 39-40.

⁴⁰ Подробные списки указаны в разного рода документах Департамента полиции. См.: Шляпников А. 1905 год... – С. 91-134.

Издается с 2010 года

Научное издание

**Сообщения Муромского музея —
2018, 2019
(Материалы отчетных конференций)**

Под редакцией
Ю. М. Смирнова

Компьютерная верстка Е. Ю. Лемм

Обложка Е. В. Кулагина

Авт. листов — 7,8
Усл. печ. листов — 15,6